Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова

Annotation

Иван Барков (1732–1768) — легендарный русский поэт, давший имя целому направлению отечественной словесности. Сегодня, пожалуй, не найти мало-мальски грамотного человека, кто не слышал бы об этом литераторе XVIII века. Но, несмотря на столь широкую известность, абсолютному большинству читателей, интересующихся личностью стихотворца и его наследием, приходится довольствоваться лишь досужими вымыслами.

Вот, что, в частности, написано о Баркове в «Энциклопедическом словаре» Ф. Брокгауза и И. Эфрона (1891 г.): «Всероссийскую славу стяжал он себе тоже стихотворными, но не печатанными „срамными сочинениями“, в огромном количестве списков разошедшимися среди российских любителей пикантного чтения. Слава эта так велика, что создался особый термин „барковщина“ и Баркову сплошь да рядом приписываются вещи, которые совсем ему не принадлежат».

Дорогой читатель. Вы держите в руках научное издание сочинений Ивана Баркова, публикуемое впервые за 225 лет со дня его смерти.

http://ruslit.traumlibrary.net

- Иван Семенович Барков
  -
  - Иван Барков — история культурного мифа
  - Иван Барков: Биографический очерк
  - Девичья игрушка,
    - Приношение Белинде*
    - Оды*
      - Победоносной героине пизде
      - Пизде
      - Похвальные стансы сочинителю сей оды
      - Приапу («Приап, правитель пизд, хуев…»)
      - На проебение целки хуем славного ебаки
      - На воспоминание прошедшей молодости
      - Собранию пизд

    - Описание утренней зари
    - Фомину понедельнику
    - Кулашному бойцу
    - На день рождения Та<тьяны> Ива<новны>
    - Отцу Галактиону
    - Бахусу
    - Приапу («Парнасских девок презираю…»)
    - Победоносному хую
    - Хую
    - На рождение пизды
    - Монаху, или видение исповеди
- Сражение между хуем и пиздою о первенстве*
- Епистолы*
    - Епистола I
    - Епистола II
- Письмо Приапу
- Елегии*
    - Феклиста
    - «О ты, котора мне ети всегда давала…»
    - «Владычица души, жизнь жизни ты моей…»
    - Выговор от любовницы к любовнику
    - Плач пизды
    - Сетование хуя о плеши
    - На отьезд в деревню Ванюшки Данилыча
- Басни и притчи*
    - Подьяческая жена и поп
    - Коза и бес
    - Госпожа и парикмахер
    - Беседа
    - Монахи
    - Монахини
    - Повадка
    - Пожар
    - Гарнизонный солдат и немец
    - Неудачное искушение
    - Звонарь
    - Прохожий и сонная девка

- Попадья и три ее хахалл
- Старик и сонная молодка
- Черкас и маленькой сын
- Пьяная купчиха
- Встреча
- Драгун в тереме
- Всадник
- Пастух
- Попадья
- Покаяние

- Епиграммы*
  - Девичья память
  - Выбор
  - Стихотворцы
  - Девичье горе
  - Вопрос живописца
  - Непроворный
  - Требование
  - Кака
  - Заика с толмачом
  - Улика подьячего
  - <Мужу утешение>
  - <Монах>
  - <Объявление>
  - Доказательство
  - Ебливая вдова
  - Вопрос без ответу
  - Торг
  - Сафрон
  - Отговорка
  - Брюнетта
  - Федул
  - Предосторожность
  - Просьба
  - Мельник и девка
  - Рассуждение
  - Справедливый ответ

    - Отчаяние
    - Венерино оружие
    - Ссора
    - Спор
- Надписи*
    - Торжественным воротам
    - Монумент
    - Экономке
    - Анне
    - Елисавете
    - Варваре
    - Дарье
    - Ольге
    - Арине
    - Фетинье
    - Настасье
    - Татьяне Странноприимнице
    - Амуру
    - Катерине
    - Пелагее
- Портреты*
- Билеты*
- Епитафии*
- Сонеты*
- Рецепты*
- Загатки*
- Песни
    - «Пресильным я огнем…»
    - «Лишь в Глухове узнали…»
    - «Ай, ау, ахти, хти! Кабы теперь локтя в три…»
    - «Ай, ау, ахти, хти! Етись хочу хуя в три…»
    - «Поповна, поповна, попомни меня…»
    - «То не шум шумит…»
    - «Ты хуй мой разъярила…»
    - «Ярость молодца берет…»
    - «До пятнадцати еще лет…»
    - «Ты для чего ебешься…»

        - «Кабы знала я да ведала млада…»
        - «Пиздьи губы, губы толстыя…»
        - «Как со славного со стрелки кабака…»
        - «К тому ль я твоим, к тому ль хуем пленилась…»
    - Разные пиесы
        - Суд у хуя с мудами*
        - Разговор любожопа с любопиздом*
        - Торжествующая баханка*
        - Неудачный отказ*
        - Целка*
        - Символ веры Ванюшки Данилыча*
        - Ебена мать*
    - Драматические пиесы
        - Ебихуд*
            -
            - Действие первое
            - Действие второе
            - Действие третье
        - Дурносов и Фарнос*
            -
            - Действие 1
            - Действие 2
            - Действие 3
- Дополнения
    - A. Piron. Ode a Priape*
    - А. Пирон. Ода Приапу*
    - В. Рубан. Ода в похвалу любви*
    - Стихотворения и переводы И. Баркова
        - Ода на всерадостный день рождения…*
        - «Не пользу сатир я хвалами возношу…»*
        - Его Сиятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову…*
        - Сатира VIII книги первой Горация*
    - Стихотворения, приписываемые И. Баркову
        - Сатира на Самохвала*
        - «Пронесся слух: хотят кого-то будто сжечь…»*

            - Сатира на употребление французских слов в русских разговорах*
            - Надгробная надпись*
            - Эпиграмма на красоту чрез Баркова*
            - Эпиграмма любовная чрез Баркова*
        - Приложения
            - Рукописная и печатная история Баркова и барковианы
            - Обзор рукописных сборников барковианы
        - Комментарии
        - Словарь устаревших слов
        - Список синонимов к основным обсценным словам и понятиям
        - Словарь мифологических и исторических имен и названий
        - Выходные данные
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22

- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59

- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96

- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133

- 134

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru
Все книги автора
Эта же книга в других форматах

Приятного чтения!

Иван Семенович Барков
Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова

Иван Барков — история культурного мифа

Превращение имени собственного в нарицательное — участь, выпадающая на долю немногих писателей. Из всей великой русской литературы лишь считанным классикам довелось пополнить своими именами словарный фонд родного языка. В этом недлинном ряду история со своей неизменной иронией отвела Ивану Баркову, и по хронологии и по алфавиту, второе место после Аввакума. Под именем Баркова выходила знаменитая поэма «Лука Мудищев», которая, как это было всегда очевидно любому квалифицированному читателю, а в последнее время бесспорно доказано К. Ф. Тарановским[1], была написана уже в послепушкинскую эпоху. Еще более позднее происхождение имеют, также приписанные издателями Баркову, поэмы «Пров Фомич» и «Утехи императрицы», последняя из которых была недавно воспроизведена в России[2]. Текстам же, распространившимся под именем Баркова в различных списках XVIII–XIX веков, поистине нет числа.

Сведения о Баркове и его «срамных» произведениях стали появляться в нашей печати совсем недавно[3]. Но даже активизировавшееся в последние годы обращение к его наследию уже бессильно отменить сформировавшийся в русской культуре миф о поэте, миф, созданный десятилетиями и столетиями, в которые имя Баркова жило в культуре отдельно от его судьбы и его творчества. Баркову приписывались произведения, созданные через столетия после его смерти, докруг его судьбы ходили самые немыслимые биографические легенды.

Не смею вам стихи Баркова
Благопристойно перевесть
И даже имени такого
Не смею громко произнесть.

Первые две строки этого пушкинского экспромта относятся, по свидетельству А. П. Керн, к Дмитрию Николаевичу Баркову, сочинявшему непристойные эпиграммы на французском языке, но третья и четвертая явно отсылали к его прославленному однофамильцу. Само имя поэта ощущалось как неприличное и неудобопроизносимое. Еще в юношеском стихотворении «Городок», перечисляя авторов «сочинений, презревших печать», Пушкин отказывался «громко произнесть» скандалезное слово:

Но назову ль детину,
Что доброю порой
Тетради половину
Заполнил лишь собой.

Такая непроизносимость заветного имени, возможно, была связана с тем, что уже в пушкинскую эпоху миф о Баркове заслонил его сочинения и поэт стал выполнять в российской литературной мифологии функции своего рода бога Приапа, — символа сексуальной мощи и витальности. В традиционно атрибутируемой Пушкину поэме «Тень Баркова» родоначальник срамной поэзии является герою в момент мужских затруднений:

Он видит — в ветхом сюртуке
С спущенными штанами,
С хуиной толстою в руке,
С отвислыми мудами
Явилась тень <…>

Перед нами, по сути дела, божество языческой мифологии, требующее жертв и прославлений и приходящее на помощь своим жрецам. «Почто ж, ебена мать, забыл ты мне в беде молиться», — восклицает тень и действительно оказывается в состоянии восстановить увядшие силы своего приверженца, а позднее и спасти ему жизнь. Так реальный литератор середины 60-х годов XVIII века превратился в персонажа мифологического Олимпа, как бы символизирующего огромную потаенную область словесности, целую

культуру похабного, обсценного, широко разлившуюся под узкой пленкой официально разрешенного.

Встречались и похабные стишки
Безвестных подражателей Баркова,—

напишет современный поэт Тимур Кибиров, перечисляя граффити на стенах общественного сортира. Разумеется, никто из безымянных авторов этих виршей не читал того, что писал Барков, но это не мешает им оказаться в бесконечном ряду его последователей, который будет тянуться, нравится нам это или нет, до тех пор пока существует русский язык.

Впрочем, барковский миф при всей своей устойчивости складывался и формировался постепенно. Первым его этапом стала, по-видимому, группировка текстов барковского цикла вокруг имени одного автора. Как уже неоднократно отмечалось, произведения, входившие в собрания непристойных стихотворений XVIII века, в действительности принадлежали разным сочинителям. Целый ряд сборников такого рода, носивших чаще всего название «Девичья игрушка», содержит предисловие, называющееся «Приношение Белинде», в котором, в частности, сказано: «Но препоручив тебе, несравненная Белинда, книгу сию, препоручаю я в благосклонность твою не себя одного, а многих, ибо не один я автор трудам, в ней находящимся, и не один также собрал оную»[4]. Прежде всего, в различных экземплярах попадаются тексты, вовсе не имеющие отношения к барковиане и объединенные, пожалуй, только своей принадлежностью к рукописной литературе, создающейся без расчета на печатный станок. Среди них «Гимн Бороде» Ломоносова, «Послание слугам» Фонвизина, эпиграммы на Сумарокова и др. Особняком стоит в «Девичьей игрушке» цикл, связанный с именем некоего Ивана Даниловича Осипова: послания к нему А. В. Олсуфьева и ответы на них, ода на день рождения дочери Ивана Даниловича, поэма «Осквернённый Ванюша Яблошник (Яблочкин)» и др. В этих произведениях отражены нравы и фольклор полубогемной петербургской компании того времени, имевшей как аристократический, так и плебейский состав. При всем площадно-

кабацком характере своего остроумия тексты, группирующиеся вокруг фигуры Ивана Даниловича, существенно уступают основному массиву барковианы по части грубости и откровенности.

Но и за вычетом перечисленных произведений «Девичья игрушка» остается созданием различных авторов. В отдельных списках встречаются, в частности, подписи под некоторыми стихотворениями, указывающие на их авторство. Одно из стихотворений, носящих распространенное заглавие «Ода к пизде», приписано здесь Чулкову, другое, «Письмо к Приапу», — Ф. Мамонову. Эпиграмма «На актрису Д.» и стансы «Происхождение подьячного» подписаны «Сочинения А. С.» (по нашему мнению, есть самые серьезные основания атрибутировать эти тексты Сумарокову). Подпись «Сочинения Г. Б.», которую, безусловно, следует расшифровать как «Сочинения господина Баркова», также стоит под двумя произведениями: «Одой Приапу», представляющей собой своего рода расширенный и дополненный перевод знаменитого одноименного стихотворения французского поэта А. Пирона, и «Поэмой на победу При-аповой дщери». (В других списках эта поэма носит название «Сражение между хуем и пиздою о первенстве».) Разумеется, реальный вклад Баркова в «Девичью игрушку» куда более весом. Такой осведомленный и, вполне возможно, лично знавший Баркова современник, как Новиков, утверждал, что ему принадлежит «множество целых и мелких стихотворений в честь Вакха и Афродиты»[5]. О «бурлесках, каковых он выпустил в свет множество»[6], пишет и появившееся в Лейпциге еще при жизни Баркова «Известие о некоторых русских писателях», принадлежащее И. А. Дмитриевскому или В. И. Лукину. Таким образом, не приходится сомневаться, что сборник, носящий имя Баркова, заключает значительное количество его собственных произведений.

Однако для нас важно то, что коллективные по существу сборники собирались и стягивались в сознании современных читателей вокруг имени одного автора. Наряду с «Девичьей игрушкой» они традиционно получали заглавие «Сочинения Баркова». Порою эти два названия объединялись, и сборник обсценных стихотворений назывался «Девичья игрушка, или Сочинения Баркова», однако, так или иначе, закладывались основы традиции, по которой произведения непристойного содержания, даже если их автор был более или менее

известен, приписывались Баркову. (Любопытно, что позднее, в бесчисленных списках порнографических стихотворений, другим возможным кандидатом на авторство оказывается Пушкин, становящийся вторым воплощением барковского мифа. Бытующий в массовом сознании образ Пушкина несомненно несет в себе черты гипертрофированной сексуальности.)

Баркова страсть воспламеняет
И нудит прославлять пизду,—

верифицировал в своем сборнике стихотворений непристойного содержания его владелец — «устюжский помещик Левонтий Яколич». В его собрании многие тексты подписаны самыми разными именами, однако безвестный владелец этой рукописной книги уже воспроизводил сформировавшийся образ демиурга обсценного мира, создателя всех сочинений непристойного содержания, одержимого к тому же маниакальной страстью. Эти вирши заносились в сборник, ныне хранящийся в Государственной Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге, примерно в конце 1780-х годов, приблизительно через два десятилетия после смерти Баркова. Но еще до этого многие современники успели сформулировать свое мнение о его творчестве.

В лейпцигском «Известии о русских писателях», принадлежащих перу И. А. Дмитревского или В. И. Лукина, говорится о «веселом и бодром направлении ума» Баркова, проявившемся в «бурлесках, которых он выпустил в свет множество». «Жаль лишь, что местами там оскорблено благоприличие», — сетует автор «Известия». Читателя, знакомого с «Девичьей игрушкой», это осторожное «местами» может даже изумить, поскольку здесь очень мало таких мест, где бы благоприличие не было бы оскорблено самым решительным образом. Однако нравы середины XVIII века были, по-видимому, существенно либеральнее нынешних. Н. И. Новиков в своем «Опыте словаря российских писателей» и вовсе обошелся без этикетных сожалений, указав, что «сатирические сочинения» Баркова в честь Вакха и Афродиты «весьма многими похваляются за остроту». Новиков, возможно, лично знакомый с Барковым, особо отметил «веселый его нрав и беспечность»[7]. Уже много позже такой

предельно далекий от какого бы то ни было неприличия писатель, как Карамзин, дал Баркову более скептическую, но отнюдь не уничтожающую оценку: «Барков родился, конечно, с дарованием, но должно заметить, что сей род остроумия не ведет к той славе, которая бывает целию и наградой истинного поэта»[8]. Заслуживает внимания, что приведенный отрывок взят из книги под названием «Пантеон российских авторов». Карамзин, не колеблясь, включил Баркова в этот пантеон. Чуть позже, в сатирическом «Видении на берегах Леты» Батюшков также помещает его в «священный Элизий», населенный лучшими русскими поэтами: тот, «что сотворил обиды Венере девственной, Барков», оказывается судьей современных авторов, наряду с Ломоносовым и Сумароковым. И высокая оценка оскорбляющего приличия автора, и легкая ирония в его адрес идут здесь рука об руку. Это же сочетание почтения и скептицизма было характерно и для Пушкина:

О ты, высот Парнаса
Боярин небольшой,
Но пылкого Пегаса
Наследник удалой.

Таким образом, для XVIII и начала XIX столетия барковская традиция была частью литературы, отграниченной от основного ее массива, но не противопоставленной ему. Но с наступлением второй половины века— эпохи русского викторианства — ситуация резко меняется.

Если в первой трети XIX века барковской традиции отдают дань ведущие поэты, и среди них Пушкин, Языков, Вяземский, Полежаев, то где-то с конца 1830-х годов она все больше перемещается в сферу низового сквернословия или дружеской похабщины закрытых мужских учебных заведений. Строго говоря, гусарские поэмы Лермонтова уже указывают на этот перелом. Соответственно меняется и бытующий в культуре образ Баркова. На фоне заново сложившейся системы литературных приличий и табу этого времени тексты барковианы, тем более изрядно разбавленные позднейшими порнографическими виршами, выглядели чудовищно безнравственно.

Любопытным отражением такого подхода стало появившееся в 1872 году издание «Сочинений и переводов» поэта. Этот коммерческий сборник привлекал доверчивого читателя именем автора на обложке и предлагал ему свод легального Баркова, дополненный кратким предисловием, где излагались малодостоверные сведения об авторе, а сам он изображался моральным выродком, хулиганом и пропойцей. «Это просто кабацкое сквернословие, сплетенное в стихи: сквернословие для сквернословия. Это хвастовство цинизма своей грязью». В общем-то в том же духе судили и другие исследователи, которым по долгу службы приходилось иметь дело с произведениями поэта. «Разумеется, „Девичья игрушка“ (так называется в некоторых списках собрание мерзостей Баркова) никогда не будет напечатана»[9], — решительно заявил известный русский литературовед Е. А. Бобров. В том же ключе судит о Баркове в своем критико-библиографическом словаре и такой солидный ученый, как С. А. Венгеров, оказывающийся, впрочем, довольно снисходительным к поэту. «Для незнакомых с грязной музою Баркова следует прибавить, что в стихах его, лишенных всякого оттенка грации и шаловливости, нет также того почти патологического элемента, который составляет сущность произведений знаменитого маркиза де Сада <…> В Европе есть порнографы в десятки раз более его безнравственные и вредные, но такого сквернослова нет ни одного»[10].

Стоит отметить, что внешне парадоксальным образом самый демократический язык и созданная на нем словесность удостаиваются отчасти снисходительного к себе отношения в пору, когда расцветает литература «для немногих». Между тем в эпохи резкого расширения круга читателей табу на литературу, использующую ненормативную лексику, драматическим образом устрожаются. В действительности парадокс этот чисто мнимый. Социальные слои, недавно приобщившиеся к культуре, склонны закреплять новообретенное положение резким ужесточением системы запретов. Как пишет Е. Тоддес, «среднестатистический читатель может посчитать обращение к ней (табуированной лексике. — *А. З.)* покушением на мораль, а читатели, к интеллигенции не принадлежащие и более или менее свободно прибегающие к мату в быту, нарушением неких правил игры, согласно которым литература должна говорить красиво, не должна воспроизводить некультурное»[11]. В то же время круги, уверенные в

своем культурном статусе, склонны бравировать нарушениями табу. Кроме того, именно эти круги оказываются в наибольшей степени европейски (западнически) ориентированы и много слабей ощущают воздействие тех запретов, которые традиционно разделяли в русском языке приличную и неприличную лексику куда строже, чем в большинстве европейских. Тем самым матерная литература, созданная на русской почве образованным семинаристом И. Барковым, становится явлением по преимуществу интеллигентским, реализующим элитарность культурной позиции через ее снятие.

Таким образом, представляется закономерным развитие барковской легенды в нашем столетии. Для серебряного века, испытывавшего живой интерес к неприличной тематике, Барков был слишком груб и примитивен. На фоне «Маркиз» Сомова «Девичья игрушка» не выглядела достаточно увлекательной. Тем более не мог пробудиться интерес к бар-ковиане в годы призыва ударников в литературу, культурной революции и свирепейшей моральной цензуры. Отдельные упоминания «Девичьей игрушки» в эту пору связаны с попытками отыскать в ней зачаточную форму социального или политического протеста. В этом плане внимания заслуживает публикация в «Литературном наследстве» сатирической песни «Ебливица»[12] («Как в Глухове узнали»), в которой читался намек то ли на Анну Иоанновну, то ли на Екатерину П.

Отсюда как бы из недр официозного взгляда на барковиану, по существу к этому времени уже не известную читателям, родилось представление о Баркове как о поэте-бунтаре, протестанте против литературного и социального истеблишмента, получившее широкое распространение в оттепельные шестидесятые. Наиболее резко и отчетливо взгляд этот проявился в стихотворении Олега Чухонцева «Барков».

Храпел мясник среди пуховых облаков,
Летел ямщик на вороных по звездной шири.
А что же ты, иль оплошал, Иван Барков,
Опять посуду бил и горло драл в трактире…

Не тяжко пьянство, да похмелье тяжело,
Набрешут досыта, а свалят на Баркова,

Такое семя крохоборное пошло,
Что за пятак себя же выпороть готово <…>

И вам почтение, отцы гражданских од,
Травите олухов с дозволенным задором,
Авось и вам по божьей воле повезет
И петь забористо, и сдохнуть под забором <…>

Но вздор накатит — и разденется душа
И выйдет голая — берите на забаву,
Ах, Муза, Муза — до чего же хороша! —
Идет, бесстыжая, рукой прикрыв журавy.

В этом стихотворении с поразительной отчетливостью просматривается романтический образ поэта, прячущего нежный лирический дар под грубостью слога и поведения, поэта, знакомого с подлинным вдохновением и противостоящего равно мещанам, храпящим «среди пуховых облаков», и официально признанным авторам, сочиняющим свои опусы «с дозволенным задором». При этом в наследии поэта разделяются высокие и вдохновенные строки и случайные вирши, едва ли ему принадлежащие («набрешут досыта, а свалят на Баркова»). В этой интерпретации Барков становился своего рода предтечей Венедикта Ерофеева. Не случайно стихотворение Чухонцева было написано в 1968 году, за год до появления и широкого успеха «Москвы — Петушков».

В написанной шестью годами позже пьесе Л. Зорина «Царская охота» звучат те же ноты. Вечно пьяный пиит Кустов, персонале вымышленный, вспоминает своего покойного друга Ивана Баркова: «Ах, Боже святый, что за кудесник, таких уж нет. Все помнят одни срамные вирши, а знали б его, как знал его я! Как мыслил, судил, как верен был дружбе, а как любил безоглядно. Высокий был, ваше сиятельство, дух…»

Впрочем, эти цитаты заимствованы из изящной словесности, и их авторы, несомненно, имеют право на домысел и осовременивающее видение. Но и исследователи, изучающие творчество Баркова, отдают свою дань этому романтизированному взгляду в духе времени. В

статье Г. П. Макогоненко «Враг парнасских уз», остававшейся вплоть до самого последнего времени единственным специальным исследованием «Девичьей игрушки», появившимся в русской печати, барковиана рассматривалась как тотальная пародия на всю жанровую систему русского классицизма. «Выворачивая наизнанку сумароковские оды, сатиры, песни и элегии, — писал Г. П. Макогоненко, — Барков смело и настойчиво обращал внимание поэтов на живую жизнь, игнорируемую классицизмом, дерзко вводил в поэзию новых героев — близких ему по духу петербургских мастеровых, бурлаков и ямщиков <…> Он намеренно исключал свои стихи из печатной поэзии, превращая себя в отверженного поэта»[13].

Думается, что видеть в сочинениях Баркова «сознательную и строго продуманную»[14] борьбу с поэтической системой классицизма верно только отчасти. Пародийное начало барковианы действительно чрезвычайно выпукло в высоких жанрах: оде, трагедии, поэме. Здесь сочетание торжественной интонации, размера, связанного с высоким слогом, высокопарной лексики с шокирующе грубыми предметами и заборной руганью создает необходимый эффект с безотказностью, которая, если учесть тысяче- и тысячекратную использованность этого приема, выглядит даже поразительной. Однако в таких жанрах, как басня или эпиграмма, пародийный элемент заметен мало. Басня, скажем, традиционно относилась к низкому роду, а под пером А. Сумарокова, признанного корифея жанра и канонизатора жанровой системы русского классицизма, она и вовсе приобрела простонародную грубость. Притчи и басни барковианы лишь дополнительно опущены по лексике и тематике ниже планки литературного приличия, но говорить о пародии здесь нет особенных оснований.

Представляется, что «борьба с поэзией классицизма» не была главной задачей для Баркова и его соавторов по «Девичьей игрушке», чье творчество лежит в русле той же поэтической системы. Дело здесь в другом. «В книге сей ни о чем более не написано, как о пиздах, хуях и еблях», — замечает автор «Приношения Белинде». Это чистая правда. Многообразный мир, охватываемый разветвленной жанровой системой классицизма, оказывается сведен здесь к одной области жизни, которая как раз находилась за пределами разрешенной словесности. Буало и Сумароков строили свои поэтики, исходя из того,

что каждому поэтическому жанру соответствует особый участок умоконструируемой реальности. В барковиане же жанровое разнообразие помогает лишь по-разному говорить об одном и том же. Там, где действуют люди, все их поступки и помыслы редуцированы до единственной житейской функции, а сплошь и рядом место антропоморфных персонажей занимают, как, вслед за Дидро, выразился Г. Макогоненко, их «нескромные сокровища»[15], вступающие между собой в отношения как бы вовсе без участия своих хозяев. Обычная и распространенная, скажем, в матерной частушке синекдоха, когда определенные части тела метонимически обозначают мужчину и женщину, здесь материализуется и половые органы как бы заменяют собой людей, что дополнительно подчеркивает одномерность воссоздаваемого мира. Характерный для классицизма механизм рационалистического вычленения предмета и отсечения всех посторонних и избыточных деталей и наслоений здесь доведен до абсурда, поскольку абсолютно во всех жанрах вычленяется один и тот же предмет.

Поэтому едва ли есть смысл говорить о стихийном реализме барковианы. Здесь, если отбросить цикл, связанный с Иваном Даниловичем, очень мало бытовой конкретики, для которой почти и нет места в фантасмагорическом мире, в котором все употребляют всех всеми возможными и невозможными способами. Отсюда и беспредельная изобретательность авторов в подыскивании синонимов для основополагающих понятий — почти непереносимая густота их использования настоятельно требует разнообразия хотя бы на чисто лексическом уровне.

Конечно, есть и исключения. Забавные житейские зарисовки попадаются в некоторых баснях; оды «Кулачному бойцу» и в гораздо меньшей степени «К Бахусу» затрагивают смежные с магистральной темы пьянок и кутежей. Но место, которое занимают все эти сочинения, невелико. Не случайно, решившись опубликовать в сборнике «Поэты XVIII века» (Л., 1972) один текст из «Девичьей игрушки», Г. П. Макогоненко и И. З. Серман были вынуждены остановиться на абсолютно не характерной для барковианы оде «Кулачному бойцу». Ее с огромными купюрами и многочисленными многоточиями все-таки можно было напечатать. Выбери составители

буквально любое другое произведение, им бы пришлось многоточиями и ограничиться.

Если истолковывать барковиану как пародию, то вся матерщина и похабство «Девичьей игрушки» оказываются лишь орудием для дискредитации системы аллегорически-условного использования классической мифологии, риторических условностей ломоносовской оды или су-мароковской трагедии. Представляется, что в этой трактовке цели меняются местами со средствами. Прежде всего, при жизни Баркова, в 1750-1760-е годы, вся эта поэтическая система была еще безусловно живой и едва ли могла ощущаться современниками как подходящий объект для такой стилистической атаки. Кроме того, взятые по отдельности, многие стихи «Девичьей игрушки» могли быть и, вполне вероятно, были пародиями или, как говорили тогда, «переворотами». Но само их неимоверное количество заставляет усомниться в сугубо пародийной направленности «Девичьей игрушки».

Думается, что подготовка образованного латиниста, умелого версификатора, превосходного знатока и ценителя современной поэзии была использована Барковым, чтобы олитературить те области жизни л, прежде всего, языка, которые существовали за пределами дозволенного. Можно, пожалуй, сказать, что создатели барковианы не столько использовали матерщину и образы совокупления для того, чтобы дискредитировать мифологическую образность, ломоносовскую оду, сумароковскую трагедию или народную песню, сколько, напротив, черпали оттуда стилистический реквизит, чтобы говорить о запретном. Конечно, пародийный эффект возникает при этом неизбежно и порой создается сознательно, но главная цель авторов все же иная: воссоздание с помощью разработанной поэтической техники целостного и всеобъемлющего литературного inferno, мира, в котором царят мифологические образы Приапа и Венеры. (Позволим себе здесь некоторую классицистскую аллегоричность, чтобы в погоне за классицистской же терминологично-стью не прибегать к двум самым распространенным русским словам.)

Статья Г. Макогоненко была впервые напечатана в 1964 году еще до стихов О. Чухонцева. В ту пору отверженный поэт еще существовал в литературном сознании наряду с признанными. Но постепенно по мере вытеснения в 1970-е годы основной массы художественно

значимой литературы в сам- и тамиздат общественное мнение становилось все более склонно предпочитать отверженных поэтов признанным. Так, значение Баркова постепенно начинало преувеличиваться, и он все более воспринимался в качестве едва ли не ведущей литературной фигуры XVIII века.

«Вспоминаю Баркова — учителя Пушкина, которого у нас считают порнографом, — делился совсем недавно поэт Андрей Вознесенский. — Но в сравнении с тем, что происходит сейчас, это идиллическая, целомудренная порнография. <…> У нас никто не понимает, что Барков — это учитель Пушкина. Пушкин — это Державин плюс французская культура и Барков. „Евгений Онегин“ по естественной интонации идет от Баркова. <…> Барков принес стихию разговорной речи. <…> Язык Баркова через Пушкина стал литературной нормой»[16].

К исторической реальности все это, разумеется, не имеет никакого отношения. Язык Баркова, как легко убедится любой подготовленный читатель настоящего сборника, за исключением вечно современного мата, в целом более архаичен и тяжеловесен, чем язык од Ломоносова и басен Сумарокова. Что до Пушкина, то он, назвав Баркова «удалым наездником» «пылкого Пегаса» и проявив к его наследию недюжинный интерес, все же недвусмысленно отказался от услуг подобного наставника.

«Но убирайся с Богом. Как ты, в том клясться рад, Не стану я писать», — заявлял он в «Городке», по чтении заветной тетради с «Девичьей игрушкой». Однако интересна не столько историко-литературная обоснованность оценок А. Вознесенского, сколько их внутренняя логика. Для современного сознания потаенный автор — это неизбежно автор гениальный, решающим образом влияющий на поколения последующих писателей, о чем их неосведомленный поклонник может даже не догадываться. В этой схеме угадывается, конечно, история долгого подспудного бытования в отечественной словесности Платонова, Набокова или Мандельштама. Столь же условны и представления Вознесенского о биографии Баркова: «По легенде он умер в камине у себя в усадьбе, когда утром пришли к барину лакеи, они увидели — из камина торчит голая попка. Барков покончил с собой, уткнувшись головой в камин, а в попку воткнул свое последнее произведение: „Жил грешно, а умирал смешно“[17]». Здесь

ссылка на легенду не спасает дела. Нищий семинарист Барков, «отрешенный от Академии» «за пьянство и худое поведение», никогда не был барином и мог видеть усадьбу и лакеев разве что во сне. Правда, анекдотическая традиция действительно связывает с именем Баркова процитированную автоэпитафию, но обстоятельства ее создания всецело лежат на совести современного поэта.

Впрочем, не только А. Вознесенского тянет пожаловать Баркову дворянство. В газете «Московские ведомости» в прошлом году было предано гласности очередное предание о Баркове, по которому он «был выслан из столицы в свою родовую деревеньку Барковку, тут писал стихи свои и написал однажды поэму о Екатерине II и графе Григории Орлове <…> За поэму сию, дошедшую до царицы, вывезен был Барков из деревни в кандалах <…> и доставлен к государыне. Та хотела было предать автора поэмы казни, но потом передумала и ввела к себе в опочивальню. Откуда Иван Семенович вышел через три дни, держась за стену, но с графским достоинством. Стал служить при дворе, но вскоре помер»[18].

В этой заметке, принадлежащей перу некоего Георгия Блюмина, любопытно совершенно механическое сочетание мифа о Баркове-Приапе и Баркове-бунтаре. «Революционером, разночинцем и простолюдином в стихах своих» называет его тот же Блюмин и совершенно уверенно причисляет к «великим поэтам», не без трогательного простодушия подтверждая этот тезис публикацией версификационно-беспомощной порнографической поэмы «Утехи императрицы», написанной, по-видимому, в XX веке.

Конечно, А. Вознесенский не столь наивен. Но и он рассказывает свою легенду, чтобы подчеркнуть современный «черный юмор» Баркова, сближающий обсценного поэта XVIII века с сегодняшним днем. И снова популярно-беллетристические истолкования находят свое отражение в научных трудах. В статье А. Илюшина в «Литературном обозрении» подчеркивается «великолепный алогизм»[19] барковской поэтики, заставляющий вспомнить Хармса и Введенского. Однако самый яркий пример, приведенный исследователем, почти наверняка представляет собой описку копииста, также как и отмеченный им в другом месте случай «виртуозного использования разноударной рифмы»[20]. В условиях постперестройки, после того как идеологическое давление режима ослабло, на первый

план, даже несколько тесня диссидента, выходит Барков — новатор и эксцентрик, создатель особой смеховой поэтической культуры.

Развитие барковского мифа продолжается. Вообще говоря, подобное мифотворчество является неотъемлемым элементом всякой живой литературной репутации. Мифы рождаются вокруг имен всех писателей, чье творчество интересует потомков, и нет сомнения, что автор этих строк тоже вносит свой скромный вклад в строительство очередного барковского мифа.

Однако превратности репутации Баркова имеют свою специфику. Самый заинтересованный читатель не имеет возможности сверить версии, которые предлагают ему специалисты и любители, с собственными впечатлениями. Только издание «Девичьей игрушки» может перевести разговоры о Баркове из области умозрительных спекуляций в реальное пространство истории литературы. Именно в таком переносе и состоит задача настоящего издания.

«Вы не знаете стихов <…> Баркова <…> и собираетесь вступить в университет, — говорил Пушкин Павлу Вяземскому. — Это курьезно. Барков — это одно из знаменитейших лиц в русской литературе; стихотворения его в ближайшем будущем получат огромное значение <…> Для меня <…> нет сомнения, что первые книги, которые выйдут в России без цензуры, будет полное собрание стихотворений Баркова»[21].

В этих словах одновременно и признание литературного значения Баркова, и скептическая оценка русского общества, которое, чуть дай ему волю, бросится на клубничку. И все же в свободной русской печати «Девичью игрушку» издать надо. Издать спокойно, академически, с комментариями и без многоточий. Издать, чтобы избавить многих читателей от напрасных ожиданий и удовлетворить тех, кто интересуется историей литературы. Место, которое занимает Барков в этой истории, не так велико, как порой кажется тем, кто не знаком с его творчеством, но оно заслуживает того, чтобы быть указанным и обозначенным.

Андрей Зорин

Иван Барков: Биографический очерк

Реальная биография Ивана Баркова в той степени, в какой она может быть сейчас реконструирована, не способна дать многое для истории «Девичьей игрушки»: с биографией академического переводчика соотносимы вполне серьезные литературные работы, а непристойная поэзия проецируется на мифологический образ, подпитываемый апокрифическими анекдотами.

Общим местом практически у всех, писавших ранее о Баркове, было сетование на слабую документированность его реальной биографии и сожаление о том, что вместо достоверных фактов предание сохранило множество забавных, но фактографически сомнительных анекдотов. Неизвестный автор свидетельствовал в середине XIX в.: «Про Баркова ходит много устных анекдотов, отличающихся, впрочем, не меньшею деликатностью, чем и его сочинения…»[22] Сходная констатация — и в анонимной статье, предпосланной изданному в 1872 г. сборнику переводов Баркова: «Самые несообразные анегдоты рассказывают про него»[23]. Об известности Баркова, «главным образом по апокрифическим непристойным стихам и анекдотам», писали исследователи и в конце 1920-х гг., призывая сделать поэта «предметом, серьезного научного исследования»[24].

Аналогичные призывы звучали и ранее. Так, казанский библиограф П. В. Васильев, рецензируя издание 1872 г., охарактеризовал биографический очерк в этой книге как «весьма неудовлетворительный, ибо наполнен одними скандалезными анекдотами о Баркове и о той несчастной слабости, которая свела его в преждевременную могилу. Как ни скудны данные для биографии Баркова, все же по этим данным можно лучше и обстоятельнее составить очерк жизни этого писателя, не ограничиваясь скандалезными анекдотами и сомнительными о нем преданиями»[25]. На анекдоты вынужден был опираться даже весьма академичный С. А. Венгеров; в своей статье о Баркове он пытается использовать эти анекдоты «позитивно», извлекая из них материал для характеристики личности поэта. Начиная с традиционного сетования: «Имеющиеся

биографические сведения о нем скудны», Венгеров сообщает о распространенности «многочисленных устных анекдотов, рассказываемых о нем», и приводит два из них (один, записанный А. С. Пушкиным, и другой, приведенный в издании 1872 г.), после чего резюмирует: «В таком же роде все другие анекдоты о Баркове, курсирующие в литературных и иных сферах. И хотя это не более как анекдоты, но полное совпадение основного их содержания несомненно устанавливает тот факт, что был Барков всю свою жизнь пьяница горчайший, весьма редко протрезвлявшийся»[26].

В наше время положение изменилось. С одной стороны, со второй половины XIX в. постепенно в распоряжении исследователей стали накапливаться данные об учебе и служебной деятельности Баркова, извлекаемые главным образом из различных фондов архива Академии наук. Особенно большую и планомерную работу в этом отношении провела Е. С. Кулябко, выступившая и как один из авторов наиболее документированной биографии Баркова[27].

С другой же стороны, если в XIX в. в литературных и близких к ним кругах и бытовало большое количество анекдотов о Баркове (особо большое их число и разнообразие вообще сомнительно), то сейчас их известно не так-то много. По крайней мере, сколь бы то ни было яркую картину мифологизированно-анекдотической жизни поэта нарисовать затруднительно. Можно сказать, что сейчас в сведениях о Баркове анекдот оказался явно оттесненным на второй план документом.

Почти все документы о Баркове связаны с его деятельностью в Академии наук.

Из списков и реестров академических студентов можно заключить, что Барков родился в 1732 г. в Петербурге или близ него. Отец его был священником. Фамилия поэта писалась двояко: в ранних документах преимущественно как Борков, позже все чаще Барков, что и было закреплено традицией. Нет полной ясности и с отчеством, так как ни в одном официальном документе оно не упоминается, не приводят его и наиболее ранние биографы. Сводку данных по этому вопросу включил в свою статью С. А. Венгеров: «Новиков в своем словаре зовет его просто Барков, Иван. Это же обозначение имеется и на заглавных листах отдельных сочинений академического переводчика. В бекетовском „Пантеоне русских авторов“ под

портретом Баркова подписано Иван Степанович, под гравюрою начала нынешнего столетия К. Афанасьева — Иван Семенович, Евгений и вслед за ним Геннади говорят об Иване Ивановиче Баркове, Греч и лексикон Плюшара называют нашего автора — Иваном Семеновичем»[28]. Вероятно, именно авторитетность «Опыта краткой истории русской литературы» (СПб., 1822, см. с. 189–190) Н. И. Греча, ставшего основой для разнообразных работ по русской литературе на протяжении полувека, обусловила приоритетность варианта «Иван Семенович», хотя вопрос этот так до конца и не прояснен. Укажем для справки, что в собрании С. Д. Полторацкого имеется вырезка словарной статьи о Баркове из «Энциклопедического Словаря, напечат<анного> у Селива<новского>, но не изданного», как значится в приписке Полторацкого[29]. Здесь Барков тоже именуется Иваном Семеновичем.

В 1744 г. Барков был определен в духовную семинарию при Александро-Невском монастыре в Петербурге[30], где окончил грамматические классы и перешел в класс пиитики. Семинария заложила основы его образования, прежде всего знание латинского языка.

В 1747 г. при Академии наук был основан университет, где планировалось обучать 30 студентов на казенном содержании и некоторое число вольнослушателей. Профессора занялись отбором студентов из числа способных семинаристов. В начале 1748 г. с этой целью в Москву поехал В. К. Тредиаковский, а М. В. Ломоносов и И. А. Браун проводили собеседования и отборочные испытания в Александро-Невской семинарии. Списки отобранных в студенты были представлены в академическую канцелярию. Когда до начала занятий (16 мая 1748 г.) оставалось менее месяца, Барков пришел сам проситься в студенты.

26 апреля Ломоносов подал в академическую канцелярию следующее «Доношение»:

> 1. Сего Апреля 24 дня приходил ко мне из Александровской Семинарии ученик Иван Борков и объявил, что он во время учиненнаго с гди-ном Профессором Брауном екзамена в Семинарии не был, и что весьма желает быть

студентом при Академии Наук, и для того просил меня, чтоб я его екзаменовал.

2. И по его желанию говорил я с ним по латине и задавал переводить с латинскаго на российской язык, из чего я усмотрел, что он имеет острое понятие и латинской язык столько знает, что профессорския лекции разуметь может. При екзамене сказан был от учителей больным.

3. При том объявил он, что учится в школе Пиитике, и что он попов сын, от роду имеет 16 лет, а от вступления в Семинарию пятой год, и в стихарь не посвящен.

И ежели Канцелярия А. Н. заблагорассудит его с протчими семинаристами в Академию потребовать, то я уповаю, что он в науках от других отменить себя может.

1749 года Апреля 26 дня, о сем доносит Профессор Михаила Ломоносов[31].

На основании этого представления Барков был зачислен в студенты и 10 мая 1748 г. прислан в Академию наук; 27-м мая датирован указ о его принятии в университет со студенческим жалованьем, но одновременно последовало распоряжение о направлении Баркова в академическую гимназию для «доучивания» (Барков на несколько лет был моложе остальных студентов этого набора).

Практически все современники и исследователи биографии Баркова отмечали его бесспорные способности, главным образом в словесности. «По всем вероятиям, его ожидала громкая известность, когда бы несчастная страсть к вину и распущенная жизнь не погубила этого человека»[32]. Впрочем, бражнические и буйственные наклонности отличали почти всех соучеников Баркова по университету.

Студенты «по утрам 5 часов в неделю слушали у академиков: Брауна — руководство во всю философию, „употребляя за основание сокращенную Тиммигом вольфианскую философию“; у Рихмана-2 часа все части математики <…> Крузий — 5 часов в неделю „толковал древних римских авторов, при чем и знание древностей, также и правила о чистоте штиля изъяснять. Он же покажет, когда потребно рассудится, и литературную историю по печатному Гейманову

руководству…“. После обеда Фишер читал „универсальную историю, с присовокуплением всегда хронологии“. Струбе де-Пирмон толковал „новейшую историю всех государств в Европе, и потом их внутреннее состояние и каждого с прочими союзы и политическое связание“. Тредиаковский — „Целлариеву орфографию“ и „Гейнекциевы основания чистого штиля“. По окончании этих лекций предполагалось занять студентов науками, к которым у них окажется более склонности, как-то астрономиею, химиею, ботаникою и механикою»[33]. Ломоносов вел в университете курс «Истинной физической химии» и читал студентам лекции по российскому стихотворству; Барков был одним из слушателей этого курса по теории словесности[34].

В течение первого года Барков отличался своими успехами у Х. Г. Крузиуса, не блистал у В. К. Тредиаковского, И. Э. Фишером был отнесен к тем студентам, которые «либо не годны к историческим наукам, либо рано к оным допущены»; Г. В. Рихман свидетельствовал, что он имеет плохие знания даже в арифметике[35]. На экзаменах в январе — феврале 1750 г. Г. Ф. Миллер представил о Баркове такой аттестат: «Иван Барков несколько показал успехов в арифметике, а в других математических науках не столько, также и в философии не много учился. Он объявляет, что по большей части трудился в чтении латинских авторов, и между оными Саллюстия, которого перевел по русски войну Катилинову. Понятия не худова, но долго лежал болен, и кажется, что острота его от оной болезни еще нечто претерпевает». 17 февраля 1750 г. Фишер дал оценку поведению Баркова: «Ив. Барков средних обычаев, но больше склонен к худым делам»[36].

В материалах академической канцелярии сохранились сведения о разгульном быте соучеников Баркова, среди которых были и такие известные позже деятели русской литературы и науки, как А. А. Барсов, А. И. Дубровский, Н. Н. Поповский, С. Я. Румовский и др.: «… новые студенты часто и сильно кутили; драки у них между собою и с посторонними были не редкость; в студентских комнатах находили женщин; начальству не раз приходилось выслушивать грубости и даже угрозы. Академик Фишер, которому был поручен надзор за студентами, однажды просил академическую канцелярию, для удержания студентов от своевольств, назначить в его распоряжение особую команду из восьми солдат и двух „кустосов“[37]».

В этих проделках Барков отличался более других. Известно, что 23 марта 1750 г. по приказу президента Академии наук К. Г. Разумовского «велено студента Ивана Баркова за его из университета самовольную отлучку и другие мерзкие проступки в страх другим высечь, что и учинено»[38]. В 1751 г. С. П. Крашенинников доносил, что после кутежа Барков «ушел из университета без дозволения, пришел к нему, Крашенинникову, в дом, с крайнею наглостию и невежеством учинил ему прегрубые и предосадные выговоры с угрозами…»[39]. «1 апреля 1751 года, отлучившись из Академии, он возвратился в нетрезвом виде и произвел такой шум, что для усмирения его товарищи принуждены были позвать состоявшего в Академии для охранения порядка прапорщика Галла. Барков, сопротивляясь ему, „сказал за собою слово и дело“, почему взят был „под караул“ и отправлен в Тайную Канцелярию розыскных дел. 15 апреля он был возвращен оттуда и снова принят в академический университет „с таким объявлением, что хотя он Барков за то подлежал жестокому наказанию, но в рассуждении его молодых лет и в чаянии, что те свои худые поступки он добрыми в науках успехами заслуживать будет, от того наказания освобожден; а ежели впредь он Барков явится в пьянстве или в худых каких поступках, тогда жестоко наказан и отослан будет в матросскую службу вечно“. С 25 мая 1751 года он был уже исключен из числа студентов и состоял в типографии учеником наборного дела, с содержанием по два рубля на месяцу; но Канцелярия, „усмотря его молодые лета и ожидая, не будет ли от него впредь какого плода“, назначила ему обучаться российскому штилю у проф. Крашенинникова и языкам французскому и немецкому, и только по окончании учебных часов приходить в типографию, причем корректору Барсову поручено было наблюдать, чтобы он не впал в прежние непорядки, и доносить о его занятиях и поведении ежемесячно»[40].

Окончательно «исправиться» Баркову было трудно; если в июле 1751 г. Барсов доносил, что Барков находится «в трезвом уме и состоянии и о прежних своих продерзостях сильно сожалеет», то 10 ноября 1752 г. он вместе с двумя академическими мастеровыми был наказан розгами «за пьянство и за ссору в ночное время»[41].

Неопределенное положение «ученика» при Академии наук и должность типографского помощника с мизерным жалованьем было

для Баркова тяжелым испытанием, и 2 марта 1753 г. он подал в академическую канцелярию прошение:

В Канцелярию Академии Наук

Всепокорное прошение.

Просит тоя ж Академии Наук ученик Иван Борков, а о чем мое прошение, тому следуют пункты:

1.

Прошлого, 1752 года, Майя 29 числа определен я нижайший к находящемуся в типографии корректору Алексею Барсову для вспоможения ему в поправлении корректур и для записки у него бумаги и прочих материалов, понеже за множеством положенных на него Барсова дел, а имянно, что надлежит до приходу и расходу бумаги и прочих материалов, такожде и для посторонних его случающихся дел, как то переводу ведомостей и иных, без вспоможения оному одному исправиться было трудно.

2.

А минувшаго февраля м<еся>ца 5 числа сего 1753 года по резолюции Канцелярии Академии Наук помянутый корректор Алексей Барсов от должности, касающейся до приходу и расходу бумаги и прочих материалов, уволен, и оная препоручена определенным для тех дел особым людям г<оспо>д<и>ну инспектору Томилину и наборщику Ивану Ильину, и следовательно он ныне оставлен токмо при исправлении корректорской должности и над типографскими служительми смотрение имеет, что он без труда и без помощи моей исправлять может.

3.

И тако я нижайший в типографии впредь имею находиться праздно, ибо как объявлено мною, для помянутых обстоятельств и умаления дел лехко может и без помощи моей оной корректор Барсов справляться.

4.

А желаю я нижайший принять на себя должность бывшего при асессоре и унтер библиотекаре гдне Тауберте

канцеляриста Ульяна Калмыкова, которую я свободно отправлять могу, хотя от типографии освобожден и не буду.

5.

А понеже в убогом моем нынешнем состоянии определенным мне жалованьем, которого годовой оклад состоит токмо в тритцати шести рублях, содержать себя никоим образом почти не можно, ибо как пищею и платьем, так и квартиры нанять чем не имею.

Того ради прошу Канцелярию Академии Наук, дабы соблаговолено было меня нижайшего на помянутого бывшего канцеляриста Калмыкова место определить и притом к окладу моего жалованья прибавить по благоизобретению Канцелярии Академии Наук, и о сем моем прошении решение учинить.

1753 года, Марта дня.

К сему прошению ученик Иван Борков
руку приложил[42].

В тот же день, 2 марта, академической Канцелярией было определено «оному ученику Баркову быть впредь до усмотрения в Канцелярии Академии Наук для переписки на бело случающихся дел, нежели он худые свои поступки оставит и в порученном ему деле явится прилежен, то без прибавки жалованья оставлен не будет…»[43].

Баркову пошли навстречу. П. С. Билярский замечал по этому поводу: «Видимо, что академическое начальство ценило его дарования и старалось исправить его поведение. Впоследствии встречаются еще попытки поддержать его угрозами и обещаниями, — попытки напрасные. При всем том его по крайней мере терпели»[44]. Очередной пример благорасположения к Баркову был продемонстрирован очень скоро. Не успел Барков перейти в академическую Канцелярию, как сразу же попал в очередную неприятную историю и даже содержался под стражей. Но вновь начальство снизошло к нему, хотя в случае повторения подобного Баркову опять пригрозили списанием из Академии в матросы. На этот счет вышло следующее предписание:

Понеже ученик Иван Борков за продерзости ево содержится при Канцелярии под караулом, а ныне он в

виностях своих признавается и впредь обещает поступать добропорядочно, да и Канцеляриею он усмотрен против прежнего исправнее, того ради, да и для наступающего праздника С < вя > тыя Пасхи, из под караула его свободить, однако быть ему при делах в Канцелярии и для переписки ученых пиэс в звании копииста и к производимому ево нынешнему жалованью к 36-ти рублям прибавить ему еще четырнатцать рублей и тако имеет он получать в год по пятидесяти рублев; и оное прибавочное жалованье начать производить будущаго апреля с перваго числа; а ежели он Борков впредь наилучшим образом себя в делах и поступках окажет, то имеет ожидать как прибавки жалованья, так и произвождения; а в противном случае непременно отослан будет в матрозскую вечную службу; чего ради ему объявить сие с подпискою. / Подлинной за подписанием Советника гдна Шумахера за скрепою Секретаря Ханина.

Марта 30 дня
1753 года.[45]

С этого времени на ближайшие годы главной обязанностью Баркова стала переписка (копирование) различных академических документов и рукописей. Поручалась ему и редактура отдельных текстов. Очень быстро Барков приобрел хорошую квалификацию, как сказали бы сейчас, редакционно-издательского работника. Именно в области книжного дела и литературного труда он намеревался зарабатывать себе на жизнь, ибо мизерного жалованья академического копииста (как стал он теперь именоваться вместо «ученика») могло хватить разве что на водку, при тогдашней ее баснословной дешевизне. Для сравнения с окладом Баркова (36 р. плюс добавленные 14 р.) укажем, что за двадцать лет до этого (в 1735 г.), при более низком уровне цен, жалованье «портомойницы» в штате академической семинарии (открывшейся потом как гимназия и университет) было определено в 36 р. годовых, а на каждого ученика по плану ассигновывалось (с учетом одежды, питания и т. п.) по 146 р. 60 и 76 коп[46].

Кроме профессиональных навыков, Барков, по всей видимости, умел ладить с людьми и, несмотря на свои известные пороки, внушал

доверие как способный и перспективный работник. Известно несколько его попыток найти себе подходящую службу. Так, уже через год после определения копиистом он просил академическую Канцелярию отпустить его справщиком на вакансию в типографии Морского кадетского корпуса, 15 апреля 1754 г. он подал слезный рапорт с этой просьбой:

В Канцелярию Академии Наук

Всепокорное доношение

Доносит оной же Академии Копеист Иван Барков о нижеследующем:

1.

Уведомился я именованный, что полученною сего апреля из г<осу>д-<а>р<с>твенной Адмиралтейской Коллегии промемориею требуется в типографию морского шляхетного кадетского корпуса справщик, который бы знал российскую грамматику и по латине;

2.

А понеже я в рассуждении знания объявленных в той промемории грамматики и латинского языка особливую имею к оной должности способность, тако ж и к типографскому поведению нарочито уже приобык, упражнявшись в касающихся к тому делах, наиначе же во исправлении корректур более, нежели полтора года;

3.

Того ради, да и для претерпенной мною веема немалой бедности, в коей почти целые три года обращался, всепокорнейше Канцелярию Академии Наук прошу, дабы в порадование мое и во облегчение от оной не лишить меня в сем случае высокой милости, удостоить к определению в помянутую должность, а паче что сим способом малые труды мои в науках втуне остаться не могут, но и сверх того чувствуя толь чрезвычайную милость и пользуясь, елико возможно, приобретенными от Академии плодами учения с непременною благодарностию, по все-подданнической моей рабской должности, о многолетном здравии ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА с ИХ

ИМПЕРАТОРСКИМИ ВЫ-СОЧЕСТВЫ молить Бога неусыпно буду, к тому ж и высокую честь и славу Академии ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА по всей моей возможности наблюдать и прославлять долженствую;

4.

Что ж касается до моего исправления в житии, то не довольно еще кажется, чтоб нынешнее мое гораздо исправнейшее против прежнего состояние могло быть о честных моих поступках доказательством, но непременно во всю мою жизнь стараться не премину, дабы и всегда оказывать себя таким, какому надлежит быть трезвому, честному и постоянному человеку.

Апреля < > дня 1754 год<у>.

К сему доношению копеист Иван Барков

руку приложил[47].

Но в просьбе Баркову было отказано и определено «быть ему впредь об нем до усмотрения при писме всяких дел, а чтоб он таковыми доношениями часто Канцелярию не утруждал, сию резолюцию объявить ему с подпискою»[48]. Вместо этого Баркова ждало поручение другого рода.

М. В. Ломоносов, трудясь на нивах самых различных наук, в 1754 г. работал над сочинением «Российской истории» и в марте обратился в академическую Канцелярию с просьбой отрядить ему в помощь способного студента для употребления по бумажным делам. В феврале следующего, 1755 г., для этих целей к нему был прикомандирован Барков, который, еще будучи студентом университета, переписывал ломоносовские бумаги. Весной — летом 1755 г. Барков переписывает набело «Опыт описания владения первых великих князей российских», осенью — «Российскую грамматику» и рукопись второго тома «Сочинений» Ломоносова. Перебелял, а иногда, возможно, и записывал под диктовку Барков и другие труды Ломоносова, его письма и официальные бумаги[49]. За этими занятиями он проводил целые дни. Между тем в Академии были и другие желающие иметь Баркова своим сотрудником. В частности, историк Г. Ф. Миллер, который, судя по отдельным имеющимся данным, вообще благоволил к нему. Миллер являлся секретарем

академической Конференции; 29 января 1756 г. на заседании Конференции он доложил, что Барков «находится беспрестанно для письма у <…> Ломоносова, а при Конференции ежедневно случаются дела, для которых российский копеист необходимо надобен», и требовал Баркова от Ломоносова отозвать; однако Конференция решила оставить его при прежнем поручении, а для текущих дел привлечь копииста Семена Корелина[50]. Вероятно, вскоре Миллер обратился к самому Баркову, чтобы просьба о переводе его от Ломоносова исходила непосредственно от Баркова. В мае он подал следующее доношение:

> 1.
>
> По резолюции Канцелярии Академии Наук велено мне быть в доме коллежского советника и профессора господина Ломоносова для переписки Российской грамматики, которая мною и переписана уже дво-екратно; да сверьх того разных его сочинений в стихах и в прозе том вторый, також и других его дел немалое число.
>
> 2.
>
> А ныне оной господин советник и профессор приказал мне переписывать набело взятую им из академической библиотеки книгу, называемую Нестера Печерскаго летописец, коего уже близ половины мною и переписано, токмо продолжать впредь оную без особливаго Канцелярии Академии Наук повеления опасаюсь, особливож, имея от оной Канцелярии порученное мне от давнаго времени другое дело, а именно Малороссийские права, которая книга мною токмо начата, но за отлучкою моею от Академии в дом его господина Ломоносова продолжаема поныне не была, и ныне находится у меня в целости.
>
> Того ради Канцелярию Академии Наук всепокорно прошу, дабы по-велено было в рассуждении многих имеющихся у меня разных дел, а особливо для беспрерывных и крайних повсядневных моих трудов, ныне быть мне при Академии попрежнему, да и впредь от Академии не отлучать; а ежели Канцелярия Академии Наук за благо рассудить соизволит оныя его господина советника

Ломоносова впредь мне отправлять, тоб повелено было при Академии ж, а не у него господина советника, дабы Канцелярии Академии Наук об означенных моих трудах всегда известно было. И на то сие мое прошение ожидаю милостивой резолюций.

1756 года мая 2 дня.

К сему доношению копеист Иван Барков руку приложил[51].

Данное доношение чрезвычайно любопытно. Его мотивы, как нам кажется, могут быть истолкованы двояко: с одной стороны, в доношении явно выражено желание Баркова покинуть дом Ломоносова: он согласен продолжать переписку его бумаг, но только «при Академии ж, а не у него». Напрашивается мысль о несложившихся отношениях у Баркова с Ломоносовым, причем «страдающей стороной» при этом выступал копиист, иначе Ломоносову ничего не стоило отослать от себя неугодного помощника, и так имеющего дурную репутацию. Другой мотив допускает относительное взаимопонимание между Ломоносовым и Барковым, но предполагает вмешательство какой-то третьей силы, например, Миллера, оказывавшего давление на Баркова с целью вернуть его в распоряжение Канцелярии. Уговоры Миллера, возможно, подкреплялись определенными обещаниями, и, кроме того, сам Барков находил мало удовольствия в бесконечном механическом переписывании ломоносовских бумаг, не оставлявшем ему времени и сил для самостоятельных литературных занятий, на что он жаловался Канцелярии.

Вопрос о взаимоотношениях Баркова с Ломоносовым был ключевым в освещении его биографии. В работах советских исследователей он все более последовательно интерпретировался в общественно-политическом плане, в контексте противостояния Ломоносова партии академиков-немцев в борьбе за национальную русскую науку и просвещение. Собственно, такой подход со всей определенностью был сформулирован еще в анонимном очерке для несостоявшегося издания «Вакханалический певец Иван Семенович Барков» (ЦГАЛИ). Если дореволюционные биографы, указывая на зависимость Баркова от Ломоносова, пользовались терминами

«протеже», «пюпиль», то затем эти отношения стали определять понятиями «ученик», «последователь», «соратник».

Действительно, общение Баркова с Ломоносовым было самым длительным (с 1748 г. до смерти последнего в 1765 г.) и интенсивным; бесспорно, под влиянием Ломоносова отчасти определялись литературные интересы и замыслы Баркова. Предание (но, может быть, уже как чистое мифотворчество) фиксирует и их близкие личные отношения, причем сближение мыслилось на характерной почве. Ссылаясь на утраченную рукопись XVIII в., неизвестный автор упоминавшегося очерка рассказывал: «Барков был хорошо знаком с Ломоносовым и даже под конец его жизни сдружился с ним. Ломоносов любил его за постоянную веселость, резкость мнений и неистощимое остроумие, которым он так и сыпал в разговоре, тонко задевал смешные стороны тогдашних членов Академии и писателей… Незадолго до своей смерти, как известно, Ломоносов стал сильно пить, и в подобных возлияниях Бахусу непременно уж ему аккомпанировал Барков.

Ломоносов ценил Баркова, признавая в нем богатые способности; часто он говаривал ему: — „Не знаешь, Иван, цены себе, поверь, не знаешь!“[52]». Так же и Сумароков называл вместе имена Ломоносова и Баркова, как двух известных академических пьяниц[53].

Работа у Ломоносова вывела Баркова на поле занятий русской историей. В 1756–1757 гг. он сделал для Ломоносова копию Кенигсбергского (Радзивилловского) списка летописи Нестора, в 1759 г. «ежедневно после полудня» ходил к Ломоносову для переписывания его «Древней Российской истории», тогда же сверял изготовленную летописную копию с подлинным Кенигсбергским списком. Позже им были осуществлены две самостоятельные исторические работы: написан очерк русской истории от Рюрика до Петра I, вошедший в книгу «Гилмара Кураса. Сокращенная универсальная история <…> с приобщением Краткой российской истории вопросами и ответами в пользу учащегося юношества» (СПб., 1762)[54], и осуществлено издание Несторовой летописи по списку, обрабатывавшемуся им под руководством Ломоносова. Это издание вышло в 1767 г. как первая часть «Библиотеки российской исторической, содержащей древние летописи и всякие записки…» (подготовка велась с 1759 г.). Руководил печатанием советник

академической Канцелярии И. И. Тауберт. Издание этого важнейшего памятника русской историографии подверглось уничтожающей критике известного немецкого ученого А.-Л. Шлецера, много десятилетий занимавшегося историей России, в частности, летописью Нестора. Суровый приговор Шлецера на долгие годы определил отношение к редакторско-издательскому труду Баркова. Шлецер назвал Баркова «подделывателем» и утверждал, что подлинной летописи читатель так и не получил, ибо «не русский летописец XI столетия лежал перед ним, а русский канцелярист XVIII столетия Барков». Причины неудачи с изданием Шлецер объяснял как тем, что был избран далеко не лучший список Нестора (Кенигсбергский), так и тем, что работали над ним непрофессионалы: руководил «Тауберт, не истинный ученый по профессии», «Печатание, корректуру и все дело он передал не ученому (однако знающему по-латыне) академическому канцеляристу Баркову. Несчастный выбор, потому что этот человек, сверх недостатка учености, имел еще и ту слабость, что часто бывал нетрезв. И — что еще более увеличило зло — Тауберт позволил, или лучше сказать, приказал этому издателю 1) изменять старую орфографию или подновлять ее; 2) пропускать целые отрывки не исторического содержания <…> 3) непонятные места изменять по догадкам и делать их понятными; старые, обветшалые слова заменять новыми по соображению; 4) пробелы пополнять из других списков.

Такого издания древних, важных летописей XVIII столетие не видало ни у одного просвещенного народа!»[55]

Суровый приговор Шлецера был на долгое время канонизирован в России в авторитетном «Опыте краткой истории русской литературы» Н. И. Греча (СПб., 1822)[56], но в советское время эта оценка во многом пересмотрена; не отрицая допущенных просчетов, за изданием признают ценность приоритетной публикации важнейшего исторического источника[57].

Кроме этого, Баркову принадлежит перевод с латинского «Сокращения универсальной истории» Л. Гольберга (СПб., 1766), он же редактировал перевод «Натуральной истории» Ж. Бюффона и по поручению Тауберта правил «Скифскую историю». А. Лызлова. Но это уже были труды 1760-х гг.

В мае 1756 г. академическая Канцелярия удовлетворила просьбу Баркова и «ему приказано было данные от сов<етника> и

проф<ессора> гдна Ломоносова дела переписывать в Канцелярии, а не у него на дому, и от Академии бы его никуда не отлучать»[58]. Однако перепиской ломоносовских бумаг Барков занимался и далее. Пожалуй, самое красноречивое свидетельство доверия, оказываемого ему Ломоносовым, это привлечение Баркова к переписке сочинявшейся Ломоносовым в июле — августе 1764 г. «Краткой Истории Академической Канцелярии», документа злободневного и острого, раскрывающего академические интриги и подводные течения.

С 1756 г. Барков стал вести письменные дела президента Академии наук К. Г. Разумовского, но уже в январе следующего года «за пьянство и неправильность» был от них уволен. «Срывы» Баркова продолжались и позднее: в 1758 г. он на несколько недель исчез из Академии и не появлялся на службе, так что его даже пришлось разыскивать через полицию[59]. Но при этом постепенно расширяется объем литературной деятельности Баркова, больше он занимается редактированием и переводами. Так, в том же 1758 г. он готовит «Переводы с латинского и шведского языков, случившиеся во время имп. Марка Аврелия римского и Каролуса XII шведского» (издано было лишь в 1786 г.).

Важной вехой в жизни Баркова стал 1762 г. Вероятно, к началу года уже была достигнута договоренность о служебном повышении Баркова, для чего ему и посоветовали подготовить официальную оду. 10 февраля был день рождения только что вступившего на престол Петра III. К этому дню Барков выступил с «Одой на всерадостный день рождения… Петра Феодоровича»[60], а уже 13 февраля вышел указ Разумовского о производстве Баркова в академические переводчики, учитывая, что он «своими трудами в исправлении разных переводов оказал изрядные опыты своего знания в словесных науках и к делам способность, а притом обещался в поступках совершенно себя исправить»[61].

К апрелю того же года для постановки в дни торжеств Барков перевел (с немецкого перевода-посредника) небольшую пьесу «Мир героев… Италианское сочинение доктора Лудовика Лазарони, венецианина». Тогда же по поручению Тауберта он приступил к подготовке издания «Сатир» Антиоха Кантемира.

Вероятно, к этому времени, если не раньше, круг связей Баркова выходит за пределы Академии. Уже служебное повышение, возможно,

было санкционировано из более высоких сфер. По крайней мере, известно, что кто-то из придворных старался поощрять его переводческие и редакторские занятия, свидетельство чему — факт выдачи Баркову 63 рублей «за переправку книги „Валериева Минерология“» 16 сентября 1763 г. из Кабинета Ее Величества[62]. Перевод этой книги был выполнен президентом Бергколлегии Иваном Шлаттером.

В качестве возможного мецената предание (источник которого, правда, весьма мало достоверен) называло молодого фаворита Григория Орлова. М. Н. Макаров, рассказывая о 1763 г., писал: «В это же время Граф Орлов (Григорий Григорьевич) заботился о распространении у нас писателей-классиков. По его убеждению, Барков (Иван) перевел и напечатал „Флакковы Сатиры“. Говорили, что Граф Орлов этими трудами хотел облагородить Баркова»[63]. Книга, о которой идет речь у Макарова, вышла в 1763 г.: «Квинта Горация Флакка Сатиры, или Беседы, с примечаниями, с латинского языка преложенные российскими стихами Академии Наук переводчиком Иваном Барковым»; она была посвящена «Его сиятельству Графу Григорью Григорьевичу Орлову, Ее Императорского Величества генерал-адъютанту, действительному камергеру, Канцелярии опекунства иностранных президенту и орденов Св. Александра и Св. Анны кавалеру милостивому государю нижайшее приношение». Книгу открывало пространное стихотворное обращение к высокому покровителю[64]. Уже в наше время было обнаружено непубликовавшееся еще одно стихотворение Баркова «Его сиятельству Графу Григорью Григорьевичу Орлову», целиком выдержанное в дежурно-льстивом тоне[65]. Вопрос о возможных взаимоотношениях Баркова с Г. Орловым является частью почти не исследованной проблемы окололитературного быта XVIII в. Чисто писательские кружки и дружеские объединения в 1750-1760-е гг. имели гораздо меньшее распространение и значение, чем в последующие десятилетия, тем более начиная с 1810-х гг. В середине XVIII в. функцию художественно-литературного кружка отчасти выполняли «домашние» группировки, объединявшиеся, как правило, вокруг какого-либо знатного, богатого и влиятельного лица; наряду с ними, конечно, существовали и чисто профессиональные объединения переводчиков, граверов, артистов и т. п.; эти типы кружков могли и

смешиваться (таковым, вероятно, являлся кружок И. П. Елагина). Главные принципы формирования подобных группировок были личностные и бытовые, причем, в духе времени, обычно в качестве объединяющих начал выступали темпераментные свойства участников, в первую очередь их взаиморасположенность к обильным виновозлияниям и бакхи-ческим оргиям. Такие пропойно-богемные компании могли включать людей совершенно разных социальных полюсов и культурных склонностей. Бытовое неофициальное поведение в то время было еще слабо дифференцировано (тот же «его сиятельство Граф…» «Орлов — еще любил кулачные бои»[66]) и допускало однотипность развлечений социальных верхов и низов, совместное участие в них.

Эти-то богемные кружки, как нам кажется, и были той средой, в которой активно продуцировалось похабное стихотворство, в том числе составившее корпус барковианы второй половины XVIII в. Объединение большого числа текстов барковианы в сборники типа «Девичьей игрушки» было уже их вторичной циклизацией, построением композиции более крупного порядка, которой предшествовали меньшие циклы, плод творчества одного автора или тесного авторского кружка. «Девичья игрушка» же — это своеобразная антология продукции нескольких творческих коллективов.

Эти процессы могут быть — хотя тоже чисто гипотетически — рассмотрены на примере включения цикла текстов об Иване Даниловиче Осипове в состав «барковианских» сборников. Можно достаточно уверенно говорить о том, что иваноданиловичевскии цикл вышел из круга статс-секретаря Екатерины II, сенатора и управляющего Кабинетом ее императорского величества (из которого, как мы помним, в 1763 г. Баркову было пожаловано 63 руб.) Адама Васильевича Олсуфьева. В печати сам Олсуфьев выступал лишь как переводчик итальянских опер, и исследователь XIX в. уже полагал, что «нет повода приписывать ему сатирическое сочинение»[67], тем более он не мог подозревать Олсуфьева в авторстве сочинений фривольных и «кабацких». Однако такое мнение было явно ошибочным; ему противоречили сведения, сообщенные в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова, где сказано, что Олсуфьев «писал много забавных и сатирических сочинений, но печатных нет; однакож они у многих хранятся рукописными и весьма

много за остроту похваляются»[68]. Опыт бытовой забавной поэзии Олсуфьева (его шуточное послание к Г. Г.Орлову) был уже напечатан, и он любопытен близостью слога и даже отдельных специфических стилистических приемов к текстам про Ивана Даниловича[69]. Известный своим умом, Олсуфьев славился и любовью к буйному пьянству в совершенно не аристократических компаниях. Французский дипломат Сабатье де Кабр весной 1772 г. дал ему такую характеристику: «Олсуфьев <…> едва ли не самый умный человек в России. <…> Но дружась с людьми худого общества и будучи охотником пображничать, он никогда не будет играть первых ролей, хотя для них создан»[70].

По всей видимости, и Иван Осипов, и другие лица, упомянутые в стихотворениях данного цикла, составляли бражнический кружок Олсуфьева, участники которого, в первую очередь сам Олсуфьев, развлекались переложением кружковых происшествий на язык поэзии. Кружковое стихотворство всегда обнаруживает тенденцию к тематическому объединению текстов; в цикле про Ивана Даниловича эта особенность выразилась с большой силой: около десяти произведений строятся вокруг одного персонажа, разрабатывая отдельные эпизоды его «биографии» (многие из которых, надо полагать, жизненно реальны), между ними намечаются даже сюжетные связи[71].

В истории русской «барковианской» поэзии XVIII в. известно несколько более или менее развитых циклов, в действительности их было гораздо больше, и именно подобного типа стихотворные комплексы послужили первоосновой для обширных сборников типа «Девичьей игрушки», связанных традицией с именем Баркова.

Вопрос об истории литературной репутации Баркова как главного творца русской непристойной поэзии, закрепившего за этим родом стихотворства свое собственное имя, достаточно сложен и может быть решен не столько путем «эстетического», культурологического истолкования[72], сколько анализом разнообразных (в значительной степени еще не известных) исторических данных. Если эту проблему упростить и сформулировать как вопрос о том, почему с конца XVIII в. практически любой похабный стихотворный текст ассоциируется с именем Баркова, что выражается, в частности, в атрибуции ему множества стихов в массовых «любительских» сборниках[73], то

можно высказать следующее предположение. Вероятно, одной из — причин были случаи достаточно раннего (по крайней мере, уже с 1770-х гг.) появления заглавий подобных сборников типа «Сочинения г-на Баркова». Первоначально же эти заглавия исходили не из (не только из) литературной мифологии, а были обусловлены принципами комплектования больших антологий из уже оформленных циклов, о чем мы говорили выше. По всей видимости, промежуточным звеном циклизации было объединение ряда произведений Баркова, и эта (эти) подборка расходилась под его именем; затем, при слиянии с текстами других авторов, атрибуция подборки распространялась на весь сборник.

Наиболее раннее свидетельство бытования непечатных (что, конечно, необязательно означает «похабных») стихотворений Баркова принадлежит Якобу Штелину, так охарактеризовавшему Баркова: «Барков, переводчик с латинского при Академии, который, в следствие своего беспорядочного поведения, был то адъюнктом, то студентом, то писцом, сделался известным своими острыми сатирами на необразованных новых стихотворцев». И тут же: «Около этого времени, именно в 1753 г., являлись в Москве различные остроумные и колкие сатиры, написанные прекрасными стихами, на глупости новейших русских поэтов под вымышленными именами (Autore Barcovio, satyro nato)»[74].

Определения Штелина скорее соотносятся с текстами, включенными в обширный корпус литературно-полемических произведений, во множестве появившихся в 1750-е гг.[75]. Параллельно с ними Барковым создавались и сочинения «приапические», которые тоже несли определенную полемическую нагрузку, т. к. являли собой пародийные перелицовки произведений современных русских авторов, в первую очередь А. П. Сумарокова, что отмечалось практически всеми исследователями барковианы. Как бытовой факт отношения Баркова и Сумарокова отразились в ряде анекдотов, передающих негодование русского Расина на неуважение к нему и шутовские выходки Баркова. Таким же образом моделировались и их литературные отношения: пародия со стороны Баркова и раздраженная брань Сумарокова в ответ.

П. Н. Берковым была обнародована сумароковская эпиграмма на Баркова, хорошо выражающая дух этих перепалок:

НА СОЧИНЕНИЕ ТРАГЕДИИ ДУРАКОВ
Латынская языка источник и знаток,
Российской грамоты исправный молоток,
С изрядным знанием студент наук словесных,
Составщик сатир злых, писец стихов бесчестных,
Неблагодарный дух, язвительный злодей,
Не могши<й> никогда сего порока стерти,
Предатель истинный и пьяница до смерти —
<Вот> кто был сей творец трагедии таков.
Узнал? В ответ скажу: конечно, то Барков[76].

Большинство исследователей сходятся на том, что и в комедии Сумарокова «Ядовитый» (не позднее 1768 г.) задевается Барков, хотя главным объектом сатиры тут является Ф.Эмин. Персонаж «Ядовитого» Герострат заявляет о себе: «Я автор сатир, комедий и пародий. Комедии мои на кабаках читаются; трагические сцены, представляемые при дворе, я во сквернословие и в ругательство автора превращаю, а сатиры мои прибиваются на заборах»[77]. По всей вероятности, на самом деле в словах о «превращении» благородных трагедий в ругательное сквернословие сквозит раздражение по поводу барковских «трагических безделок».

Датировки «приапических» произведений Баркова точно установлены быть не могут. По ряду данных тексты, которые атрибутируются Баркову, писались с середины 1750-х по середину 1760-х гг., возможно, до самой смерти поэта. Получившее некоторое распространение, основанное отчасти на недоразумении, построение хронологии творчества Баркова, предложенное во вступительном очерке к изданию 1872 г., выделяло два этапа: «молодого, академического» Баркова и «позднего», «опустившегося»[78]. На самом деле, «официальные» литературные занятия и творчество в «свободных» формах и выражениях шли у Баркова параллельно, будучи разграничены не хронологически, а функционально: первое было связано со служебной академической деятельностью, второе — с неофициальной культурой кружковых объединений.

Кроме перечислявшихся исторических работ, Барков как переводчик Академии наук, осуществил подготовку трех значительных

литературных изданий. Во-первых, это были «Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира»[79], текст которых Барков отредактировал и предпослал им биографию автора (основанную на материалах очерка друга Кантемира О. Гуаско). Кроме того, он перевел два памятника классической античной литературы: сатиры Горация и басни Федра[80]. Оба перевода осуществлены в стихах. Я. Штелин в уже цитировавшейся «записке» указывал на еще одну работу Баркова: «Он почти совсем переделал и издал в 1761 г., в 4-ку, перевод „Телемака“, напечатанный Хрущовым, в 8-ку, еще в царствование императрицы Анны Иоанновны. Кроме того он давно уже начал сам переводить „Телемака“ стихами»[81]. В этом сообщении, вероятно, что-то не совсем точно, т. к. еще задолго до указанного времени Академия наук издала переработку старого хрущовского перевода (в его «подновлении» принимал участие и Ломоносов), а о стихотворном переложении Баркова больше никаких сведений нет, хотя известно, что в 1755 г. за эту работу принялся соученик Баркова по академическому университету Андриан Дубровский (известен фрагмент из его неоконченного перевода).

Переводы классиков демонстрируют хороший уровень владения стихом и языком; бесспорно, достоинства Баркова, названные в первых строках приведенной нами эпиграммы Сумарокова, были ему на самом деле присущи. В научной литературе распространены самые высокие оценки этих трудов Баркова; принято говорить, что лишь беспутная жизнь помешала ему стать одним из первых поэтов «большой» словесности. Действительно, обличая высокий профессионализм Баркова, эти переводы, однако, не являются какой-то вершиной русского стихотворства того времени, и традиционного в них, пожалуй, значительно больше, чем новаторского. Не может быть выделен некий «литературный стиль Баркова», общий для его «официальной» и «приапической» поэзии, эти две стороны в его творчестве так же соотносились друг с другом, как они были вообще противопоставлены в литературной иерархии эпохи.

После Горация и Федра Барков если и предпринимал другие переводы классиков, то изданы они не были, а в середине 1760-х гг. его отношения с академическим начальством вновь резко ухудшились. 4 апреля 1765 г. скончался Ломоносов, а через год, 22 мая 1766 г., Барков был окончательно уволен из Академии. Трудно сказать, насколько

справедливо мнение, что это увольнение «явилось отголоском репрессии, обрушившейся после смерти Ломоносова на его учеников и последователей»[82].

Н. И. Новиков в «Опыте… словаря» годом смерти Баркова назвал 1768; существует версия самоубийства Баркова[83], хотя в России того времени этот способ сводить счеты с жизнью не был популярен. Анекдоты, рассказывающие о смерти Баркова, приписывают ему стихотворную автоэпитафию: «В 1768 году в С.-Петербурге умер Барков; незадолго до своей смерти он написал следующее двустишие, чрезвычайно верно изобразившее всю его жизнь и смерть:

Жил Барков — грешно,
А умер — смешно!

И в самом деле смерть Баркова оригинальная и достойная посмеяния: он умер под хмельком и в объятиях женщины…»[84]

Никита Сапов

Девичья игрушка,
или Сочинения господина Баркова

Приношение Белинде*

Цвет в вертограде, всеобщая приятность, несравненная Белинда, тебе, благосклонная красавица, рассудил я принесть книгу сию, называемую «Девичья игрушка», ты рядишься, белишься, румянишься, сидишь перед зеркалом с утра до вечера и чешешь себе волосы, ты охотница ездить на балы, на гулянья, на театральные представленьи затем, что любишь забавы, но естли забавы увеселяют во обществе, то игрушка может утешить наедине, так, прекрасная Белинда! ты любишь сии увеселения, но любишь для того, что в них или представляется или напоминается или случай неприметный подается к ебле. Словом, ты любишь хуй, а в сей книге ни о чем более не написано, как о пиздах, хуях и еблях. Ежели не достанет тебе людности и в оном настоящего увеселения, то можешь ты сей игрушкой забавляться в уединении.

Ты приняла книгу сию, развернула и, читая первый лист, переменяешь свой вид, сердишься ты вспыльчиво, клянешь мою неблагопристойность и называешь юношей дерзновенным, но вместе с сим усматриваю я, ты смеешься внутренне тебе любо слышать вожделения сердца твоего.

Ты тише час от часу, тише, потом прощаешь меня в самом деле, оставь, красавица, глупые предрассуждения сии, чтоб не упоминать о хуе, благоприятная природа, снискивающая нам и пользу и утешение, наградила женщин пиздою, а мущин хуем: так для чего ж, ежели подьячие говорят открыто о взятках, лихоимцы о ростах, пьяницы о попойках, забияки о драках, без чего обойтись можно, не говорить нам о вещах необходимых — «хуе» и «пизде». Лишность целомудрия ввела сию ненужную вежливость, а лицемерие подтвердило оное, что заставляет говорить околично о том, которое все знают и которое у всех есть. Посмотри ты на облеченную в черное вретище весталку, заключившуюся добровольно в темницу, ходящую с каноником и четками, на сего пасмурного пиво-реза с седою бородою, ходящего с жезлом смирения, они имеют вид печальный, оставивши все суеты житейские, они ничего не говорят без четок и ничего невоздержного, но у одной пизда, а у другого хуй, конечно, свербится и беспокоят

слишком; не верь ты им, подобное тебе имеют все, следовательно подобные и мысли, камень не положен в них на место сердца, а вода не влиянна на место крови, они готовы искусить твою юность и твое незнание.

Ежели ты добродетельна, чиста и непорочна, то, читая сию книгу, имей понятие о всех пакостях, дабы избегнуть оных: будешь иметь мужа, к которому пришед цела, возблагодаришь за целомудрие свое сей книге; любезнее притом вкушаются утехи те, которых долго было предвоображение, но не получаема приятность. Когда же ты вкусила уже сладость дражайшего увеселения любовной утехи ебли, то читай сию книгу для того, что может быть приятнее нам как напоминание тех действий, которые нас восхищали! Итак, люби сию книгу прекрасную, и естественного стыдиться ничто иное, как пустосвятствовать.

Но препоручив тебе, несравненная Белинда, книгу сию, препоручаю я в благосклонность твою не себя одного, а многих, ибо не один я автор трудам в ней находящимся и не один также собрал оную.

Ежели сии причины довольно сильны суть к изданию «Девичьей игрушки» и к приношению оной тебе, прекрасная Белинда, то не менее и оныя, что разум и прилежание погребены бы были многих в вечной могиле забвения от времени. Ты будешь оживление их мыслей и твои преемницы, ты рассудительна без глупого постоянства, ты тиха без суеверия, весела без грубости и наглости, а здесь сии пороки осмеяны, а потому, ни превосходя, ни восходя степеней благопристойности, ты будешь разуметь оную, когда в то ж самое время, не взирая ни на что, козлы с бородами, бараны с рогами, деревянные столбы и смирные лошади предадут сию ругательству, анафеме и творцов ея.

Оды[*]

Победоносной героине пизде

I

О! общая людей отрада,
Пизда, веселостей всех мать,
Начало жизни и прохлада,
Тебя хочу я прославлять.
Тебе воздвигну храмы многи
И позлащенные чертоги
Созижду в честь твоих доброт,
Усыплю путь везде цветами,
Твою пещеру с волосами
Почту богиней всех красот.

II

Парнасски Музы с Аполлоном,
Подайте мыслям столько сил,
Каким, скажите, петь мне тоном
Прекрасно место женских тел?
Уже мой дух в восторг приходит,
Дела ея на мысль приводит
С приятностью и красотой. —
Скажи, — вещает в изумленьи, —
В каком она была почтеньи,
Когда еще тек век златой?

III

Ея пещера хоть вмещает
Одну зардевшу тела часть,
Но всех сердцами обладает
И всех умы берет во власть.
Куда лишь взор ни обратится,
Треглавный Цербер усмирится,
Оставит храбрость Ахиллес,
Плутон во аде с бородою,
Нептун в пучине с острогою
Не учинят таких чудес.

IV

Юпитер громы оставляет,
Снисходит с неба для нея,
Величество пренебрегает
Приемлет нискость на себя;
Натуры чин преобращает,
В одну две ночи он вмещает,
В Алкменину влюбившись щель.
Из бога став Амфитрионом,
Пред ней приходит в виде новом,
Попасть желая в нижну цель.

V

Плутон, плененный Прозерпиной,
Идет из ада для нея,
Жестокость, лютость со всей силой
Побеждены пиздой ея.
Пленивши Дафна Аполлона,
Низводит вдруг с блестяща трона,
Сверкнув дырой один лишь раз.

Вся сила тут не помогает,
В врачестве пользы уж не знает,
Возводит к ней плачевный глас.

VI

Представь героев прежних веков,
От коих мир весь трепетал,
Представь тех сильных человеков,
Для коих свет обширный мал, —
Одной ей были все подвластны,
Щастливы ею и бесчастны,
Все властию ея одной
На верьх Олимпа подымались
И в преисподню низвергались
Ея всесильною рукой.

VII

Где храбрость, силу и геройство
Девал пресильный Геркулес,
Где то осталось благородство,
Которым он достиг небес?
Пока он не видал Амфалы,
Страны от взору трепетали,
Увидя, Тартар весь стенал.
Пизда ея его смутила,
Она оковы наложила,
Невольником Амфалы стал.

VIII

Представь на мысль плачевну Трою,
Красу пергамския страны,
Что опровержена войною
Для Менелаевой жены.
Когда бы не было Елены,
Стояли бы троянски стены
Чрез многи тысячи веков,
Пизда ея одна прельстила,
Всю Грецию на брань взмутила
Против дарданских берегов.

IX

Престань, мой дух, прошедше время
На мысль смущенну приводить.
Представь, как земнородных племя
Приятностьми пизда сладит.
Она печали все прогонит,
Всю скорбь в забвение приводит,
Одно веселье наших дней!
Когда б ее мы не имели,
В несносной скуке бы сидели,
Сей свет постыл бы был без ней.

X

О, сладость, мыслям непонятна,
Хвалы достойная пизда,
Приятность чувствам необъятна,
Пребудь со мною навсегда!
Тебя одну я чтити буду!
И прославлять хвалами всюду,
Пока мой хуй пребудет бодр,

Всю жизнь мою тебе вручаю,
Пока дыханье не скончаю,
Пока не сниду в смертный одр.

Пизде

I

Тряхни мудами, Аполлон,
Ударь елдою громко в лиру,
Подай торжественный мне тон
В восторге возгласити миру.
Ко дверям славы восхожду,
Тебя как будто на хуй жду.
Приди и сильною рукою
Вели всех муз мне перееть,
Чтоб в них усердье разогреть
Плениться так, как я пиздою.

II

Вздрочу престрашный мой елдак,
Чтоб всю теперь явил он силу,
Совсем уже готов кутак,
Впущу епическую жилу.
Всарначу я и взговорю,
Ебливым жаром я горю,
Бодрюсь, уёбши Парнасиду,
Иду за Пиндаром вследы,
Взношусь от Музиной пизды
Туда, где смертного нет виду.

III

На поясе небесном став,
Согласной лирой в небе звукну,
И в обе руки шмат мой взяв,
Зевеса по лбу плешью стукну,
Чтоб он сокрыл свой грубый зрак
И не дрочил теперь елдак,
Не метил плешью в щели многи,
Не портил бы земных красот,
Не драл елдою пиздий рот,
Не гнул богиням круто ноги.

IV

Нептун и адский бог Плутон,
Смягчите ярость вы без шуму,
Страшася шанкера бабон,
Оставьте вы высоку думу.
На вас не буду я смотреть,
Велю обеих переть.
Ты, море, не плещи волнами,
Под секель ветры заключи,
А ты престрого закричи,
Чтоб в аде не трясли мудами.

V

Чтоб тем приятный звук и глас
Такие вздоры не глушили,
Скачи и веселись, Парнас,
Мы все в природе утишили.
Сойди, о Муза, сверху в дол

И на пуп залупи подол,
Я ныне до пизды касаюсь,
Воспеть теперь ея хочу
И для того елдак дрочу,
Что я пиздою восхищаюсь.

VI

Со утренних спокойных вод
Заря на алой колеснице
Являет Фебов нам восход,
Держа муде его в деснице,
И тянет за хуй Феба в понт,
Чтоб он светил наш горизонт,
Мы блеску все его радеем.
А ты, восточная звезда,
И краше всех планет пизда,
Тобой мы день и свет имеем.

VII

Скончав теченье, Аполлон
С ефира вниз себя покотит,
К Фетиде в лоно съедет он,
Пизда лучи его проглотит,
И блеск его тогда минет,
Когда богиня подъебнет,
К мудам свою пизду отклячит,
Сокроется от нас день прочь,
Ебливая наступит ночь,
Коль Феб в богиню запендрячит.

VIII

Дрочи, о Муза, добрый хуй,
Садись ко мне ты на плешь смело,
Чтоб слабже он полез, поплюй,
Раздайся секель твой и тело.
Я всю вселенную узрел,
Когда тебя я на плешь вздел,
Кастильской омочен росою,
Отверзлись хуя очеса,
Открылись света чудеса,
Творимые везде пиздою.

IX

Юпитер в смертных бросить гром
С великим сердцем замахнулся,
Погиб бы сей хуев Содом
И в лютой смерти окунулся,
Но в самый оный страшный час
Пизда взвела на небо глас,
Умильно секелем кивнула,
Зевес, схвативши в руки плешь,
Бежит с небес на землю пеш,
Громовый огнь пизда задула.

X

Перун повержен там лежит,
Пропал великий страх народа,
Юпитер над пиздой дрожит,
Забыта им уже природа.
Пускай злодействуют везде,

А он купается в пизде.
Алкмену ныне сарафанит,
Ебёт и прёт, пендрючит, ржот,
Храпит, сапит, разинув рот,
И гром уже его не грянет.

XI

Ударил плешью по водам
Нептун, властитель над морями,
Велел подняться он мудам,
Чтоб дули ветры под волнами.
Велел все море возмутить,
Неоптолема потопить.
Но с вострым секелем Фетида,
Подъехав, села на муде.
Нептун, поковыряв в пизде,
Лишился тотчас грозна вида.

XII

Плутон во аде с елдаком
Совсем было утратил мысли,
Елда его покрылась льдом,
А с муд уже сосули висли.
Но вскоре въехала туда
О ты, прелестная пизда,
Богиня ада Прозерпина,
Ощерила мохнату щель,
Плутон, храпя, наметил в цель,
В тебе согрелася елдина.

XIII

Твоя, о мать хуев, пизда,
Никак неизъясненна сила,
С волшебной сферы ты звезда,
О страх, ты солнце ослепила,
Когда из волосистых туч
Блеснул на Феба пиздий луч,
То он сияние оставил,
Забыл по должности езду
И сунулся тотчас в пизду,
Чем славы он твоей прибавил.

XIV

Гремит Амфалия пиздой,
Прельстив усами Геркулеса,
Который страшною елдой
Нередко пехивал Зевеса,
Творил велики чудеса,
Держал на плечах небеса,
Подперши плешью твердь ужасну,
Атланта бодро облехчил,
За то в него и хуй всучил,
Однак шентю узрел он власну.

XV

Ахилл под Троей хуй вздрочил,
Хотел пробить елдою стену,
Но как он бодро в град вскочил,
Чтоб выеть тамо Поликсену,
Парис его ударил в лоб

Тем дротиком, которым ёб,
То небо стало быть с овчинку
В ахилловых тогда глазах,
Смяхчил его шматину страх,
Пизда сжевала в час детинку.

XVI

Герой в войне не человек,
Намазав ворванью елдину,
Забыв толь надобной нам век,
Разит людей так, как скотину.
С пиздой он больше не буян,
И Бахус без нее не пьян.
Пизда природу умножает,
Родит, лелеит, кормит нас,
Ее продолговатый глаз
Сурову нашу плешь смягчает.

XVII

О мать веселья и доброт,
Пизда, шентя, фарья, махоня,
Я тысячу хуев дам в рот —
Глотай, им ныне есть разгоня,
Насыться от моих похвал,
Я прямо в цель твою попал,
Воздвигну я тебе божницу,
Внутри очищу пиздорык,
И взявши в руки я голик,
Сгоню нечистую плотицу.

XVIII

В ефире светлая звезда
Или блестящая планета
Не так прелестна, как пизда,
Она творительница света.
Из сих торжественных ворот
Выходит всякий смертный рот
И прежде всех ее целует,
Как только секелем кивнет,
Двуножну тварь на свет пихнет
И нам ее она дарует.

Похвальные стансы сочинителю сей оды

I

Тебя ебливая натура
На то произвела на свет,
Приятного чтоб Епикура
Увидеть точный нам портрет;
Умом таким же одарила
И чувствы те ж в тебя вселила.
Ты так же любишь смертных всех,
Натуры все уставы знаешь,
В пизде блаженство почитаешь,
Во зле не знаешь ты утех.

II

О, коль приятными стезями
Тогда ты на Парнас всходил,

Когда огромными стихами
Пизде песнь хвальну вострубил.
Читая ту, я восхищаюсь,
Слатчайшим чувством наполняюсь,
Вся в жилах кровь моя кипит,
Вся мысль пиздою возмутится,
Душа моя к мудам стремится,
А хуй прервать штаны грозит.

III

Блаженство, славу, пышность, чести
Я презираю так, как ты,
Не стоят те пиздиной шерсти,
Без ебли все суть суеты.
Вселенну всю я забываю,
В пизду как ярый хуй вбиваю,
Щасливей папы и царей,
Когда красотка обнимает,
Цалует, жмет и подъебает —
Тут все блаженство жизни сей!

Приапу («Приап, правитель пизд, хуев…»)

I

Приап, правитель пизд, хуев,
Владетель сильный над мудами,
Всегда ты всех ети готов,
Обнявшись ты лежишь с пиздами.
Твой хуй есть рог единорога,
Стоит бесславно день и ночь,
Не может пизд отбить он прочь,

Столь ревность их к нему есть многа.

II

Меж белых зыблющихся гор,
В лощине меж кустов прелестных
Имеешь ты свой храм и двор,
В пределах ты живешь претесных,
Куда толпы хуев идут,
Венчавши каждый плешь цветами,
Плескают вместо рук мудами,
На жертву целок, пизд ведут.

III

Твой храм взнесен не на столбах,
Покрыт не камнем, не досками,
Стоит воздвигнут на хуях,
И верх укладен весь пиздами.
Ты тут на троне, на суде
Сидишь, внимаешь пизд просящих,
Где вместо завесов висящих
Вкруг храма всё висят муде.

IV

Но что за визг пронзает слух,
И что за токи крови льются,
Что весел так Приапов дух?
Все целки перед ним ебутся.
Тут каждый хуй в крови стоит,

Приапу в честь пизды закланны
В слезах, в крови лежат попранны,
Но паки их Приап живит.

V

Подобяся хуи жрецам,
Внутрь пизд пронзенных проницают
И, секеля коснувшись там,
Беды велики предвещают
Пиздищам старым и седым,
Затем, что рот разинув ходят,
Хуям что трепет, страх наводят,
Что тлеть их будет вечна дым.

VI

Но самым узеньким пиздам,
Которы губы ужимают
И сесть боятся вплоть к мудам,
Беды ж велики предвещают,
Что толстый хуй их будет еть,
Длинной до сердца их достанет,
Как шапку, губы их растянет,
Тем будут бедные шireть.

VII

Хуи, предвестники злых бед,
Жрецы ебливого Приапа,
Се идет к вам хуй дряхл и сед,

Главу его не кроет шляпа,
Лишь ранами покрыта плешь,
Трясется и сказать вас просит,
Когда смерть жизнь его подкосит,
Затем он к вам сто верст шел пеш.

VIII

Приап, узрев его, и сам
Ему почтенье изъявляет;
Велика честь седым власам —
Его он другом называет.
Ударил плешью в пуп себя,
Тряхнул мудами троекратно,
Потряс он храм весь тем незапно —
А всё, хуй старый, для тебя.

IX

— Скажи, старик, — Приап вещал,—
Ты сделал ли что в свете славно?
Когда ты, где и как ебал?
Ебешь ли ныне ты исправно?
Коль храбр ты в жизни своей был,
Твой шанкар стерть я постараюсь,
Твой век продлить я обещаюсь,
Чтоб столько ж лет еще ты жил.

X

Старик, к ногам Приапа пад,
Не слезы — кровь льет с хуерыком,
Столь щедрости его был рад,
Что стал в смущеньи превеликом;
Подняв плешь синю, говорит:
— Коль ты так правду наблюдаешь,
Что жизнь за службы обещаешь,
Твой правый суд мой век продлит.

XI

Внимай, Приап, мои дела!
Я начал еть еще в младенстве,
Жизнь юностью моя цвела —
А еть уж знал я в совершенстве.
Я тьмы ебал пизд разных лиц,
Широких, узких и глубоких,
Курносых жоп и толстощеких,
Скотов ебал, зверей и птиц.

XII

Но льзя ль довольну в свете быть
И не иметь желаньев вредных?
Я захотел и в ад сойтить,
Чтоб перееть там тени смертных.
Мне вход туда известен был,
Где Стикса дремлющие воды,
Откуда смертным нет свободы
И где Плутон с двором всем жил.

XIII

Промеж двух зыблющихся гор
Лежит предлинная лощина,
Кусты, болота в ней и бор
И преглубокая пучина,
Тут страшна пропасть возле ней
На свет дух смрадный изрыгает,
Дым с пылью, с треском извергает,
И тем коснуться мерзко ей.

XIV

Я смело в пропасть ту сошел,
Насколь тут дух был ни зловонен,
К брегам который Стикса вел,
И сколь Харон был своеволен,
Без платы в барку не впускал,
Со мною платы не бывало,
Мне старого еть должно стало
И тем я путь чрез Стикс сыскал.

XV

Потом, лишь Цербер стал реветь,
Лишь стал в три зева страшно лаять,
Я бросившись его стал еть,
Он ярость должен был оставить
И мне к Плутону путь открыть.
Тут духов тьмы со мной встречались,
Но сами, зря меня, боялись,
Чтоб я не стал их еть ловить.

XVI

В пещере темной был Плутон,
Сидел на троне с Прозерпиной,
Вкруг их был слышен винных стон,
Который строгою судьбиной
Низвержены навек страдать.
Тут в первый раз мне страх коснулся,
Я, зря Плутона, ужаснулся
И весь был должен задрожать.

XVII

Богиня, сидя близ его,
Всем бедным милости просила,
Но мало зрилось ей того:
Взяв в руки, хуй его дрочила
И тем смягчала его гнев,
Тем ярость в милость претворяла,
Тем многих бедных избавляла
От фуриев, трех адских дев.

XVII

Но кто не будет верить в то,
Пусть сам во ад сойдет к Плутону,
Он видел сам и был при том,
Как еб я страшну Тизифону,
У коей вместо влас змеи,
Разбросясь вкруг пизды лежали,
Вились, бросались и свистали,
Скрежа иссохши лядвии.

XIX

Тем страждет плешь моя от ран,
С тех пор блюю я хуерыком,
Се ясен правды знак мне дан,
Что я в труде был превеликом.
Хоть всех был больше сей мой труд,
Но адска фурия призналась,
Что ввек так сладко не ебалась,
И слезть уж не хотела с муд.

XX

Потом, как я с нее сошел,
Изгрызен весь пизды змеями,
Еще трех сестр ее нашел,
Они пред мной поверглись сами,
Я их был должен перееть,
Раз еб Алекту, раз Мегеру,
Потом уеб я и Химеру,
Но тем не мог ни раз вспотеть.

XXI

Я муки в аде все пресек
И тем всем бедным дал отраду,
Ко мне весь ад поспешно тек,
Великому подобясь стаду.
Оставя в Тартаре свой труд,
И гарпии, и евмениды,
И демонов престрашны виды —
Все взапуски ко мне бегут.

XXII

Я, их поставя вкруг себя,
Велел им в очередь ложиться,
Рвался, потел, их всех ебя,
И должен был себе дивиться,
Что мог я перееть весь ад,
Но вдруг Плутон во гневе яром
Прогнал их всех жезла ударом,
Чему я был безмерно рад.

XXIII

О, храбрость, сила, слава, труд,
Которы мне венец сплетали.
О, твердость, бодрость моих муд,
Со мной вы вместе работали!
К Приапу станьте днесь пред трон,
Свидетели моим трудам,
Плутон ебен был мною сам,
Вы зрели, что то был не сон.

XXIV

Вы зрели, что Цереры дщерь,
Богиня ада Прозерпина
Отверзла мне горящу дверь,
О! щастья полная судьбина.
Такой красы я не видал,
Какую видел в Прозерпине,
Какая узкость, жар в богине,
Такой пизды я не ебал!

XXV

Лице ея как угль горел,
Все члены с жару в ней дрожали,
Я, глядя на нее, сам тлел,
Во мне все жилы трепетали.
Белее мрамора меле ног
Вздымался вверх лобок прелесный,
Под ним был виден путь сей тесный,
Что столь меня пленил и жог.

XXVI

О, путь, любезнейший всем нам,
Ты наша жизнь, утеха, радость,
Тебя блажит Юпитер сам,
Ты нам даешь прямую сладость,
Ты сладко чувство в сердце льешь,
К тебе мысль всех живых стремится,
Тобой вся в свете тварь пленится,
Ты жизнь отъемлешь и даешь.

XXVII

Разнявши губы, промеж ног
Богиня плешь мою вложила,
Тогда хуй крепок стал как рог,
Как лук напряглась моя жила.
Я двигнувшись вошел внутрь сам,
А Прозерпина прижимала,
Мне столь проворно подъебала,
Что я везде совался там.

XXVIII

Во всякой раз, как вверх всходил,
Как вниз из оной я спускался,
Я сладость нову находил,
Во мне дух млел и задыхался,
Но как в жару я самом был,
Столь многу вдруг вкусил я сладость,
Что я, сдержать не могши радость,
Ручьи млечные внутрь пролил.

XXIX

Плутон, завиствуя мне в том,
Велел мне вытти вон из ада,
Я вдруг оставил его дом,
Не зря уже чудовищ стада,
Лишь мной ебен опять Харон
И пес треглавый, страж Плутона,
Не чувствовав мук бедных стона,
Я шел к тебе предстать пред трон.

XXX

С тех самых пор согнясь хожу,
С тех пор я чахну и слабею,
Трясется плешь и сам дрожу,
Не смею еть, боюсь, робею.
Пришел к тебе, Приап, просить,
Чтоб ты, воззря на скорбь и раны,
Что мне от фуриев злых даны,
Подшился щедро излечить.

XXXI

Приап, услыша столько дел,
Плескал мудами с удивленья,
В восторге слыша речь, сидел,
Но вышед вдруг из изумленья,
— Поди, друг мой, ко мне, — вещал,—
Прими, что заслужил трудами.—
Призвав его, накрыл мудами
И с плеши раны все счищал.

XXXII

Пришел тем в юность вдруг старик,
Мудами бодро встрепенулся,
Вдруг прям стал, толст он и велик,
Приап сам, видя, ужаснулся.
Чтоб с ним Плутона не был рок,
Его в путь с честью отправляет.
Идет, всем встречным не спускает
И чистого млека льет ток.

XXXIII

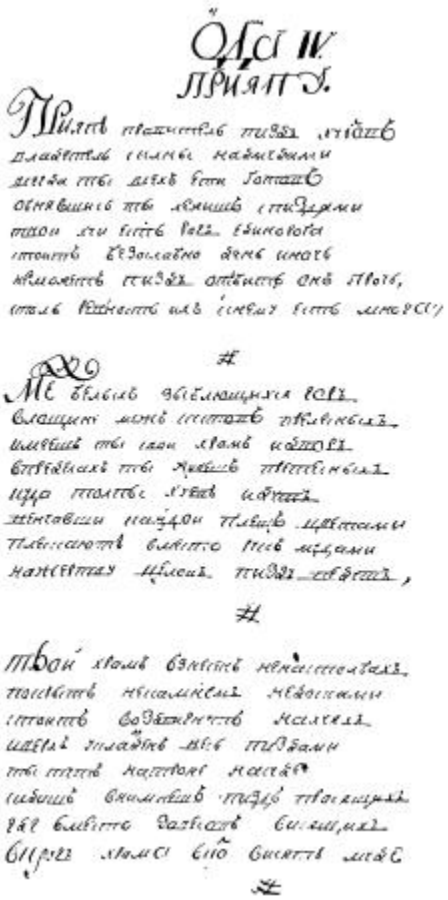
Одна пизда, прожив сто лет,
Пленясь Приапа чудесами,
Трясется, с костылем бредет,
Приапа видит чуть очами,
Насилу может шамкать речь:
— Внимай, Приап, мои все службы,
Просить твоей не смею дружбы,
Хочу на милость лишь привлечь.

XXXIV

Как юны дни мои цвели,
Во мне красы столь были многи,
Что смертны все меня ебли,
Ебли меня и сами боги.
Лет с пять уж етца не могу,
А проеблась я в десять лет,
Теперь уж мне не мил стал свет,
То правда, я тебе не лгу.—

XXXV

Приап ее на хуй взоткнул,
Власы седые взял руками
И оную долой столкнул,
И с черными уже усами.
Когда б ты мог, Приап, в наш век
Должить нас чуды таковыми,
К тебе бы с просьбами своими
Шел всякий смертный человек.



На проебение целки хуем славного ебаки

I

Оконча все обряды брака,
К закланью целочку ведут,
Тебе, о славный наш ебака,
Ее на жертву отдают.
Ложись, еби и утешайся,
Вовек пиздами прославляйся
И целки в глубину войди,
Будь храбр, всю робость оставляя,
Такую вещь предпринимая,
Ты сам себя не остыди!

II

Ты зришь велико наслажденье
За многие твои труды
И приведенну на мученье
Судьбиной узкия пизды.
Не должно ли тебе потщиться,
Ужель твой хуй не разъярится
На столь прекраснейший предмет?
Ужель ты сильно еть не станешь
И храбрости той не докажешь,
В которой целок хуй твой рвет?

III

Пиздам приятно утешенье,
О, хуй, источник всех утех,
В пиздах вселяешь ты мученье,
Ты производишь в них и смех.
К тебе я песнь свою склоняю,
Твои дела я выхваляю
И ими весь наполню слух.
Подай, о муза наставленье
И чтоб имел я ободренье,
Впехни в меня ебливый дух.

IV

Какой глас жалкий раздается,
Какой пизду объемлет страх,
Мошна ее тем боле рвется,
Чем дале хуй в ее устах.
Она зрит бед своих причину

И на растерзанну судьбину
Без слез не может посмотреть.
Пизда вся кровью обагрилась,
Пизда всех сил своих лишилась,
Ебака продолжает еть!

V

Он жалоб целки не внимает,
Пизду до пупа он дерет,
Прострашный хуй до муд впускает
И в ярости ужасной ржет.
Пизда не знает, куда деться,
Пизда от робости трясется
И устает уж подъебать;
Ебака наш лишь в силу входит,
Пизды от яру не находит
И начинает трепетать.

VI

Хотя б пизд со сто тут случилось,
Он всем бы сделал перебор,
Лишь место кровью б обагрилось
И всех бы устрашило взор.
Он от часу в задор приходит,
Предмета боле не находит,
Кого бы можно растерзать,
В болезнь от ярости впадает;
Пизда ту ярость умножает
И тщится хуя раздражать.

VII

Ебакиной признак забавы
Во век останется в пизде,
Дела, наполненные славы,
Гремят бессмертием везде.
Ты имя заслужил героя,
Для пизд лишаяся покоя,
Как на себя сей труд берешь,
Ты в ужас целок всех приводишь,
Великий страх на них наводишь,
Когда одну из них дерешь.

VIII

Какая красота явилась,
Сколь оной был ебака рад!
Пизда по шею заголилась,
Приятный обратя свой зад;
Она тем ярость утоляет,
Как хую жопу подставляет.
Боль нову чувствуя, кричит,
Кричит, вопит и жалко стонет,
Но в жопе хуй тем больше тонет
И по муде уже забит.

IX

Ебака жалости не внемлет,
Добычей пользуясь такой,
Руками щоки жопы треплет
И хвалит толь предмет драгой.
Он в ярости не различает

И жопу за пизду щитает,
Вкушая в ней такую ж сласть.
Пизда погибель узнавает
И совершенной почитает
Свою окончанну напасть.

X

Ебака, храбрость доказавши,
Свой хуй из задницы тащит,
В ней плешь багряну замаравши,
И хуй от ярости трещит.
Чем боле плешь багряна рдеет,
Тем более пизда робеет,
Бояся в третий раз страдать.
Прострашный пуще хуй ярится
И над пиздою хоробрится,
Котора еть не может дать.

XI

Он зрит б прежалком состояньи
Пизденку, приведенну в страх,
И что иметь не может дани
От целки, разъебенной в прах.
Свой рог в штаны он уклоняет
И вниз хуй твердый нагибает,
Покорствовать себе велит,
Но рог штаны те раздирает
И пламенну главу вздымает,
В штаны он гнуть себя претит.

XII

Ебака, видя непокорность
Прострашна хуя своего,
И зря в штаны его упорность,
Держать руками стал его.
Пригнутый хуй достал колена,
Пизда, избавившись от плена,
Приятный показала вид,
Хотя мошна из целки стала,
Хоть век пизда так не страдала,
Она ебаку не винит.

XIII

По окончаньи проебенья
И жопы хуем, и пизды
За то достоин награжденья,
Достоин ты великой мзды.
Пизды в честь храм тебе состроют
И целками всю плешь покроют
Наместо лавровых венков,
Ты над пиздами величайся
И страшным хуем прославляйся,
Нещетных будь герой веков.

На воспоминание прошедшей молодости

I

Владычица богов и смертных,
Мать всех живущих на земли,

Источник дружб и ссор несчетных,
Пизда, мою мольбу внемли!
Из мрачного ко мне жилища
На вопль как сирого вдовища
Сквозь лес, сквозь блато взор простри,
Склонись, склонись моей мольбою,
Смяхчись, зря страждуща тобою,
И с хуя плеснеть оботри.

II

О, юность, время скоротечно,
Которая теперь прошла,
Когда б ты длилась, юность, вечно,
Ты б тех забав не унесла,
Которыми я наслаждался
В тебе, какими восхищался.
Приди опять, как ты была!
Тогда пизды ко мне толпами
С отверстым ротом и губами
Слетятся, как на мед пчела.

III

Без слез не вспомню прежни веки.
Я в юности когда бывал,
Всяк день текли млечные реки,
Всяк день я разных пизд ебал,
Всяк день они ко мне стекались,
Наперстки на хуй мне казались,
И я им, сколько мог, служил.
Теперь, о лютая судбина,
Уже не хочет ни едина,

Чтоб хуй в нее я свой вложил.

IV

Признаюсь вам, красы любезны,
Что хуй уже мой стал слабеть,
И все старанья бесполезны,
Нельзя мне столько раз уеть,
Колико раз ебал я прежде.
Пришел конец моей надежде,
Чтоб мог еще я милым быть.
Итак, навек прощаюсь с вами,
И чем я награжден пиздами —
Пиздам же я хочу прожить.

Собранию пизд

I

О вы, священницы борделя,
Наставницы младых красот,
Вы первого обман апреля
На весь уже простерли год,
Вам таинства везде известны,
И ваши хитрости прелестны
Так, как волшебством нас мрачат.
Вы сделать из старухи целку
Щитаете для вас безделку.
Мне вас досталось умолять.

II

За что, не знаю, вы в презренье,
За что гонимы вы от всех?
К вам должно всем иметь почтенье,
Вы матери драгих утех,
К вам в нуждах ближней прибегает,
Отраду в муке обретает
Вдовец, женатый, холостой.
Где б ярость мы хуев смягчали,
Где б разны роскоши узнали,
Как не в обители такой?

III

Еще мой хуй не так согнулся,
Чтоб вовсе твердость потерял.
Не мните, чтоб он не проснулся
И чтоб, узря пизду, не встал;
Хотя бы вовсе был бессилен,
Но ваших смысл красот обилен
Его в желанну крепость взвесть.
Чего не сделают пиздами,
То сделают они руками;
Кто может хитрость их исчесть!

IV

Я помню негде чел недавно,
Как некакий скупой старик
В неделю раз один исправно
Ходить в бордели приобвык.
За то, кто сделать то возмется,
Что у скупого раз зайдется,
Велику плату положил.

А без того имел все даром
И денешки свои с товаром
Всегда с собою уносил.

V

Одна сестра за то взялася,
Что толко их старик трудил
И что еще при том *смеяся*
С собою денги уносил.
Схватя подвяску шерстяную
И кликнув из подруг другую,
Взяла конец, дала другой,
Хуй слабый в петлю положила
И так его защекотила,
Что нехотя вздохнул скупой.

VI

Дошел и я, красы драгие,
Дошел и я до сей беды.
Бывали времена такие,
Когда платили мне пизды,
Бывало, все за мной ходили,
Бывало, все меня просили,
Чтоб раз один хотя уеб;
За то меня вы одаряли,
Но вы лишь денги проебали,
А я вам силу всю проеб.

VII

Теперь, сестры златолюбивы,
Я к вам прибегнуть принужден,
Щастливы вы и прещастливы,
Что вами мир весь населен,
Старайтесь мне вы дать отраду,
А я за это вам в награду
Стараться буду вас проеть,
За всякий раз я малакейку,
Конечно, дам вам не копейку,
Но будут все рубли звенеть.

Описание утренней зари

I

Уже зари багряной путь
Открылся дремлющим зенницам,
Зефир прохладный начал дуть
Под юбки бабам и девицам.
Раскинувшись пизды лежат,
От похоти во сне дрожат.
Иная страшным зевом дышет,
Иная нежны губки жмёт,
Нетерпеливо хуя ждёт;
Во всех ебливый пламень пышет.

II

О, утро, преблаженный час,
Дражайше нам златого века,
В тебе натуры сладкой глас
Зовет к работе человека.
Приход твой всяку тварь живит,

В тебе бодрее хуй стоит,
Ты нежну похоть всем вливаешь,
В ебливы жилы кровь течет
И к ебле всех умы влечет,
Ты нову силу всем влагаешь.

III

Корабль в угрюмых как волнах
Кипяти их верхи срывает,
Сквозь бурю, тьму и смертный страх
Летит и бездну презирает,
Подобно так в пиздах хуи,
Напрягши жилы все свои,
Во влажну хлябь вступать дерзают,
Шурмуют, мечутся везде
И в самой узенькой пизде
Пути пространны отверзают.

IV

Везде струи млечны текут,
С стремленьем в бездну изливаясь,
Во все составы сладость льют,
По чувствам быстро разделяясь.
Восторгом тихим всяк объят,
На побежденных томный взгляд,
Еще собранье звать дерзает,
Опять вступают в ярый бой,
И паки сладкий ток млечной
Во всех жар брани прохлаждает.

V

Что бьет за страшный шум в мой слух?
Чердак, подклеть и спальня стонет,
Боязнь во всех стеснила дух,
Хуи слабеют, сердце ноет.
Внезапно отворилась дверь,
Старик, как разъяренный зверь,
С толпой народа в дом приходит.
«Лови, — кричит, — всех, режь и бей,
Жену, служанок, дочерей!»
Сей вопль всем смертным страх наводит.

VI

Но что, старик, твой дух мятет,
Какая злость тебя снедает?
Не то ль, что старость хуй твой гнет,
Не то ль тебя так разъяряет,
Что еть жена дает другим?
Но вялым хуем ты своим
Какую ей подашь отраду?
Осьмнадцать лет и шестьдесят —
Вовеки вас не согласят,
Твой взор теперь ей злее аду.

VII

Пусть всяк, кто может, хуй трясет,
Пускай кровати, лавки стонут,
Восторг от глаз пусть скроет свет,
Хуй в реках заёбин тонут.
Закрой от них свой мрачный взор,

Младых хуев и пизд собор,
Оставь их роскошам на жертву,
Иль вынув свой завялый хуй,
Беги, мечись, рвись, плачь, тоскуй,
Зря плоть свою уже полмертву.

Фомину понедельнику

I

Настал нам ныне день желанный,
Сбирайтеся народы в храм,
Сбирайтеся, рабы избранны,
Сам хуй вас ожидает там,
К себе нас днесь он созывает,
На еблю род весь возбуждает,
Он будет истинный судья,
Пойдем с дроченными хуями,
Он всех нас оделит пиздами,
Пиздой всегда пленяюсь я.

II

Веселы лица мне являют,
Что ебли день настал для всех,
Пизды теперь себя ласкают,
Что насладятся тьмой утех,
Они уж семь недель постились,
Теперь с хуями все сразились,
Но кто ж победу одержал?
Хуи заёбины блевали,
Пизды проворно их глотали,

Приапов день их с тем застал.

III

О, день сладчайший, день избранный,
Тебя посадские все чтут,
Для пизд, хуев ты день желанный;
Ликуй, что все в твой день ебут.
Купцы пивищем все опьются,
С женами в банях разъебутся,
А я, хоть пива и не пью,
Но в ебле оным подражая
И, сладость хуя почитая,
Хуй вплоть до муд в пизду забью.

IV

Коль кто не хочет быть бездельник,
То следуй мудрым сим словам:
Ебите в туров понедельник
И сладку дайте снедь хуям,
Пиздой хуй вы ободряйте,
Пизды хуями одобряйте,
От пизд не отлезайте прочь,
В сей понедельник все ебитесь,
За тяжкий пост тем насладитесь,
Чтоб в ебле вас застала ночь.

V

Но что за шум мой слух пронзает
И сладкий мне наносит глас:
«В сей день ебитесь, — он вещает,—
В сей день я всех утешу вас.
Все на пизды хуй влезайте,
На них власы все прочь стирайте,
Плотней, до муд, в пизду хуй лезь,
Муде, по жопе восплещите,
Хуй, в веселье возопите:
О, коль прещастливы мы днесь!»

Кулашному бойцу

I

Гудок, не лиру принимаю,
В кабак входя, не на Парнас,
Кричу и глотку раздираю,
С бурлаками взнося мой глас.
Ударьте в бубны, барабаны,
Удалы добры молодцы,
В тазы и лошки и стаканы,
Фабришны славные певцы.
Трюх-трях сыра земля с горами,
Тряхнись, синё море, мудами.

II

Хмельную рожу, забияку,
Рвача, всесветна пройдака,
Борца, бойца пою, пиваку,
Ширяя в плечах бузника.
Молчите, ветры, не бушуйте,

Не троньтесь дебри, древеса,
Лягушки в тинах не шурмуйте,
Внимайте, стройны небеса.
Между кулашного я боя
Узрел тычков, пинков героя.

III

С своей, Гомерка, балалайкой
И ты, Виргилишка, с дудой,
С троянской вздорной греков шайкой
Дрались, что куры пред стеной.
Забейтесь в щель и не ворчите
И свой престаньте бредить бред.
Сюда вы лучше поглядите —
Иль здесь голов удалых нет?
Бузник Гекторку — если в драку —
Прибьет как стерву и собаку.

IV

О ты, Силен, наперсник сына
Семелы ражей красной муж,
Вином раздута животина,
Герой в пиянстве жадных душ,
Нектаром брюхо наливаешь,
Смешав себе с вином сыты;
Ты пьешь, меня позабываешь
И пить не дашь вина мне ты?
Ах, будь подобен Ганимеду,
Подай вина мне, пива, меду.

V

Вино на драку воспламеняет,
Дает в бою оно задор,
Вино пизду разгорячает,
С вином смелее крадет вор,
Дурак напившися умнее
Затем, что боле говорит,
С вином и трус живет смелее,
И стойче хуй с вина стоит,
С вином проворней блядь встречает,
Вином гортань, язык вещает.

VI

Хмельной баханта целовальник,
Ты дал теперь мне пить, крючок;
Буян я сделался, охальник,
Гремлю уж боле как сверчок.
Хлебнул вина — разверзлась глотка,
Вознесся голос до небес,
Ревет во мне и хмель и водка,
Шумит дуброва, воет лес,
Трепещет твердь и бездны бьются,
Пыль, дым в полях, прах, вихрь несутся.

VII

Восторгом я объят великим,
Кружится буйна голова;
Ебал ли с жаром кто толиким,
Пизда чтоб шамкала слова?
Он может представленье точно

Огню днесь сделать моему,
Когда в пизде уж будет сочно,
Колика сладость тут уму!
Муде пизду по губам плещут,
Душа и члены в нас трепещут!

VIII

Со мной кто хочет видеть ясно,
Возможно зреть на блюде как,
Виденье страшно и прекрасно —
Взойди ко мне тот на кабак
Иль, став где выше на карету,
Внимай преславные дела,
Чтоб лучше возвестити свету,
Стена, котора прогнила,
Которая склонилась с боем,
Котора тыл дала героям.

IX

Между хмельнистых лбов и рдяных,
Между солдат, между ткачей,
Между холопов, бранных, пьяных,
Между драгу, между псарей
Алешку вижу я стояща,
Ливрею синюю спустив,
Разить противников грозяща,
Скулы имея взор морщлив,
Он руки спешно простирает,
В висок ударить, в жабр жадает.

X

Зёвес, сердитою биткою
По лбам щелкавши кузнецов,
Не бил с свирепостью такою,
С какой он стал карать бойцов,
Расквасивши иному маску,
Зубов повыбрал целый ряд,
Из губ пустив другому краску,
Пехнул его в толпу назад,
Сказал: — Мать в рот всех наебаюсь,
Таким я говнам насмехаюсь!

XI

Не слон ети слониху хочет,
Ногами бьет, с задору ржет,
Не шмат его в пизде клокочет,
Когда уж он впыхах ебет, —
Бузник в жару тут стоя рвется,
И глас его, как сонмов вод
В дыре Плутона раздается,
Живых трепещет, смертных род.
Голицы прочь, бешмет скидает,
Дрожит, в сердцах отмстить желает.

XII

Сильнейшую узревши схватку
И стену где холоп пробил,
Схватил с себя, взял в зубы шапку,
По локти длани оголил,
Вскричал, взревел он страшным зевом:

Небось, ребята, наши — стой!
Земля подвиглась, горы с небом,
Приял бурлак тут бодрость строй.
Уже камзолы уступают,
Уже брады поверх летают.

XIII

Пошел бузник — тускнеют вежды,
Исчез от пыли свет в глазах,
Летят клочки власов, одежды,
Гремят щелки, тузы в боках.
Как тучи с тучами сперлися,
Секут огнем друг друга мрак,
Как силны вихри сорвалися,
Валят древа, туманят зрак —
Стеной так в стену ударяют,
Меж щек, сверх глав тычки сверкают.

XIV

О, бодрость, сила наших веков,
Потомкам дивные дела!
О, храбрость пьяных человеков,
Вином скрепленные чресла.
Когда б старик вас зрел с дубиной,
Которой чудовищ побил,
Которой бодрою елдиной
Сто пизд, быв в люльке, проблудил,
Предвидя сии перемены,
Не лез бы в свет он из Алкмены.

XV

Бузник не равен Геркулесу,
Вступив вразмашку, начал пхать,
И самому так ввек Зевесу
Отьнюдь мудом не раскачать.
Кулак его везде летает,
Крушит он зубы внутрь десен,
Как гром, он уши поражает,
Далече слышен в жопе звон.
Трепещет сердце, печень бьется,
В портках с потылиц отдается.

XVI

Нашла коса на твердый камень,
Нашел на доку дока тут,
Блестит в глазах их ярость, пламень,
Как оба страшны львы ревут,
Хрепты имеющи согбенны,
Претвердо берцы утвердив,
Как луки, мышцы напряженны,
Стоят, взнося удар пытлив,
Друг друга в силе искушают,
Махнув вперед, назад ступают.

XVII

Недолго длилася размашка,
Алешка двинул в жабры, в зоб,
Но пестрая в ответ рубашка
Лизнул бузник Алешку в лоб,
Исчезла бодрость вмиг, отвага,

Как сноп упал, чуть жив лежит,
В крови уста, а в жопе брага,
Руда из ноздрь ручьем бежит,
Скулистое лицо холопа
Не стало рожа, стало жопа.

XVIII

На падшего бузник героя
Других бросает, как ребят,
Его не слышно стона, воя,
Бугры на нем людей лежат,
Громовой плешью так Юпитер,
Прибив Гиганта, бросил в ад,
Надвигнув Етну, юшку вытер —
Бессилен встати Енцелад,
Он тщетно силы собирает,
Трясет плечми и тягость пхает.

XIX

Как ветр развеял тонки прахи,
Исчез и дым, и дождь, и град,
Прогнали пестрые рубахи
Так вмах холопей и солдат,
Хребет, затылок окровленный,
Несут оне с собою страх,
Фабришны вовсе разъяренны
Тузят вослед их в сильный мах.
Меж стен открылось всюду поле,
Бузник не зрит противных боле.

XX

С горы на красной колымаге
Фетидин сын уж скачет вскоко,
Затем, что ночь прошед в овраге,
Фату развесила платок,
Тем твердь и море помрачились,
А он с великого стыду,
Когда Диана заголилась,
Ушел спать к матери в пизду.
Тогда земля оделась тьмою,
А тем конец пришел дню боя.

XXI

Главу подъяв, разбиты нюни
Лежат в пыли прибиты в гроб,
Точат холопы красны слюни,
Возносят к небу жалкой вопль.
Фабришны славу торжествуют
И бузника вокруг идут,
Кровавы раны показуют,
Победоносну песнь поют.
Гласят врагов ступлено жало,
Гулять восходят на кружало.

XXII

Уже гортани заревели
И слышен стал бубенцов звук,
Уже стаканы загремели
И ходят сплошь из рук вокруг.
Считают все свои трофеи,

Который что в бою смахал,
Уже пошли в расплох затеи,
Иной, плясав, себя сломал.
Как вдруг все зданье потряслося,
Вино и пиво разлилося.

XXIII

Не грозна туча, вред носивша,
В ефир незапно ворвалась,
Не жирна влажность, огнь родивша,
На землю вдруг с небес снеслась —
Солдат то куча раздраженных,
Сбежав с верхов кабацких вмах,
Мечей взяв острых, обнаженных,
Неся ефес в своих руках,
Кричат, как тигры, устремившись:
Руби, коли, — в кабак вломившись,

XXIV

Тревога грозна, ум мятуща,
Взмутила всем боязнь в сердцах.
Бород толпа, сего не ждуща,
Уже взнесла трусливый шаг,
Как вдруг бузник, взывая смело,
Кричит: — Постой, запоры дай! —
Взгорелась брань, настало дело.
Смотри, — вопит, — не выдавай!
Засох мой рот, пришла отважность,
В штанах я с страху слышу влажность.

На день рождения Та<тьяны> Ива<новны>

I

Встань, Ванька, пробудися,
День радости настал,
Скачи, пой, веселися,
На землю плод твой пал.
Днесь кровь твоя лилася,
Танюшка родилася,
Умножилось число блядей.

II

Три выпей вдруг стакана
И водки и вина,
Да здравствует Татьяна,
Утех твоих вина.
Беги скорей умыться,
С похмелья ободриться,
На Лиговской спеши кабак.

III

А ты расти скорее,
Возлюбленная дщерь,
Етись учись скорее,
Хуям отверзи дверь,
Хуёв не ужасайся,
К ним бодро подвигайся,
Ты матушке последуй в том.

IV

Она едва достигла,
Танюшка, возраст твой,
Как все хуи воздвигла,
Дроча их над собой,
Ног плотно не сжимала,
Послюнивши впутала
Претолстый хуй дьячка Фомы.

V

Когда ж потом узнала,
Сколь сладок хуй в пизде,
Подол всем подымала,
За грош еблась везде.
И ты тому ж учися,
Смелей будь, не стыдися,
Маши, небось, ебися впрах.

VI

На то вить и родилась,
Пиздой чтоб промышлять,
И бабка не стыдилась
Дом твой тем пропитать,
Вить по миру б ходила,
Скитаясь бы просила
Под окнами от алчбы хлеб.

VII

Послушай, свет Танюша,
Жаль дать свиньям твой цвет,
Твоя, ах, мне махнуша
От зависти все рвет.
Не мужикам то пища,
Годится им пиздища
Ужасная жены моей.

VIII

Так время не теряя,
К нам в Питер поспешай,
Скачи, скачи скоряе,
Прямой здесь найдешь рай.
Есть некто, мне приятель,
Лихой всех объебатель,
За первый раз даст пять рублей.

IX

Он счастье нам устроит,
В замужство даст тебя,
Награду тем удвоит,
Потеша сам себя.
Слыть будешь копеистша,
Потом канцеляристша,
Столь знатному я буду тесть.

X

Весь род наш тем достанет
Прославиться навек,
Просить меня тот станет,
Плетьми сперва кто сек.
Пизды твоей доброта
И ёбаров щедрота
Вдруг бедных нас обогатит.

Отцу Галактиону

I

Отец Галактион
Пред утренней зарею
Престрашною биткою
Заводит сильный звон.
Над жопою соседки,
Наевшися он редки,
Елдою так трезвонит,
Что бедна баба стонет.

II

Келейников собор,
Монаху подражая
И благочинно зная
Монашески задор,
С дроченными елдами
И с поеными мудами
По кельям всякий пляшет,
Шматиной своей машет.

III

Отец Галактион,
Как человек ученый,
Имея хуй дроченый,
Им предписал закон:
Так борзо не скачите,
В смиреньи хуй дрочите,
Еть не мешайте нам,
То есть честным отцам.

Бахусу

I

Отраду шумного народа,
Красу дражайшия толпы
Воспой в рылях и бубнах, ода,
Внемлите, блохи, вши, клопы!
Рассыпли ныне мысли пьяны,
О, ты, что рюмки и стаканы,
Все плошки, бочки, ендовы
Великою объемлешь властью,
Даешь путь пьяницам ко щастью,
Из буйной гонишь страх главы.

II

Вина и пива покровитель,
К тебе стремится шум гудка,
Трактиров, кабаков правитель!
И ты, что борешься с носка,

Боец кулашный, и подьячий,
Все купно с алчностью горячей
Разбитый кулаками слух
К сей красной песне приклоните
И громкой похвале внемлите,
Что мой воображает дух.

III

Се Бахус, что во всех забавах
Своей возвысив славы рог,
Во градах, весях и дубравах
Щедроты своея в залог
Воздвигнул алтари и храмы,
Где взятки целыми мошнами
Ему на жертву отдают,
Хвалы покрова их внимая
И воплем воздух раздирая,
Дружатся, бьются, пьют, поют.

IV

Дремучего превыше леса,
Ходячих ниже облаков
Взнося препьяного Зевеса,
Уж веки пропили веков.
Исполнившись досыта хмелю,
Врут про Ерему и Емелю,
Пока дела все разрешат;
До сильного ж достигши спору
От нестерпимого задору
В любви друг друга задушат.

V

Солдат о службе тут не тужит,
Хоть с грошем стал быть генерал,
Кулак ему с ефесом служит,
Чтоб страх геройством побеждал;
Единым помахавши усом,
Он Геркулеса сделал трусом
И взором стойку всколебал.
Подобясь сильному герою,
Отнюдь он не боится строю,
Что пышною спиной попрал.

VI

Язык и разум изостривши
Тут ябедник спешит на суд,

VII

Вдруг все крючки в свой ум вперивши,
За правду лишь вменяет плут;
Служа и правым и виновным,
Пример дает делам любовным,
И как Елена красотой
Троян и греков воспалила,
Хотя всем купно ею льстила,
Так плут душею льстит простой.

VIII

Источник благостей толиких,
Вдруг составляя брань и мир,
Из малых делаешь великих,
Меняешь с рубищем мундир.
Дородством иногда и туком
Или по ребрам частым стуком
Снабжаешь всех, кто чтит тебя.
В сей краткой песне долг последний
Тебе отдавши, всяк безвредный
Да будет Бахуса любя.

Приапу («Парнасских девок презираю…»)

I

Парнасских девок презираю,
Не к ним мой дух теперь летит,
Я Феба здесь не призываю,
Его хуй вял и не сердит.
Приап, все мысли отвлекаешь,
Ты борзым хуем проливаешь
Заёбин реки в жирну хлябь.
Взволнуй мне кровь витийским жаром,
Который ты в восторге яром
Из пылких муд своих заграбь.

II

Дрочи всяк хуй и распаляйся,
Стекайтесь бляди, блядуны,
С стремленьем страстным всяк пускайся
Утех сладчайших в глубины.
О! как все чувствы восхитились,

Какие прелести открылись;
Хуёв полки напряжены,
Елды премногие засканы
И губы нежных пизд румяны,
Любовной влагой взмочены.

III

Ах, как не хочется оставить
Драгих сокровищ сих очам,
Я в весь мой век подщусь их славить,
Не дам умолкнуть я устам.
Златые храмы да построят
И их туда внести дозволят
Приапу и ебакам в честь,
Заёбин в жертву там расставят,
Хуёв в священники представят —
Сей чин кому, кроме их, снесть?

IV

Животные, что обитают
В землях, в морях, в лесах, везде,
Сию нам правду подтверждают —
Без ебли не живут нигде.
Пары вверху с парами трутся,
Летают птицы и ебутся;
Как скоро лишь зачался свет,
Пизды хуев все разоряют,
Пизды путь к счастью отворяют,
Без пизд хуям отрады нет.

V

Герои, вам я насмехаюсь,
Скупых я не могу терпеть,
Ничем в сем мире не прельщаюсь,
Хочу лишь в воле жить и еть.
Ахиллес грады разоряет
И землю кровью обагряет,
Пизду зрит у скамандрских струй,
Но что ж, не мимо ли проходит,
Никак он дрочит и наводит
В нея победоносный хуй.

Победоносному хую

I

Дела пребодрого героя
Потщися, мысль моя, воспеть!
Я, громкой лиры глас настроя,
Прославлю то, как хуй мог еть.
О ты, пребодра животина,
О ты, пречудная шматина,
Коликих ты достоин од!
Ни рвы, ни камни, ни вершины,
Ни адской челюсти стремнины
Сдержать не могут твой поход.

II

Хоть много в древности прославлен
Победоносный Геркулес

И не один трофей поставлен
В знак бывших от него чудес,
Но если бы он был в том внятен,
Сколь женщинам твой ствол приятен,
То б он страданья не видал,
Любовью сильною сгорая,
К Амфоле страстно приступая,
Тебя бы он ей в руки дал.

III

Когда на брань хуй ополчится
И станет в ярость приходить,
Когда багряна плешь зардится,
То кто возможет сокрушить?
Хотя меж ног клади оковы
Иль челюсти разверсты Львовы,
Но он, опершись на мудах,
Сквозь дебрь, сквозь страх на бой дерзает,
Предметы рвет и раздирает,
Отважней тигра он в горах.

IV

Но что за глас, стон слышен крика?
Какая б то была беда,
Боязнь то хую невелика:
Ползёт на брань к нему пизда,
Пиздища старая, седая,
Пизда уже немолодая,
Она ж притом была урод.
До старых лет не проебалась
И сроду с хуем не видалась,

Затем, что был с зубами рот.

V

Чудовища вся тварь боялась,
Коснуться ей никто не смел,
Она на всех, как зверь, металась,
Лишь хуй ее смирить умел.
Пизда пришла, скрыпя зубами,
Хуй стал ее трепать мудами,
Чем зверство в ней тот час пресек,
Она с задору задрожала,
Она в себе не удержала,
И с ней тут сок ручьем потек.

VI

Хуй, видя в ней ту слабость многу,
Он щель ее тут в миг пробил,
Сей хитростью сыскал дорогу,
Отважно к делу приступил:
С мудами в пропасть к ней влезает,
До дна он плешью досягает,
И сладость тут находит вновь.
Пизда вкус ебли весь узнала,
Пизда яриться уж не стала,
Как сильный хуй в ней пролил кровь.

VII

Сей подвиг совершив шастливо,
Восстал и ободрился вновь
И, видя непонятно диво,
Расселины и льющусь кровь,
И вспомня все свои работы
В пятки, и среды, и субботы,
С негодованием сказал:
— Почто мя смертны забывают,
Почто в псалмах не прославляют,
Почто я так на свете мал?

VIII

Одна лишь в свете героиня,
Моя премудрейшая тварь,
Арабска то была богиня,
Воздвигла коя мне алтарь
И женску полу повелела,
Чтоб кажда в бархате имела
На шее мой прекрасный ствол
И чтоб египецкие дамы,
Входящие в публичны храмы,
Во первых чтили мой престол.

IX

Первейше в свете утешенье,
Прекраснейших собор девиц,
Приятно чувствам услажденье,
Сколь много лепотнейших лиц!
Не мною ль в свет произведенны,
Не мои ль силы источенны,
Не мой ли труд и с кровью пот

Воздвиг везде дела геройски,
Повсюду сделал многи войски?
О, коль неправ всех смертных род!

X

Не я ль низвел во ад Орфея
Победы там своей искать?
Не я ль Дидоне у Енея
Принудил с муд площиц таскать?
Какая ж мне за то отрада,
Какая в старости награда?
Я верных мало зрю сердец,
А я всей твари обновитель,
Ея блаженства совершитель
И всем зиждитель и отец.

Хую

I

Восстань, восстань и напрягайся,
Мой хуй, мужайся, стой, красней,
На грозну брань вооружайся
И стену ты пизды пробей.
Пробей и, кровью обагренный,
Явись, сугубо разъяренный,
Удобен к новым чудесам.
Да возгласят хвалы повсюды
Тебе, герой, другие уды,
Воздвигнув плеши к небесам.

II

В источник пиздей окунися,
Но пламень свой не утуши,
В крови победы омочися
И плешью, хуй, стихи пиши.
Хвали себя, колико можно,
Чтоб быть хвалену, хвастать должно:
Дар гибнет там, где славы нет.
Хотя ты грановит и ярок,
Хоть толст, красен, ретив и жарок,
Не скажешь — не узнает свет.

III

Се уж таинственною силой
Тебя колеблет ратный жар,
Восстал герой, влекомый жилой,
Восстал, готов свершить удар.
О, витязь! красный и любезный!
Героев больше всех полезный!
Без броней и без всяких збруй,
Тобой природа вся живится,
Тобой все тешится, родится,
Тобой, всех благ источник — хуй!

IV

О! дар, из всех даров дражайший!
Ты, хуй, всего нужнее нам,
Для нас ты к щастью путь сладчайший,
Орудие утех пиздам.
И радость только там родится,

Где хуй стоит, где он ярится,
Геенна там, где хуя нет.
Когда б Судьба тя не создала,
Природа б целкою страдала,
И пребыл бы кастратом свет.

V

Ты всех и вся равно прельщаешь,
Когда ты крепко лишь стоишь,
Равно в треухе утешаешь,
Как и под чепчиком манишь.
Коль девушка когда стенает
— О чем? — Тебя она желает,
Ценою крови хуй купить.
О чем же там вдова крушится? —
Что не с кем ей повеселиться
И некому вдове забить.

VI

Молодка, облившись слезами,
Рыдает, проклиная щель,
Царапает пизду руками,
Коль отлучен от ней кобель.
Молодушка о том крушится,
Что больше не стоит, валится
Хозяинов буйной кутак.
Весь свет тебя, хуй, прославляет,
Хоть именем не называет,
Но делом хую служит всяк.

VII

Гомер на лире велегласной
Не гнев Ахилла воспевал —
Тебя он пел, о! хуй прекрасный!
Хоть хуем он не называл.
Коль Бризеида бы смяхчила
Елдак Ахиллов, что вздрочила,
То не сердился б воин сей.
И в славу б те еще ебали
Цари, кой, како прах, пропали,
Сраженны плешью, хуй, твоей[85].

VIII

Когда пизды Ахилл лишился,
Он хуем плошки разбивал,
Но, чтоб он в гневе усмирился,
Патрокл ему в задок давал.
Потом, когда сего убили,
Тогда-то хуя рассердили;
Он взял копье и шел на брань[86].
Разил, губил всех без пощады,
Приамовы тут пали чады,
Почувствуя елды сей длань.

IX

Дидона, против всех воюя,
Могла ли ратися с тобой?
На вертеле троянска хуя
Сама исжарилась с пиздой.

А та не хуем ли сраженна,
Пизда, в звезде что обращенна,
Когда уже пропал в ней смак?[87]
Дианна, хуй не знав, гордилась,
Сама увидевши, взвалилась
К Андиомону на кутак.

X

Колико крат ни унижался
Юпитер, позабыв себя,
В быка и гуся обращался,
Чтоб только усмирить тебя.
Венера целый век прельщала,
Однако же не устояла
Против кривого мужика[88],
Красы всю хитрость истощила
На то, чтоб наконец хватила
Кузнечна жарка елдака.

XI

Живи, о хуй! и утешайся
Бессмертной славой сих побед,
Еби и ввеки не прельщайся
На гибельный премудрых след.
Они природу посрамляют
И бедные пизды не знают,
Пизды, чего приятней нет!
Когда б одни лишь мудры жили,
Они б в пять лет опустошили
Сей людный и прекрасный свет.

XII

О вы, парнасские питомцы!
Составьте велегласный хор,
Писатели и стихотворцы
И весь чистейших сестр собор,
Согласно хуя прославляйте,
Из рода в род стоять желайте,
Да он вдохнет вам жар, как петь!
А я вам подражать не буду
И то вовеки не забуду,
Что хуй нам дан на то, чтоб еть.

На рождение пизды

I

Какой приятный глас музыки
Внезапно слух мой поразил,
Какие радостные клики
Мой темный разум ощутил,
Я зрю, поля все обновились,
Цветами новыми покрылись,
С весельем ручейки текут,
Крутясь меж злачными брегами,
И птички, сидя меж кустами,
Природе хвальну песнь поют.

II

Природой данную нам радость,
О Муза, ты воспой теперь,

Какую чувствуем мы сладость,
Узря ее достойну дщерь.
Пизды любезныя рожденье
Весь мир приводит в восхищенье,
Пизда достойна олтарей,
Она прямая дщерь природы,
Ее нещетно чтут народы,
Пизда веселье твари всей.

III

Природа, зря, что сметных племя
В несносной скуке жизнь ведет,
Для облехченья оной бремя
Пизду произвела на свет.
Всех смертных ею усладила,
В приятны цепи заключила,
С тех пор пизда владеет всем.
Она героев производит,
Она в храм славы их приводит,
Пизда вещь лучша в свете сем.

IV

Герои, храбростью своею
Что свет старались покорить,
Владеть хотели всей землею,
Стремясь потоки крови лить,
Они все для того дралися,
Чтоб после всытость наетися
И лучших пизд себе достать.
Для пизд кровавы были брани,
Пизд ради налагались дани,

Пизда всех дел вина и мать.

V

Антоний, царствовать желая,
Дрался с Октавьем сколько мог,
Но Клеопатру он узная,
Ей захотел попасть меж ног,
Забыл и храбрость и породу
И дал Октавию свободу,
Лишь только впрятал в нее хуй,
Не зрит, что Рим он тем теряет,
К пизде он страстию пылает,
Узря ее в Сиднейских струй.

VI

Руно златое, кое греки
В Колхиде тщилися достать,
При чем прославлена навеки
Язонова пречудна рать.
Когда со змеем он сражался,
В погибель явную вдавался,
Пизда его от ней спасла,
Его ебливая Медея,
Волшебно знанье разумея,
На верх сей славы вознесла.

VII

Пленясь Калипса Телемаком,
От волн морских его спасла,
Еблась с ним лежа, сидя, раком
И в ебле сладку жизнь вела,
Но Ментор, зря их то веселье,
Из зависти терпя мученье,
Так Телемака навострил,
Что бросил он пизду и еблю
И, милую оставя землю,
Напасти новые вкусил.

VIII

Эней, оставшись цел на брани,
Погибнул бы в морских валах,
Пизда коль не простерла б длани
При карфагенских берегах.
Его ебливая Дидона,
Сошедши с царска пышна трона,
Спасла и еть ему дала.
Он ёб, пиздою наслаждался,
Но вскоре с нею он расстался,
Отплыв, куда судьба влекла.

IX

Когда же сих примеров мало,
Взгляните в древность всех времен:
Всегда пизда всех благ начало,
Начало всех земных племен.
Мы ей на свете сем родимся,
Ее ебем, ей веселимся,
Она милее нам всего,

Пиздой нас девушки прельщают,
Пиздою нас и утешают,
В ней чтим верх счастья своего.

X

О ты, пизда, пизда драгая,
К тебе душа моя летит,
Ты, песнь мою воспринимая,
Внемли, что дух мой говорит.
Всего на свете сем ты боле,
Взгляну в моря, в ограды, в поле,
Но лутче я тебя не зрю.
Поверь, что я не лицемерю
И что тому я свято верю,
Что днесь языком говорю.

Монаху, или видение исповеди

I

Каким виденьем я смущен?
В боязни дух и сердце ноет.
Я зрю, ах! хуй в пизду впущен,
Жена, стояща раком, стонет.
Без слез слаба она терпеть
Дыры трещащия раздранья,
От толстой плеши попиранья
Возносит глас: Престань, о! еть!

II

Не внемлет плач, не чует страх,
Не зрит, что дух жены трепещет,
Ярясь, ебет ее монах,
Храпит, меж бедр мудами плещет.
Прекрепко движет <меж> лядвей,
Изо рту пену испущает,
Достать до почек ее чает,
Чтоб всласть скончать труды свои.

III

Мертва почти жена лежит,
Но плешь седого старца тамо,
Он слезть, пришедши в жар, не мнит,
Ебет ее еще упрямо,
Брадой махая с клобуком,
Ревет как вол он разъяренны,
Что еть телицу устремленны,
Ничуть неслабшим елдаком.

IV

Едва души осталась часть
В жене смертельно заебенной,
Святы отец, вкусивши сласть,
Предстал с молитвой умиленной
И, скверну с хуя счистя прочь,
Жену десницей осеняет
И так в смиреньи ей вещает:
Восстань, духовна с миром дочь!

V

Теперь избавлена ты мной
Грехов от тягостного бремя
Моей святительской елдой,
С сего не будешь боле время
Во беззаконьях жизнь влачить,
Но ставши мною уебенна,
Ты стала в святость облеченна,
Сподобившись мой зуд смяхчить.

VI

Познав, священно ебена,
Жена желанну ту отраду,
От всех грехов что прощена
И что не должно боле аду
Уж ей страшиться наконец,
Последни силы собирает,
Глаза на старца обращает,
Вопит: Святой, святой отец! —

VII

Рекла и дух пустила свой,
Лежит тут тело умерщвленно,
Открыта жопой и пиздой,
В крови, в сраму, все обагренно.
Монах изволил много еть,
Тем страстотерпица скончалась,
Вздохнув, покойница усралась,
Когда невмочь пришло терпеть.

VIII

О, ты, священный ермонах,
Счищающий грехи биткою,
Меня и вчуже объял страх,
Как ты храбрился над пиздою.
Я муки все хочу стерпеть,
А в век веков ради прощенья
От страшна хуя разъяренья
Тебе, монах, не дамся еть.

Сражение между хуем и пиздою о первенстве*

Поема

Не славного я здесь хочу воспеть Приапа,
Хуям что всем глава, как езуитам папа,
Но в духе я теперь сраженье возвещать,
В котором все хуи должны участье брать,
И в славу их начать гласить пизду такую,
Котора первенства не уступает хую.
Везде она его, ругаясь, презирает,
Всё слабостью его предерзко укоряет
И смело всем хуям с насмешкой говорит:
— Из вас меня никто не может усладить.
Во всех почти местах вселенной я бывала
И разных множество хуёв опробовала,
Но не нашла нигде такого хуя я,
Чтоб удовольствовать досыта мог меня,
За что вы от меня все будете в презреньи
И ввек я против вас останусь в огорченьи,
Которое во мне до тех продлится пор,
Пока не утолит из вас кто мой задор,
Пока не сыщется толь славная хуина,
Который бы был толст, как добрая дубина,
Длиною же бы он до сердца доставал,
Бесслабно бы как рог и день и ночь стоял
И, словом, был бы он в три четверти аршина,
В упругости же так, как самая пружина.

Хуи, услышавши столь дерзкие слова,
Пропала, — мнят, — с пиздой ввек наша голова,
С тех самых пор, как мы на свете обитаем
И разные места вселенной обтекаем,
Таскаемся везде, уже есть с двадцать лет,

И думаем, что нас почти весь знает свет,
Ругательств же таких нигде мы не слыхали,
Хоть всяких сортов пизд довольно мы ебали.
Что им теперь начать, сбирают свой совет.
Знать, братцы, — говорят, — пришло покинуть свет,
Расстаться навсегда с злодейскими пиздами,
С приятнейшими нам ебливыми странами.
Мы вышли, кажется, длиной и толстотой,
И тут пизды вничто нас ставят пред собой.
Осталася в одном надежда только нам,
Чтобы здесь броситься по бляцким всем домам,
Не сыщится ль такой, кто нас бы был побольше,
Во всем бы корпусе потверже и потолще,
Чтоб ярость он пизды ебливой утолил
И тем её под власть навек бы покорил.

Последуя сему всеобщему совету
Раскинулись хуи по белому все свету,
Искали выручки по всем таким местам,
Где только чаяли ебливым быть хуям.

По щастью хуй такой нечаянно сыскался,
Который им во всём отменным быть казался:
По росту своему велик довольно был
И в свете славнейшим ебакою он слыл,
В длину был мерою до плеши в пол-аршина,
Да плешь в один вершок — хоть бы куды машина.
Он ёб в тот самый час нещастную пизду,
Которую заеть решили по суду
За то, что сделалась широка черезмеру,
Магометанскую притом прияла веру;
Хоть абшита совсем ей не хотелось взять,
Да ныне иногда сверх воли брать велят.
Хуи, нашед его в толь подлом упражненье,
Какое сим, — кричат, — заслужишь ты почтенье?
Потщися ты себя в том деле показать,
О коем мы хотим теперь тебе сказать.

Проговоря сие, пизду с него снимают,
В награду дать ему две целки обещают,
Лишь только б он лишил их общего стыда,
Какой наносит им ебливая пизда.
Потом подробно всё то дело изъясняют
И в нем одном иметь надежду полагают.
Что слыша, хуй вскричал: «О вы, мои муде!
В каком вам должно быть преважнейшем труде.
Все силы вы свои теперя истощайте
И сколько можете мне крепость подавайте».
По сих словах хуи все стали хуй дрочить
И всячески его в упругость приводить,
Чем он оправившись так сильно прибодрился,
Хотя б к кобыле он на приступ так годился.
В таком приборе взяв, к пизде его ведут,
Котора, осмотрев от плеши и до муд,
С презреньем на него и гордо закричала:
— Я больше в два раза тебя в себя бросала.
Услышав хуй сие с досады задрожал,
Ни слова не сказав, к пизде он подбежал.
Возможно ль, — мнит, — снести такое огорченье?
Сейчас я с ней вступлю в кровавое сраженье.
И тотчас он в нее проворно так вскочил,
Что чуть было совсем себя не задушил.
Он начал еть пизду, все силы истощая,
Двенадцать задал раз, себя не вынимая,
И ёб её, пока всю плоть он испустил,
И долго сколь стоять в нём доставало сил.

Однако то пизде казалося всё дудки.
Еби, — кричит она, — меня ты целы сутки,
Да в те поры спроси, что чувствую ли я, —
Что ты прескверный сын, хотя ебёшь меня,
Ты пакостник, не хуй, да так назвать, хуёчик,
Не более ты мне, как куликов носочик.
Потом столкнула вдруг с себя она ево,
Не стоишь ты, — сказав, — и секеля мово,

Когда ты впредь ко мне посмеешь прикоснуться,
Тебе уж от меня сухому не свернуться,
Заёбинами ты теперь лишь обмочен,
А в те поры не тем уж будешь орошон,
Я скверного тебя засцу тогда как грека
И пострамлю ваш род во веки и в век века.

Оправясь от толчка, прежалкий хуй встает
И первенство пизде перед собой дает,
Хуи ж, увидевши такое пострамленье,
Возможно ль снесть, — кричат, — такое огорченье?
Бегут все от пизды с отчаяния прочь,
Конечно, — говорят, — Приапова ты дочь.
Жилища все свои навеки оставляют
И жить уж там хотят, где жопы обитают.

По щастью их тот путь, которым им иттить
И бедные муде в поход с собой тащить,
Лежал мимо одной известной всем больницы,
Где лечатся хуи и где стоят гробницы
Преславных тех хуёв, что заслужили честь
И память вечную умели приобресть.
За долг они почли с болящими проститься,
Умершим напротив героям поклониться.

Пришед они туда всех стали лобызать
И странствия свого причину объявлять,
Как вдруг увидели старинного знакомца
И всем большим хуям прехрабра коноводца,
Который с года два тут в шанкоре лежит,
От хуерыка он едва только дышит.
Хотя болезнь его пресильно изнуряла,
Но бодрость с тем совсем на всей плеши сияла.
Племянником родным тому он хую был,
Который самого Приапа устрашил.
Поверглись перед ним хуи все со слезами
И стали обнимать предлинными мудами.

Родитель будь ты нам, — к нему все вопиют,—
Пизды нам нынече проходу не дают,
Ругаются всё нам и ни во что не ставят,
А наконец они и всех нас передавят.
Тронися жалостью, возвысь наш род опять
И что есть прямо хуй, ты дай им это знать.

Ответ был на сие болящего героя:
— Я для ради бы вас не пожалел покоя,
Но видите меня: я в ранах весь лежу,
Другой уже я год и с места не схожу,
От шанкора теперь в мученьи превеликом
И стражду сверх того пресильным хуерыком,
Который у меня мои все жилы свел.
Такой болезни я в весь век свой не имел;
Стерпел ли б я от пизд такое оскорбленье —
Я б скоро сделал им достойно награжденье.

Такой ответ хуёв хоть сильно поразил,
Однако не совсем надежды их лишил.
Вторично под муде все плеши уклоняют,
К войне его склонить все силы прилагают.
Одно из двух, — кричат, — теперь ты избери:
Иль выдь на бой с пиздой, иль всех нас порази.

Тронулся наш герой так жалкою мольбою.
Ну, знать, что, — говорит, — дошло теперь до бою,
Вить разве мне себя чрез силу разогнуть
И ради уже вас хоть стариной тряхнуть.

Проговоря сие, тот час он встрепенулся,
Во весь свой стройный рост проворно разогнулся,
В отрубе сделался с немногим в три вершка,
Муде казалися как будто два мешка,
Багряна плешь его от ярости сияла
И красны от себя лучи она пускала.
Он ростом сделался почти в прямой аршин

И был над прочими как будто господин.

Хуи, узрев его в столь красной позитуре,
Такого хуя нет, — кричат, — во всей натуре,
Ты стоишь назван быть начальником хуёв,
Когда ни вздумаешь, всегда ети готов.
Потом, в восторге взяв, на плеши подымают,
Отцом его своим родимым называют,
Всяк силится ему сколь можно услужить
И хочет за него всю плоть свою пролить.

Несут его к пизде на славное сраженье.
Будь наше ты, — кричат, — хуино воскресенье.
С такою помпою к пизде его внесли,
Что связи все её гузенны потрясли —
Она вскочила вдруг и стала в изумленьи,
Не знала, что начать, вся будучи в смятеньи.
А хуй, узрев пизду, тотчас вострепетал,
Напружил жилы все и сам весь задрожал,
Скочил тотчас с хуёв и всюду осмотрелся,
Подшед он к зеркалу, немного погляделся,
Потом к ней с важностью как архерей идёт
И прежде на пизду хуерыком блюёт,
А как приближил*ся*, то дал тычка ей в губы.
Мне нужды нет, — вскричал, — хоть были б в тебе зубы.
Не трушу я тебя, не страх твои толчки,
Размычу на себя тебя я всю в клочки
И научу тебя, как с нами обходиться,
Не станешь ты вперед во веки хоробриться.
По сих словах тотчас схватил пизду за край.
Теперя, — говорит, — снесу тебя я в рай.
И стал её на плешь тащить сколь было силы.
Пизда кричит: «Теперь попалась я на вилы».
Потом, как начал он себя до муд вбивать,
По всей её дыре как жерновы орать,
Пизда, почувствовав несносное мученье,
Умилосердися и дай мне облегченье,

Клянусь тебе, — кричит, — поколь я стану лсить,
Почтение к хуям ввек буду я хранить.
Однако жалоб сих не внемля хуй ни мало
До тех пор ёб, пока движенья в ней не стало.
А как увидел он, что чувства в ней уж нет,
То, вышед из нее, сказал: «Прости, мой свет,
И ведай, что хуй пред вами верх имеют,
Пизды их никогда пренебрегать не смеют,
Но должны к ним всегда почтение иметь,
Безотговорочно всегда давать им еть».
С тех самых пор хуи совсем пизд не страшатся,
Которы начали пред ними возвышаться,
И в дружестве они теперича живут,
Хуи пизд завсегда как надобно ебут.

По окончании сего толь славна бою
Прибегли все хуи к прехраброму герою,
Припадши начали от радости кричать:
— Нам чем великого толь мужа увенчать,
Который весь наш род по-прежнему восставил,
Геройство же свое до самых звезд прославил.
Мы вместо лавр тебя пиздами уберём
И даже до небес хвалой превознесём.
Красуйся, наш герой, и царствуй над пиздами,
Как ты начальствуешь над всеми здесь хуями.

Епистолы*

Епистола I
От хуя к пизде

Прости мою вину, почтенная пизда,
Что днесь осмелилась писать к тебе елда.
Хуй чести знать тебя еще хоть не имеет,
Однако почитать достоинство умеет;
Он слышит о тебе похвальну всюду речь
И для того к себе он в дружбу мнит привлечь,
В таких же чтоб об нем ты мненьях пребывала,
Какие ты ему собой, пизда, влиала.
Желание его ни в чем не состоит,
Лишь только б изъяснить, как он всегда стоит,
Тобою ободрен, как крепость получает,
Как новые тобой утехи ожидает.
Как в мысль, когда пизда лишь только ни придешь,
Из мысли ты его никак уж не уйдешь.
Колико с горести ручьев ни проливает,
Что долго он твою приязнь не получает,
Не знаю я причин тех праведных сказать,
Чем можешь ты меня так много побуждать,
Куда ни обращусь — все власть твою являет,
И все меня к тебе насильно привлекает.
Пространнейший мой ум как на плешь ни взвожу,
Везде тебя, пизду, в природе нахожу.
Муде, мои друзья, последнее созданье,
Имеют внутрь к тебе сердечное желанье,
Послышат где тебя — отдыху не дают
И склонности свои тот час в меня лиют,
Твердят оне, чтоб я с тобою повидался,
Припав чтобы к тебе, с тобой поцеловался
И слезным с радости потоком омочил,
К своим чтобы тебя приязням приучил,

Они же искренно тебя хотят обнять,
Уста твои к себе приятно прижимать.
Итак, скончав, прошу, прими сие писанье,
Почтенная пизда, которого желанье,
Лишь в дружбе чтоб тебе быть с хуем, изъяснить,
А хуй тебя давно, пизда, достойно чтит.

Епистола II
От пизды к хую

Могущая елда, сияюща лучами,
Имеюща приязнь с почтенными мудами,
Писание твое принять имела честь
С восторгом радостным и оное прочесть.
Прочетши ж оное, творю благодаренье
За то, что многое ты изъявил хваленье,
Которого однак совсем не стою я.
Чем ласковость твоя почтила так меня?
Приязни, хуй, со мной ты ищешь заведенья,
Колико на мое попал ты вожделенье,
Сама давно того желает уж пизда,
Чтоб мне была твоя знакома бы елда
И с нею чтобы я имела обхожденье,
Вседневное к себе с мудами посещенье.
Не буду я писать здесь радости моей,
Какую получу я, встретивши друзей.
Ты пишешь, хуй, ко мне, что будешь целоваться,
Мудами будешь ты бесчетно обниматься,
Но слабости пизды ты должен, хуй, простить,
Что так красно она не может изъяснить,
Витийствами твоя как плешь преиспещренна,
Довольно скажет так пизда тебе смиренна:
Не буду, свет, тебя я просто лобызать,
Но буду я тебя в засос, хуй, целовать,
А будущим с тобой друзьям твоим мудам
На волю обнимать я им себя отдам.

Светлейшая елда, такое-то почтенье
Имеет за твое пизда благодаренье.

Письмо Приапу

Приап, живитель пизд, восставитель хуёв,
Твои дела воспеть не достает мне слов.
Через тебя хуи победами гордятся,
И целки чрез тебя мошнами становятся.
Се с просьбой пред тобой ебака предстоит,
Которого теперь надежда верна льстит,
Что в предприятии его ты не оставишь
И к проебению на путь его направишь.
В подобных случаях его ты наставлял,
С довольной храбростью он целок раздирал,
Через тебя всегда победой он гордился,
Не сделай, чтобы он теперь ея лишился.
На жертву се ему приведена пизда,
Зависит от тебя за подвиги те мзда.
Подай ты столько сил сей целочки к попранью,
Подай ему ты сил трудов его к скончанью
И сделай, чтобы век ты славился от нас,
Чтоб равно мог и он хвалить тебя в сей час,
Который к ебле ты ему определяешь,
В который всем хуям ты ярость посылаешь.
Подай теперь его ослабшим жилам яр
И в целочку всели ты равномерный жар.
И так в надежде той он к делу приступает,
Тобою ободрен, ети он начинает,
А я все приложу старанье описать,
Как с силой он твоей свой тщился хуй впехать.

Елегии*

Феклиста

Как только первой раз узрел тебя, Феклисту,
Вообразив себе твою махоню мшисту,
И белых лишь твоих коснулся я колен,
Вспылали вдруг муде, елдак мой стал разжен,
Битка моя, вспрыгнув, и с силой необъятной
Ломилась сквозь штаны к твоей шенте приятной,
Багровая вся плешь, и мой раздулся ствол
И из глазу пустил от ярости рассол.
С того часа шентя мое тревожит жало,
Пушистой твой сычуг дерет на части скало,
И нет мудам моим покою никогда,
От вображения хуй ломит мой всегда.
Феклиста, ты, подав тоску моей жердине,
Смяхчись и не оставь меня в сей злой судьбине,
Пиздою ты своей умерь мой тяжкой рык,
Уйми ты щелью мой кровавой хуерык.
Я знаю про тебя: не подлая ты блятка
И часто у тебя с елдой бывает схватка,
И то, что у тебя не малая и пасть,
Но знай, что у меня против ея есть снасть.
Позволь лишь толстого вложить себе шафрану,
То плотно вычищу шестом твою я рану,
Я толсту колбасу в сычуг твой заколю,
Оглоблею в твоем твориле замелю.
Увидишь ты, что я умею как почванить,
Ядреною дудой зачну как барабанить,
Ошмарой пред тобой себя не остыжу,
Как толстую мою кишку в тебя всажу,
Не будешь никогда ты мною недовольна,
Хоть сколько ни ярись, сама ты скажешь: «полно».
Не стану от тебя других скурех я чкать

И свайкой лишь твою литонью ушивать.
За чкваренье не дам я бляткам ни копейки,
Не буду от тебя трясти и малакейки.

«О ты, котора мне ети всегда давала…»

О ты, котора мне ети всегда давала,
А ныне презирать хуй мой навсегда стала,
Твоя еще пизда мила в моих глазах,
И хуй мой без нее в стенаньи и в слезах.
Он стал с хуерыком, не знает, что спокойство,
Краснеется всегда, его то в жизни свойство.
Когда тебя я еб, приятен был тот час,
Но ебля та прошла и скрылася от нас.
Однако я люблю пизду твою сердечно
И буду вспоминать ея лощину вечно.
Хоть и расстался я, пизда, навек с тобой
И хоть не тешу хуй, теряю я покой.
Увы, за что, за что мой хуй стал <столь> несчастен,
За что твоей пиздой толико я стал страстен!
Всю еблю у меня ты отнял, о злой рок!
Хуй будет ввек ток лить, когда ты так лсесток,
И после уж его с пиздою разлученья
Не будет он стоять минуты без теченья.

«Владычица души, жизнь жизни ты моей…»

Владычица души, жизнь жизни ты моей,
Позволь несчастному слагати, ах! стих сей,
Позволь мне изъяснить, колико ты прекрасна,
Колико грудь моя тобою стала страстна.
Но стих мой будет слаб, тебя чтоб описать,
Примера нет красе и сил нет изъяснять,
Но только чувствовать приятности удобно
И, чувствуя, стенать и мучиться бесплодно.

Язык немеет мой, и вся пылает кровь,
По членам всем моим рассеяна любовь
И корень свой она внутрь сердца основала,
Чертами страстными в нем зрак твой начертала.
До пупа мне дошла чувствительность сия,
Увы! вот знак тому, зри: рдеет плешь моя,
Ослабши жилы вдруг все стали напрягаться,
Ковчег несчастных муд ко стану подниматься.
Я вижу смерть мою в мучении таком,
Позволь, прекрасная, мне стукнуть елдаком,
Хотя единой раз, меж ног твоих в зарубку.
Ах! сжалься и смяхчи мою тем жестку трубку.
Не мни, чтоб я желал испортить твой рубец:
Я нежно, взяв рукой, вложу в него конец
И, мало двинувшись, вобью и до средины,
Ты скажешь мне сама: оставь муде едины,
А хуй свой весь пехай, сие приятно мне,
Приятней, ах! сто раз, как я еблась во сне.
Но нет, ты жалости в себе не ощущаешь
И нежных слов моих, драгая, не внимаешь.
Но что тому виной, и сам не знаю я,
Или твоим глазам презренна плешь моя?
Какие грубости, скажи, ты в ней находишь?
О, бедственной задор, ты сколько мук наводишь!
Когда бы я тебя в мудах не ощущал,
Я б дни мои доднесь в покое провождал.
Начало горести, конец ты и средина,
Тебя мне знать дала нещастная шматина,
Тобою я узнал, сколь страсти жар велик
И сколько может гнуть тогда в крюк хуерык.
Но сколько ни мятусь и жалоб ни вещаю,
Я речь опять к тебе, драгая, обращаю:
Внемли, прекрасная, что я тебе скажу:
Я хуй мой наголо тебе весь покажу,
Возьми его рукой, коснися внизу жилы,
Авослибо тебе черты те будут милы,
Которы верх его украсили и плешь.

Дражайшая моя! хоть тем меня утешь.
И естли щастлив я тобою столько буду,
В восторге ты узришь мою природну уду,
Взыграет мой елдак, восплещут и муде
И будут ждать часа, когда им быть в руде.
Я знаю, что тебя, мой свет, остановляет;
Конечно, в памяти твоей грех обитает.
Сия химера, ах! не раз уже собой
Лишала красоты, утехи дорогой,
Но ты уже не в те дни родилась, взрастала,
Когда ложь меж людьми за правду обитала,
Когда ту истиной рассудок их считал,
Обман господствовал, плодами процветал.
Бывает грех на том, кто должность преступает,
А должность исполнять — тут грех не обитает.
Друг друга так любить, не должность ли велит?
Друг друга нам любя, кто ж еться запретит?
Любовь, страсть нежная, природой в нас влианна,
Должна ли чем она когда быть увенчанна?
Пол женской — храм ея, в его их чтит сердцах,
Но мужеск пол его находит в их пиздах.
В пизде любви венец, в пизде все совершенство,
В пизде все щастие, в пизде все и блаженство.
Дражайшая моя, вот истина, не ложь,
Дозволь уеть себя — сама ты скажешь тож,
Что нет приятнее внутри хуй ощущати,
Нет совершеннее утех, как подъебати.
Но естли я тяжел кажуся, свет, тебе —
Ляшь сверху на меня, восчувствуй хуй в себе,
Тем усугубится твое к ебкам желанье,
И придешь в жалость, зря мое ты подъебанье.
Захочешь лечь внизу, прибавить неясных сил,
Потоки пропусти, потоки так, как Нил,
Которой весь собой Египет напояет
И наводнением плоды он обещает.
Иль лутчей способ есть, без тягости чтоб еть
И удовольствие такое же иметь:

Ляшь задом ты ко мне, прекрасная, послушай:
Я постараюсь сбить мой хуй с твоею клушай,
Впущу его до муд и буду попирати,
Ты тягости себе не будешь ощущати,
Лишь подвигайся ты плотнее ко мудам.
Ах, ах! — ты скажешь мне, — не масли по усам
Иль обмишулкою не попади ты в жопу,
Пехай, пехай в пизду свою мне жоску стопу!
Когда и сей тебе противен ебли план,
Все уверение мое чтишь за обман,
Так можешь лечь со мной, дражайшая, и набок:
Вот ебля милая, о, коль восторг тут сладок!
Одна твоя нога пусть будет под моими,
Другую положи ты сверху над моими,
А я свои меж их как можно помещу,
Обняв тебя рукой, вертеться не пущу;
В махонюшку твою, драгую щелупину,
Впущу слепого я и лысого детину,
Которой, бодрствуя, коснется нежных губ
И сделает себе путь мягок и не груб,
Что после и тебе полюбится, драгая,
И нежной секелек, ебливу сласть узная,
Нередко будет сам, нередко занывать
И хуя моего, яряся, ожидать.
Вот весь манер, как смертные ебутся.
Но вижу я, твои еще мысли мятутся.
Оставь смятение хоть на единый час,
Позволь себя уеть лишь только один раз!
И есть еще манер, как раком еться знаю,
Но то для подлости, драгая, оставляю,
В нем нежность не живет, ебутся как скоты,
Не разбираючи нежнейшей красоты.
Клянусь еще тебе и клятвы повторяю,
Что истинно тебя, не ложно уверяю:
Полюбится тебе, как стану еть тебя.
Душа моей души, ты мне миляй себя.

Выговор от любовницы к любовнику

Товоль я от тебя, возлюбленной, ждала
За то, что еть себя бесспорно отдала,
Что ласки все мои тебе я истощила,
Рукой твою битку всеночно я дрочила
И в ебле завсегда старалась наблюдать,
Тебе чтоб сладости скорее в чувство дать.
Таким ли вот сие ты платишь награжденьем,
Что не довольствуясь моей пизды блуженьем,
Другую ты себе ети еще избрал,
Со мной ты бедною сожитие прервал.
Пускай хоть не прервал, но только презираешь,
В пизде ты у другой, ах! чаще ковыряешь.
Неужто у нее моей добрей пизда?
Неужто у нее блистает, как звезда,
Что сильно так в нее и много ты влюбился?
Неужто твой в ней хуй отменно заходился
И сладости тебе отменные вливал,
Каких ты никогда, ебя мя, не вкушал?
Неужто у пизды усы у ней длиннее
И секель моего и лутче и нежнее?
Неужто более в ней жару и огня?
Неужто подъебать гораздее меня?
И яросней она еще, как я, блужуся?
Неужели совсем пред нею не гожуся?
Пускай то будет так, и я тебе скверна,
Но скверной быв, тебе конечно уж верна,
Она же без тебя с другим всегда ебется,
Откуда шанкером и плешь твоя гнетется,
И тяжкой купно хуй твой носит хуерык?
Затем, что у нее от ебли пиздорык.
Познай, любезной мой, свое ты заблужденье,
Старайся от нее иметь освобожденье,
Я более тебе утех еще сыщу,
Сытей твою битку я еблей насыщу,
Как можно лутче я потщуся работати,

Чтобы тебе на мне немного хлопотати,
Скорей, чтобы еще твоя полилась кровь,
Почувствуй прежнюю, мой свет, ко мне любовь,
Почувствуй, ах! познай опять то вспламененье,
К котору до сего имел ты отвращенье.
Яви собой опять мне тьму своих утех,
Возобновят мне те и радости и смех,
Презренна быв тобой, которых я лишалась,
Без коих всякой час рвалась и сокрушалась.
Что прибыли тебе меня собой сушить,
Холодностью своей огонь во мне тушить?
Что прибыли, скажи, и чем я прослужилась,
Твою что дружбу зря, с тобою содружилась?
Не ты ль моя беда, не ты ль сурова часть,
Не ты ль моя вина, несносная напасть?
Ах! ежели сие, то кто ж тому виною?
Не ты ль огонь во мне зажог своей биткою?
Не ты ли сам сперва мя к ебле поощрял,
Подсевши блись меня, рукою ковырял
В пизде, и сделал тем в крови моей движенье,
Подавши повод сам на еблю вожделенье?
Конечно, ето так! — воспомни сам, мой свет,
Потом и рассуди, винна ль я или нет.
Я сделалась тебе во всем тогда послушной,
На сердце положась, на нрав великодушной.
Совсем тебе, мой свет, я в руки отдалась,
И воля и покой твоей рукой взялась.
Но ежели меня в свои ты принял руки,
На что ж моришь меня теперя в злейшей муки?
Заставлена тобой теперя я страдать,
Без хуя бедной мне метаться, тосковать,
В неделю я с тобой пять раз лишь уебуся,
А протчия все дни говею и пощуся.
Но может ли так жить на свете хоть одна,
Которая б была так мало ебена?
Любовница и так во скуке пребывала,
Потоки горьких слез без хуя проливала.

Коль любишь ты меня, любезной, так люби!
Люби меня, мой свет, и более еби.
Оставь другую ты моей в спокойство страсти,
Во удовольствие моей махони пасти;
Оставь и докажи, что ты всегда правдив,
Язык что у тебя отнюдь всегда нельстив.
Вить помнишь, предо мной как ты ужасно клялся,
Досыта как меня все дни еть обещался.
А клявшись предо мной, ты так ли мя ласкал,
Ты так ли припадал, ты так ли лобызал,
Ты так ли целовал, ты так ли мне, ах! зрился,
Каким теперь ко мне ты зверем очутился?
Оставь же все сие, постыла коль тебе,
Коль зрит соперница подвластным тя себе,
Ебись, неверной, с ней, ебись и насыщайся,
Но злобной от меня ты вести долей дайся:
Кончая на хую моржовом я свой век,
Скажу, что варвар ты, свирепой человек.
Пизду мою, ах! ты не мог вдовлетворить,
А тем меня в мой век щастливой сотворить, —
Вить радости мои, утехи все в хую,
И полагаю жизнь вить в ебле всю свою,
И все мое в тоске едино утешенье,
Чтоб хуем дорогим имети восхищенье.
Итак, прошу тебя еще я наконец,
Престань другую еть и чисти мой рубец.
Ах! сжалься на мое, любезной, состоянье,
Пизды моей всяк час на горестно рыданье:
Познай текущий в ней от похоти рассол,
Познай и залупай ты чаще мой подол.
Воззри, любезной мой, как я изнемогаю,
Горю каким огнем и как я содрагаю,
Как еться я хочу, как чешется пизда,
Пришло уж говорить теперь мне без стыда:
Еби меня, утешь битки твоей хотящу,
Любовным пламенем в пизде к тебе кипящу,
Подай отраду мне, любезной мой, подай,

Забей в меня свой хуй, забей, не вынимай.

Плач пизды

Нещастная пизда теперь осиротела,
Сира, и вся твоя утеха отлетела,
Сира, и полны слез твои теперь глаза,
Ужасная тебя постигнула гроза,
Ужасная напасть совсем переменила,
Из радостной пизду печальной нарядила.
Утехи тем мои навек прешли теперь,
Навек должна свою замазати я дверь,
Ту дверь, в которую в меня входила радость,
Всем чувствиям моим неизреченна сладость.
К страданью лютому, к безмерной казни злой
Навек сомкнута <я>: сей хуй скончался мой.
Скончался и лежит, бездышен горемыка,
Бездушен, недвижим, от шанкер, хуерыка.
Уж нет того, уж нет, в пизде кто ликовал,
Взаимные кто мне утехи подавал.
Лежит бездушна плешь, лежит се пред глазами.
Неслыханная казнь, о! казнь под небесами,
Какой теперь ты мне дала собой удар,
Исчезла в хуе жизнь, простыл на еблю жар.
Любезной хуй, навек рассталась я с тобою,
Вовек, увы! и ты не свидишься с пиздою,
Не будешь ты во мне гореть, краснеть и рдеть,
Уж в аде не дадут тебе, ах! хуй, поеть.
О! грановита плешь, котора всех прекрасней,
Ты сделала меня теперя всех нещастней,
Ты сладость мне вкусить свою, ебя, дала,
Ты кровь во мне огнем приятнейшим зажгла,
Но ты ж теперь меня собою огорчила,
Заставила страдать, ты плакать научила.
Какую я себе теперь отраду дам,
Когда к твоим друзьям сто раз пришед к мудам,

Утех я в них себе ничуть не ощутила,
Напрасно лишь себя я только возмутила.
И как мне без тебя, ах! как на свете жить?
Подумать страшно то, пизде без хуя быть.
Подите от меня вы прочь, воображенья,
И не давайте в мысль преступного прельщенья,
Как будто можно мне кишкой себя пехать,
И глубже в губы перст засунув, ковырять,
Тем равное себе снискати утешенье,
Какое хуем я имела восхищенье.
О! глупейшая мысль порочнейших людей,
Распутной мерзости всесветнейших блядей,
Из ада вышедши, из тартара кромечна,
У чорта из штанов, о! мысль бесчеловечна!
Не можно мне к тебе отнюдь преклонной быть,
Без хуя чтоб себя я стала веселить.
Я ввек не соглашусь принять те грубы нравы
К затмению твоей, о хуй любезной! славы,
Что будто без тебя возможно обойтись,
Мне перстом иль кишкой досыта наетись.
Природного в себе не внемля побужденья,
Лишать тебя собой достойного почтенья,
Ах, нет! конечно, нет, и ето лишь мечта,
Несытейших блядей напрасна суета,
Которою они, весь вкус уж потеряя,
Стараются его найти, пренебрегая.
О, солнце! ты дано одно нас освещать,
Питать собою тварь, собою украшать.
Так естли без тебя не может тварь пробыти,
Равно вот так пизде без хуя льзя ль прожити?
Ты нужное для всей природы естество,
И хуй ради пизды потребно вещество.
Но, видя ты с высот теперь мое мученье,
Что с хуем мне пришло превечно разлученье,
Сокрой и не мечи на мя свои лучи,
Теки из ада, мрак свирепой, и мрачи;
Мне все одно пришло теперь уж умирати,

Без хуя ли мне быть иль свету не видати!
Прости, прекрасной хуй, прости, прекрасной свет!
Уж действует во мне битки претолстой вред!

Закололась слоновым хуем.

Сетование хуя о плеши

Восплачьте днесь со мной, портошные пределы,
Гузенна область вся, муде осиротелы,
Дремучий темной лес, что на мудах растет,
Долина мрачная, откуда ветр идет,
Восчувствовавшие бобонами мученье
Пахи нещастные! С задору и терпенья
Ты, чашник на портках, ты, гулфик на штанах,
И вы, сидящие плотицы на мудах,
Восплачьте днесь со мной, восплачьте, возрыдайте,
Коль боли нет у вас, так хую сострадайте!
Румянейшая плешь с злосердною судьбиной,
Лишился я тебя, мой друг, мой вождь любимой!
Свирепа от меня тебя, ах! смерть взяла,
Прелютым шанкером плешь прочь и отгнила.
О! нестерпима боль! о, злейшее мученье,
Чего лишился хуй в твоем, ах! разлученье!
Всего меня могло что токмо веселить,
Всего не можно мне лишь то изобразить.
О, рок! окроме ран, которыми терзаюсь,
Окроме струпов тех, которыми строгаюсь,
Окроме той беды, что гниль мне нанесла,
Лишился я тобой приятна ремесла,
Того, которым я всегда одушевлялся
И коим в тме утех дражайших наслаждался,
Лишился… Небеса! пизда не даст мне еть,
Ах! можно ль хую быть без ебли и терпеть?
Нет, даст! Отчаянье мое в том есть напрасно,
Коль кочнем уж пизда ебется также сластно,

Так что ей нужды в том, что плеши нет моей?
Чесаться все равно, чем ни чесаться б ей.
Конечно, так. О, нет! ты представленье лестно,
Мечтательная мысль: что создано совместно,
То должно уж всегда совместно пребывать.
Как, как же будет хуй без плеши работать?
Свиреп мой рок, свиреп, и зла моя судьбина,
Напасть моя ничем теперь не излечима.
Оставить должно то, чтоб радость мне иметь,
Веселье мне прошло, я должен грусть терпеть.
Коль бедная битка оставлена от плеши,
Нельзя тебе уж еть, не токмо пробить бреши.
Не вкусишь никогда вкушаемых утех,
Пиздам теперь не хуй, а более ты смех.
Но что пиздам! нельзя стрясти и малакейки,
Погибли все мои прошедшие затейки.
Тем бедствием, познал которое я днесь,
Пренещастлив теперь во век свой буду весь
И в крайность крайнею и тучу повергаюсь,
Неизъясненно зло, чего тобой лишаюсь.
Рассеяна вся мысль, и ум исчез весь мой,
Ах, как расстался я со плешью дорогой,
С тобой расстался я, багряная елдина,
С тобою, спутница моя неизменима;
Тебя уж нет со мной, и твой сокрылся зрак,
Без плеши палка стал теперь я, не елдак.

На отьезд в деревню Ванюшки Данилыча

С плотины как вода, слез горьких токи лейтесь,
С печали, ах! друзья, об стол и лавки бейтесь,
Как волки войте все в толь лютые часы,
Дерите на себе одежду и власы,
Свет солнечный, увы, в глазах моих темнеет,
Чуть бьется в жилах кровь, всяк тела член немеет.
Подумайте, кого, кого нам столько жаль,

Кто вводит нас в тоску и смертную печаль?
Лишаемся утех, теряем все забавы!
Отеческая власть, раскольничьи уставы
В деревню Ваньку днесь влекут отсюда прочь.
Ах, снесть такой удар, конешно, нам не в мочь!
О, лютая напасть, о, рок ожесточенны,
Тобою всех сердца печалью пораженны.
С пучиной как борей сражается морской,
Колеблются они, терзаются тоской,
Трепещут, мучатся, стон жалкой испускают,
С деревней Ярославль навеки проклинают.
Провал бы тебя взял, свирепый чорт отец,
Бедам что ты-таким виновник и творец.

Ах, батюшка ты наш, Данилыч несравненный,
Стеклянный изумруд, чугун неоцененный,
Наливно яблочко, зеленый виноград,
Источник смеха, слез и бывших всех отрад,
Почто, почто, скажи, нас сирых оставляешь,
В вонючий клев почто от нас ты отъезжаешь,
Отъемля навсегда веселье и покой,
Безвременно моришь нас смертною тоской.
Неужели у нас вина и водки мало,
Ликеров ли когда и пива не ставало?
С похмелья ль для тебя не делали ль селянки,
И с тешкой не были ль готовы щи волвянки?
Не пятью ли ты в день без памяти бывал,
Напившись домертва, по горницам блевал?
В Металовку тебя не часто ли возили,
Посконку курею чухонками дрочили?
Разодранны портки кто, кроме нас, чинил?
Кто пьяного тебя с крыльца в заход водил?
Понос, горячка, бред когда тя истощали,
Не часто ли тогда тебя мы навещали?
Не громко ль пели мы в стихах твои дела,
Не в славу ли тебя поэма привела?
Противны ли тебе усердье, наша дружба,

Любовь, почтение, пунш, пиво, водка, служба?
Чем согрешили мы, о небо, пред тобой,
Что видим такову беду мы над собой?
С кем без тебя попить, поесть, с кем веселиться,
В компаньи поиграть, попеть, шутить, резвиться?
Разгладя бороду и высуча уски,
Искали мы площиц и рвали их в куски.
Прекрасные уж кто пропляшет нам долины,
Скачки в гусарском кто нам сделает козлины,
Кто с нами в Петергоф, кто в Царское Село?..
Куда ж теперь тебя нелехка понесло?
Забавно ль для тебя дрова рубить в дубровах,
В беседах речь плодить о клюкве и коровах.
Хлеб сеять, молотить, траву в лугах косить,
Телятам корм в хлевы, с реки — ушат носить,
За пегою с сохой весь день ходить кобылой,
Спать, жить и париться с женой, тебе постылой,
Обдристаны гузна ребятам обтирать,
Гулюкать, тешить их, кормить, носить, качать,
Своими называть, хотя оне чужие,
Неверности жены свидетельства живые,
С мякиной кушать хлеб, в полях скотину пасть,
От нужды у отца алтын со страхом красть,
С сверчками в обществе пить квас всегда окислой,
От скуки спать, зевать, сидеть с главой повислой?
Лишь в праздник станешь есть с червями ветчину
И рад ты будешь, друг, простому там вину.
Увидишь, как секут, на правеж как таскают,
По икрам как там бьют, за подать в цепь сажают.
С слезами будешь ты там горьку чашу пить,
Оброк свой барину по трижды в год платить.
Отца от пьяного, от матери сердитой,
Прегадкой от жены, но ревностью набитой
Услышишь всякий час попреки, шум и брань,
Что их ты худо чтишь, жене не платишь дань.
Босой в грязи ходить там будешь ты неволей,
Драть землю, мало спать, скучать своею долей.

Не будет у тебя с попом ни мир, ни лад,
Хоть записался здесь с отцом в двойной оклад.
Но что за глас теперь внезапу ум пленяет?
Приятнейшую весть нам брат твой возвещает!
Каку премену вдруг мы чувствуем в себе,
Надежды всей когда лишились о тебе.
О, радостная весть, коль мы тобой довольны,
Каким восторгом всех сердца и мысли полны!
Тобою паче всех днесь дух мой напоен,
Превыше облаков весельем восхищен.
Смяхчился наконец наш рок ожесточенный!
Что слышу, небеса, о день стократ блаженный!
Данилыча отец прокляту жизнь скончал,
Он умер, нет — издох, как бурый мерин пал.
Нас Ванька в Питере уже не оставляет,
Присутствием своим всех паки оживляет.
Минуту целую не осушал он глаз,
Повыл, поморщился, вздохнул, сказал пять раз:
— Анафема я будь, с Иудой часть приемлю,
Чтоб с места не сойтить, пусть провалюсь сквозь землю,
Родителя коль мне теперь не очень жаль,
Хоть стар уже он был и пьяница, и враль.
Что ж делать, быть уж так, вить с богом мне не драться,
Но пивом и вином пришло уж утешаться.—
А ты днесь торжествуй, приморская страна,
С небес что благодать тебе така дана.
Гаврилыч, маймисты, прохожи богомольцы,
Данилыча друзья, вседневны хлебосольцы,
Вы, красный, лыговской, горелый кабаки,
Пололъщицы и вы, пьянюги бурлаки,
Ток пива и вина здесь щедро изливайте,
Стаканы, ендовы до капли выпивайте,
Пляшите, пойте все, весельем восхитясь,
Данилыч что теперь уж не покинет нас.
И ты, задушный друг, кабацкий целовальщик,
Гортани ванькиной прилежный полоскальщик,
Веселья в знак ему огромный пир устрой

И с пивом свежую ты бочку сам открой,
В воронку затруби, трезвонь в котлы и плошки,
Пригаркни, засвищи, взыграй в гудок и ложки,
Руками восплещи, спустя портки скачи,
Слух радости такой повсюду разомчи!

Басни и притчи*

Подьяческая жена и поп

Покаялась попу подьяческа жена,
Что в девушках она
Довольно выпила вина.
Да это малый грех и только лишь безделка,
Примолвила она, — расселась щелка,
И вышла замуж я не целка.

О, глупая пизда, — вскричал наш поп, —
На что ты так напивалась
И еть без панциря давалась.
Пизда твоя теперь во ад уже попалась.
Я всем тебя, что есть на свете, прокляну
И припущу к тебе во аде сатану,
Чтоб он тебя в клочки, ебену мать, разъеб
И после мокрым бы ударил хуем в лоб
Или в висок,
Чтоб из пизды твоей посыпался песок.
Я сам взял не целку попадью,
Однако ее ладью
Я сам же прохватил
И хуй в нее влупил
И собственную плешь заколотил.
Так стало то не грех,
Что поп Уеб
И на пизде расчистил мех.
Когда попы ебут,
Не грех в пизду кладут,
Не беззаконием на секель дуют,
Поповичев они в пизду мудами суют.
А ты духовный чин пиздою не почтила
И с светскими свою пизду проколупила,

Так будь ты проклята, сатана.
При сих словах подьяческа жена
Немного наклонилась,
Как будто жопою сесть на хуй норовилась,
Оскалила пизду и подняла подол,
Священник задрожал, колико был ни зол.
Пизда в смирении две губы ужимала
И секелем попа на милость привлекала,
И словом так умильно тут мигала,
Что постная в попе кровь тотчас заиграла
И хую голову яряся подымала.

Вострепетала плешь, хуй рясу прочь отклячил,
Поднявши лысой лоб,
Вскочил в восторге поп
И в грешницу сию он хуй до муд впендрячил.
Рвался, потел,
Не только хуй один, муде он вбить хотел,
Однако пизда еще узка,
А от муд мошна не кругла, не плоска.
Не влезли яйцы, хоть сколько не толкались,
А действующие уж оба запыхались
И непосредственно ебясь они мешались,
Попова сила пала
И не поправилась.
Другая подъебала.
Оставил поп пизду и хуй в ножны вложил,
Оборотяся к ней, смиренно говорил:
Кто в свете не таков,
Прощаю,
Разрешаю
От всех тебя грехов.

Коза и бес

Случилося козе зайти когда-то в лес.
Навстречу — бес
Попался животине.
По едакой причине
Коза тряхнула,
Хвостом махнула,
Вернула рожками,
Прыгнула ножками
И ненарочно,
Только точно
Попала чорту на елдак
И слезть с него не знала как.
С такого страху
Усрала рубаху.
Вертит дырой —
У чорта хуй сырой,
Ебет как пишет,
Коза чуть дышит,
Визжит, блеет и серит,
А чорт ни в чем козе не верит,
К мудам подвигает
И прижимает.
Наебся бес
И скрылся в лес.
На козий крик
Сбежались вмиг
Все звери, и медведь
Стал козу еть.
Еб волк ее и заяц,
Потом Зосима-старец
И все монахи
С сермяжными рубахи.
Потом гады и птицы
В пизду козе совали спицы.

Госпожа и парикмахер

Не сила иногда пылающей любви,
Которая у нас в крови
Колеблет постоянство,
Смягчает и тиранство,
Старух и стариков в соблазн ведет
И всех умы во плен берет:
А нечто есть еще, сто крат любови слаще,
Что в заблуждение людей приводит чаще,
То нежнее сласти той,
Что названа у нас девичьей красотой.
Девица ту красу в один раз потеряет,
Потом к забаве дверь мущинам отворяет.
Любовь быть без сего не может горяча,
Как без огня свеча.

А в сласти ж без любви приятность одинака,
Утешна сладость всяка.

Изображение одно тех нежных дум
В восторг приводит дух и затмевает ум.
А сладость нежная любви не разбирает,
Нередко и пастух с дворянкою играет,
Тут нет любовничьих чинов,
Ниже приятных слов.
Лишь жажду утоли, кто б ни был он таков.
Но только ли того, бывает вся суть в мире,
Пол женский жертвует
Венериной кумире,
И утешает жен не муж:, а кто иной,
Хороший и дурной.
Боярыню — чернец, француз — графиню,
Иль скороход — княгиню.
И со сто есть таких примеров, не один,
Мужик ту веселит, каку и Господин.
Всех чаще у госпож: те в милости бывают,
Которы учат их иль петь, иль танцевать,
Или на чем играть.

Иль кои волоски им неясно подвивают.
У барынь лишь одних то введено в манер,
Чтоб сладость без любви вкушать, и вот пример.
К боярыне богатой
Ходил щеголеватый
Уборщик волосов,
Не знаю, кто таков.
Ходил к ней десять дней или уж три недели,
Он часто заставал ее и на постели.
А барыня хотя б была непригожа,
Да имя Госпожа,
И новомодные уборы и наряды,
Умильные их взгляды,
Приятная их речь
И в нечувствительном возмогут кровь зажечь.
О! сколь приятно зреть Госпож: в их беспорядке,
Когда они лежать изволят на кроватке,
Приятный солнца луч сквозь завесы блестит,
Боярыня не спит.
Вдова ее тогда иль девка обувает,
Чулочки надевает.
Какая это красота,
Сорочка поднята
И видна из-под ней немножко
Одна прекрасна ножка,
Другая вся видна лежит.
Наруже нежно тело.
О! непонятно дело.
Лишь только чьим глазам представится сей вид,
Приятным чувством мысль в минуту усладит.
Потом боярыня, с постели встав спокойно,
Куда ни вскинет взор,
Все в спальне у нее стоят в порядке стройном:
С сорочкою вдова, у девок весь убор,
Там держит кофишенк ей чашку шоколаду,
Тут с гребнем перукер: те люди на подбор,
И повеления ждет всяк от ея взгляду.

Кто в спальню допущен, быть должен очень смел,
Коль в милость Госпоже желает повтереться,
Так чтоб ухватки все те нужные имел,
Какими только льзя от барынь понагреться.
Французы смелостью доходят до всего
И в пышну входят жизнь они из ничего.
Из наций всех у нас в народе
Французы больше в моде:
А этот перукер несмел был и стыдлив,
Не так как этот сорт живет поворотлив.
Благопристойность им всегда та наблюдалась,
Когда боярыня поутру одевалась
И обувалась.
Из спальни в те часы всегда он уходил,
Чем барыню на гнев нередко приводил,
Но гнев ее тогда был только до порога.
Прошло недель немного.
Уборщик к этому насилу попривык
И стал не дик.
Из спальни не бежит он в комнату другую,
Когда зрит Госпожу в сорочке иль нагую,
Тогда-то Госпожа уборщику тому
Такое дело поручила
И научила
Мущине одному
Пересказать о том, что им она пленилась,
А, говоря, сама в лице переменилась.
Ведь ясно показав, что дело о пустом
И нужда ей не в том,
Мысль женска слабости не может утаиться,
Когда она каким вдруг чувством воспалится.
Стремление ее все взор изображал,
Что жар в ней умножал.
Тут руку Госпожа уборщику пожала,
Амурный знак давала.
Но ей в смущении сего казалось мало,
Отважности его она не подождала.

Нетерпеливо ей хотелось веселиться,
Так стала Госпожа с уборщиком резвиться.
И будто бы его, играя, обняла,
Потом еще, еще и, много обнимая,
И тут, и там его хватала,
Спустилась вниз ее рука и то достала,
Что раскаляет их нежнейшие сердца,
Исправно все нашла в тот час у молодца,
Но в этот только раз не сделала конца:
А только нежною рукою подержала,
Сама от сладости дрожала:
Уборщик стоя млел.
Вообрази себе, читатель, эту муку,
В таком уборщик мой огне тогда горел,
Каким его дух чувством тлел.
Он также протягал дрожащую к ней руку
И уж открытую у ней грудь нежну зрел,
А так он был несмел,
Что дотронуться к ней не мог ни разу
И будто ожидал на то приказу.
Прошло так много дней,
Ходил уборщик к ней.
Им только Госпожа себя лишь веселила
Так, так ей было мило.
Вдруг лежа на софе изволит затевать,
Чтоб голову у ней лежачей подвивать,
Уборщик исполнял ея охоту
И начал продолжать свою работу.
А барыня его тут стала щекотать,
Потом за все хватать
И добралась к тому, что ей так нужно,
Играть ей с ним досужно:
Поступком этим стал уборщик мой вольней
И начал он и сам шутить так с ней,
Как шутит с ним она.
Он так же тоже в точку
Отважился сперва боярыню обнять

И в грудь поцеловать,
А там и юбочку немножко приподнять,
Потом уж приподнял у ней он и сорочку
И дотронулся чуть сперва к чулочку:
Сам губы прижимал свои к ее роточку.
И уже от чулка
Пошла его рука
Под юбку дале спешно
С степени на степень,
Где обитает та приятна тень,
Которую всем зреть утешно.
Дограбилась рука до нежности там всей
И уж дурила в ней
И вон не выходила,
Утеху Госпожа себе тем находила,
Уборщик нет.
Не шел ему на ум ни ужин, ни обед,
Какая это, чорт, утеха,
Что сладость у него лилася без успеха.
Не раз он делал так,
Боярыне скучая,
О благосклонности прямой ей докучая,
Смотря на ее зрак,
Лишь чуть приметит он ее утехи знак,
Котору
Он в саму лучшу пору
У ней перерывал,
Прочь руку вынимал
И чувство усладить совсем ей не давал.
Сердилась Госпожа за то, но все немного
И не гораздо строго,
Хотя сперва и побранит,
Но тот же час опять приятно говорит.
Нельзя изобразить так живо тот их вид,
В каком был с Госпожой счастливый сей детина,
Какая то глазам приятная картина;
В пресладком чувстве Госпожа,

Грудь нежну обнажа
И на софе лежа
Спокойно,
Не очень лишь пристойно
И чересчур нестройно.
Прелестны ножки все у ней оголены,
Одна лежала у стены
В приятном виде там мужскому взору,
Другая свешена с софы долой,
Покрыта несколько кафтанною полой,
А руки у нее без всякого разбору.
Одна без действия, друга ж ея рука
Была уж далека,
И в ней она тогда имела
Приятную часть тела.
Уборщик без чинов подле ея сидел
И неучтиво всю раздел.
Его рука у ней под юбкою гуляла,
Тем в сладость Госпожу влекла.
Прохладна влажность у нея текла,
Но и опять ей ту приятность обновляла,
Вот их картина дел.
Уборщик мнил тогда, что нет ни в чем препятства,
И только лишь взойти хотел
На верх всего приятства,
Как барыня к себе вдруг няньку позвала
И тем намеренье его перервала.
К ним нянюшка вошла,
Уборщик отскочил тогда к окошку,
А барыня дала погладить няньке кошку,
Приказывала ей себя не покидать.
С уборщиком одним, он скуку ей наносит,
Что невозможного у ней он просит,
А ей того ему не можно дать,
Тут будто не могла та нянька отгадать
И стала говорить о дорогом и нужном:
О перстнях, о часах, о перлице жемчужном,

А барыня твердит, ах, нянька, все не то,
Мне плюнуть тысяч сто,
А то всего дороже,
А нянька о вещах тож да тоже,
Тут барыня опять знак нянюшке дала,
Оставить их одних, вон нянька побрела.
Жестоко было то уборщику обидно,
Велику перед ней он жалобу творит
И уж бесстыдно
Тогда ей говорит:
— Сударыня моя, какая это шутка,
В вас нет рассудка,
Я не могу терпеть,
Не мало дней от вас я мучусь без отрады,
Я чувствую болезнь с великой мне надсады,
Недолго от того и умереть.
А барыня тому лишь только что смеялась
И, отведя его к себе, с ним забавлялась
Опять игрой такой,
Держала все рукой.
Уборщик, вышед из терпенья,
Насилу говорит от многого мученья:
— Что прибыли вам в том, понять я не могу! —
Ответствует она, — французский это «gout».
— Чорт это «gout» возьми, — уборщик отвечает,
Что скоро от него и жив он быть не чает.
Меж: этим на бочок боярыня легла
И в виде перед ним другом совсем была,
Как будто осердилась,
Что к стенке от него лицом поворотилась.
Середня ж тела часть,
Где вся приятна сласть,
На край подвинута была довольно.
Уборщик своевольно
Прелестное у ней все тело обнажил,
Однако Госпожу он тем не раздражил,
Она его рукам ни в чем не воспрещала,

А к благосклонности прямой не допущала
И не желала то обычно совершить.
Уборщик от ее упорства
Уж стал не без проворства,
Стараясь как-нибудь свой пламень утушить.
Его рука опять залезла к ней далеко,
И палец и другой вместилися глубоко:
Куда не может видеть око.
Сей способ к счастию тогда ему служил,
Меж теми пальцами он третий член вложил.
На путь его поставил
И с осторожностью туда ж его поправил.
А барыня того
Не видит ничего,
Но только слышит,
От сладости она тогда пресильно дышит.
Уборщик к делу тут прямому приступает,
Он с торопливостью те пальцы вынимает,
А член туда впускает,
Но как он утомлен в тот час жестоко был,
С боярыней играя,
Не только не успел достигнуть дну он края,
И части члена он, бедняжка, не вместил,
Как сладость всю свою потоком испустил.
Тут вставши Госпожа и молвила хоть грозно,
Что дерзко с нею он отважился сшутить,
Да так тому и быть,
Раскаиваться поздно,
И вместо чтоб к нему сурово ей смотреть,
Велела дверь тогда покрепче запереть,
Потом к порядочной звала его работе.
А у него
И от того
Была еще рубашка в поте.
Так он тут Госпоже изволил доложить,
Что ей не может тем так скоро услужить,
Тут барыня ему сама уж угождала,

С нетерпеливостью рукою ухватя
И нежа у него подобно как дитя.
И шеколатом то бессильство награждала,
В той слабости ему тотчас тем помогала.
Тогда-то уж игра прямая потекла,
Бесперестанно тут друг друга забавляли,
Друг друга целовали.
Понравился такой боярыне убор,
И он с тех пор
Нашел свои утехи
И тешил Госпожу без всякия помехи.

Беседа

Вдовицы молодицы
И красные девицы,
Которы побелее,
Которы порезвее,
Которы постатнее,
Которы повольнее,
Все вместе вечерком
Сбираются комком,
И сидючи рядком,
Прядут за гребешком.
Тут набожны пиздищи
Не ходят на игрищи.
Бывают только шлюшки,
Те миленьки игрушки,
Которые добрей
Всех прочих до блядей,
Которы помышляют,
Что люди людей шляют.
А именно вот те, что смолоду еблись,
Что сводничать другим под старость принялись,
Тут девушкам они болтают разны сказки,
Про хуи и пизды старинные прибаски,

Как прежни времена бывали хуи с ногтем,
Молодки умненьки, что мазали их дегтем,
Что были в старину в две четверти в отрубе
И с голову хуи близ плеши на зарубе.
Добрыня-богатырь, что сделал из пизды
Скотину прогонять вороты для езды.
Но как и пособить и лучше можно еться,
Как ежели пизда от хуя уже рвется.
На первую что ночь,
Когда терпеть невмочь,
Иметь надлежит мыло,
Етись чтоб слаще было.
Потом, чтоб не болеть,
Пизде чтоб не стрехтеть,
Как сделашь это дело,
Попарить должно тело
Горячею водой
Иль нашею парной,
И мазать салом губки,
Такие вот погутки,
Такие прибаутки,
Такие вздоры, шутки
Старухи говорят,
У девок как сидят,
Которы их склоняют,
На еблю разжигают
И хитростью своей
Их делают блядей.

Монахи

Из одних в монастыре два монаха жили,
В нужном случае зимой друг другу служили.
Зимой в монастыре грибов бабы не берут
И не ходят ни за чем, что же делать старцам тут?
Одно средство, чтоб собой друг другу посужаться,

А чем, знает всяк, про то можно догадаться.
Как дождутся весны красны,
Тут уж вовсе безопасны.
Зачнут рость уже сморчки и сладкие апенки,
Девки, бабы тут пойдут с каждой деревенки,
И покудова они апенков наберутся,
Монахи-та их тут досыта наебутся.
Означенным уж здесь повыше молодцам,
А именно друзьям двум ебакам чернецам,
Случилось подозвать знакомые две бабы,
Чтоб побольше всех других восчувствовать забавы.
У одной из тех скаредных бабенок
Грудной был маленькой рабенок,
Да и баню муж: велел топить,
И для того нельзя никак было приттить.
Монахи же, надеясь, хуям готовя жертвы,
Бежали, разъярясь, с восторгом полумертвы.
Но какое вдруг им зрелище предстало!
Одной обеим им еть бабы было мало.
Чья знакомая была, повалил и начал еть,
А другой на то смотря, дрожал и думал умереть.
Но вдруг пришло на ум похвально дело:
Подбежав тотчас он очень смело
И другу рясу на клабук заворотил,
А свой здоровый хуй до муд в него забил.
Оглянувши, тот сказал: отец святы,
Побойся Страшна суда ты.
В ответ он ему, недолго колебаясь,
Сказал, плотнее прижимаясь:
Наказанья за грехи нимало не робею,
А в жопу и пизду равно я еть умею.

Монахини

У трех монахинь некогда случился спор,
А из того родился и раздор.

И сказывают вправду, и будто бы не враки,
Что дело уж дошло до драки.
Одна другой дала тот час туза,
А третья им обоим царапала глаза,
И все кричали в беспорядке,
Что должно правду защищать равно честной и блядке.
— Так кто может говорить, что хуй не кость?
Два дни тому назад, как еб меня мой гость,
Подъебаючи ему, вспотев, рубашку всю взмочила,
А хуя у него нимало не смягчила.
Другая говорит: — Сестриченка, постой,
Поистине узнала я своею то пиздой,
Что хуй не кость, голубушка, а жила.
Пожалуй рассуди, в чем больше сила.
А третья, на них глядя и слушая, молчала,
Схвативши за пизду, ужасно закричала:
— Что ж ето разве не пизда, а красное окошко?
Мне кажется, вы все вздурилися немножко.
Лет с двадцать уж назад игумен меня еб,
По нем все чернецы, потом уж вдовый поп,
Да вот один лишь слез, успев меня уеть,
И пизда еще мокра, не успела подтереть.
Так вы поверьте мне, что хуй не кость, не жила,
А мясо и что в нем не так велика сила.
Вить жила жестока, а кость всегда тверда,
Так в силах ли была смягчить ее пизда?
Игуменья, пришед, от ссоры развела
И всех троих она их с лаской обняла.
— Скажите, дочки, мне, в чем поссорилися вы?
И что это у вас о хуе за молвы?
Тут наставнице своей они к ногам упали
И слово до слова ей спор весь рассказали.
— Ах! сестры вы мои,
Не ебли вас еще различные хуй.
На первую взглянув, ей стала говорить:
— Которая хуй костью быти мнит,
Любовник твой теперь имеет сколько лет

И как давно тебя он начал, сестра, еть?
Она ей говорит: — Ему нет боле двадцати
И первую меня, как начал он ети.
А та, которая хуй жилою считает:
— Он лет уж сорока, — черничка отвечает.
А третья, будто мясо хуй что говорит,
— Мой в семьдесят пять лет, — игуменье твердит.
Игуменья сказала, качавши головою:
— Я разных уж хуев апробовав пиздою,
Да вот вам мой ответ:
Глупехоньки, мой свет,
Однакож все вы правы,
А первой-то из вас поболее забавы,
Когда он в двадцать лет, так хуй, конечно, кость,
А твой сорокалетний гость,
Хотя ети тебя и есть еще в нем сила,
Да только хуй не кость, а подлинная жила,
А лет в семьдесят уж пять,
Так мясо у него, какова ж вкусу ждать?

Повадка

Похвальна завсегда бывает в нас догадка,
Но непростительна кака ни есть повадка.
Догадка иногда бывает к счастию рука,
Повадка ж делает из умных дурака,
Чему ж живой пример есть некто муж степенной
И в городе почтенной.
Как дома он бывал, то беспрестанно врал,
Сороменны слова во всяку речь мешал,
А по привычке той однажды в стыд попался
И, в гостях сидючи, по матерну заврался.
Случилось это с ним в одном знакомом доме,
В большом содоме,
Тут,
Где роскоши цветут,

Бывает сбор всегда народу просвещенну,
А сей степенный муж
В том доме был нечуж.
Он с дамою играл в игру незапрещенну,
Враз по пяти рублей играли, не резвясь,
Одна из дам игру велику прикупила
И козырем ступила,
А понта в этот раз случилась
У этого степенника в руках
При малых козырях,
Боярыня играть как будто разучилась,
Что козыри она непрямо все сочла
И бастою тогда последней подошла,
Так тем и проступилась.
— Быть так, — сказала им, — пойду на тотус весь,—
А тот степенник тем столь много веселился
И до того забылся,
Что во весь рост вскричал: — Нет, хуя, понта здесь.
Великой стал тут смех. — Ах, дерзкий, — говорили.
— Куда как не учтив, — все дамы так судили.
Он, извиняясь им, сказал на то в ответ,
Что за проступок сей поставит он лабет.

Пожар

Детина страшную битку в руках держал,
По улице бежал,
Разинув рот, кричал,
Как добрый мерин, ржал:
— Ах, батюшка, пожар, мой государь, пожар! —
Громовый как попа ударил тут удар,
Он выбежал тотчас с своею попадьею:
— Где что горит, — кричал, — что сделалось с тобою? —
А чтоб огонь залить,
Водою потушить,
Поп тотчас за ведром метался

И принимался,
Но бешеный одно кричать лишь продолжал:
— Ах, батюшка, пожар, мой государь, пожар!
— Пожалуй, свет, постой и что, скажи, пылает? —
Спросил его тут поп. — Не мой ли дом сгорает,
И нет ли где огня
На кровле у меня?
— Ах, нету, батюшка, — кричит ему детина.
— Да что ж и где?
— Не видишь, — отвечал, — горит моя шматина,
А также у твоей у матушки в пизде.
Не можно, батюшка, залить сей жар водою,
Подобно молнии огонь,
Так сжалься ты со мною
И также с попадьею,
Не тронь ты нас, не тронь.
Вели спустить мой хуй ты с маткиной пиздой,
То пустит дождь в пизду елда,
Елду ж обмочит вмиг пизда.
Я хуй свой затушу, а матушка пизду.
— Дурак, ты глуп, как хуй, ебена мать, детина,
Давно б ты мне сказал,—
Тут поп ему вскричал,—
Скорей такой огонь потушит вот дубина.

Гарнизонный солдат и немец

В Москве у всех ворот
Для часовых солдат поделаны избушки,
А в них с солдатами бывает всякой сброд:
И беглы мужики и нищие старушки,
С которых за ночлег солдаты шлюшки
Берут за кажду ночь вина по кружке,
А больше тут
Живут
Веселеньки молодки,

Что на прядильнях здесь дерут от песен глотки,
Которы с каждой потки
В избушках тут
Пошлину берут.
Солдаты молодиц и сами шляют
И хлебец с стороны им также промышляют.
По должности один служивый в караулку
Завел какого-то немчурку
И шпетную ему молодку подрадел.
С молодкой немец лег, солдат плащом одел,
И как тот немец бабу мулил,
Солдат тогда стоял с ружьем да караулил.
Немчин пыхтит,
А блядь крехтит,
Насилу с ним ебется,
У ней в мозолях вся пизда, так баба жмется.
А немец говорит:
— Вот, матка, глейх зайдется,
Навеселимся всласть.
— Немчин, так дай за труд,
Не даром тут ебут,
А денежки дают.
Немчурка, вынув рубль, спросил, велика ль плата.
Ответствовал солдат:
— Здесь плата небогата,
Мамзель твоя немудрой человек,
Ей будет пять копеек,
А часовому вдвое,
А немец дал и втрое.
Довольна плюшница, доволен и солдат,
Немчурка ж думает: попал на лад,
Не ебля это — клад!
Недолго ж кладом тем доволен был немчурка:
С ним сделалась фигурка,
Обезображен стал немчуркин юрка,
Раздулася на нем вся шкурка.
Немчин на это глядь,

Вдруг обмер, испугался,
Рвался, кричал, метался,
Не ведал, что зачать.
Наделала ему та ебля дела!
Чтоб без хуя не быть,
Так надобно лечить.
Такой-то блядь ему гостинец подрадела,
Что он не сбыл с рук в год,
Да тут потратил он и денежек немало,
Однако полплеши как будто не бывало,
Хуй стал его урод.
Потом, как лехче ему стало,
Для некаких причин
Пошел с двора немчин
И в город пробирался.
Откуда ни взялся — служивый доброхот,
От Яузских ворот,
Кой немцу быть было без хуя постарался.
И только с ним лишь повстречался,
Он немца лишь узнал,
То немцу пенять стал:
— Што, бачка, не видать тебя недель уж сорок?
А ты хотел всегда к мамзеле той ходить.
Немчин на то: — Нет, нет, не хочет мой ебить
Такой маторак;
Ваш дешев руска пизд, да хуй починка дорог!

Неудачное искушение

Промчались вести в Валдае на горах,
В пустыне жил монах.
Преобразись в девицу, бес
К нему в пещеру влез:
Монах, увидев то, вскочил
И хуй вздрочил,
Оставя книгу и очки,

Разъеб он черта тут в клочки.
Едва черт встал,
Монаху так сказал:
— Отец с претолстыми хуями,
Воюешь ты прехрабро с нами. —
Сие промолвив, бес
Исчез.
С тех пор черти по миру не бродят
И чернецов в соблазн уж не приводят,
Ужасна им чернецка власть,
Боятся, чернецу чтоб на хуй не попасть.

Звонарь

Подьячихи, купчихи
Великие лощихи,
Великие мазихи,
А более всего они етися лихи.
Подьячий лишь в приказ, купец лишь торговать,
А жены их тогда затеи замышлять:
Начнут чистенько мыться,
Румяниться, белиться,
Начнут они лощиться,
Начнут они сурмиться,
Себя жеманить, щеголить,
Начнут себя они рядить.
И вырядясь, тотчас в окошечках бывают,
На улицах сидят и губки ужимают,
Етись они смышляют,
Етись они желают
И хахалей своих приходу ожидают.
Посредственны хуи мужей их не проймут
И всласть не уебут,
Затем, что они жирны
И что у них пизды обширны.
Так всякая из них ебется, с кем есть вкус,

А именно чей хуй точильный будто брус,
Иль сходнее еще, с зарубою дубина,
Такая на заказ им надобна шматина.
Не брезгуют ничем, нет дел им до чинов,
А только до хуев.
В чулан запрутся,
Во всю Ивановку ебутся
С батраками,
С бурлаками.
Одну ебет солдат, другую чистит псарь,
А вот из них одну соборный еб звонарь.
Молодка не затем, что был духовна чина,
Сыскала этого ети себя детину,
Но что имел весьма избранный он елдак,
Не менее вот так:
Коль должно привязать веревку к рычажине,
Способней чтоб звонить, привязывал к хуине,
И колокольный звон
Шматиною своей звонил в соборе он.
Такой-то вот хуек ей нравен показался,
Лишь муж когда с дверей, звонарь тогда на двор,
С молодкой прохлаждался
И, тешучи ее и свой притом задор,
В тревожнейшем он был за всякий день в труде,
Звонил шматиною к обедне он в пизде,
А должно было где, он также и трезвонил,
Мудом по жопище щелкал, хлестал, бубонил.
Достойны ж зазвонят, он сыт тогда бывает
И также к отпуску он только доебает.
Купцы, подьячие тогда где ни бывают
И, благовест лишь чуть услышав, воздыхают.
Конечно, от того сердца их весть дают,
Что в этот час у них хозяюшек ебут.

Прохожий и сонная девка

Прохожего застигла ночь,
Прохожий ночевать зашел к старушке,
Тепло нашел в избушке.
У той старушки дочь,
Девочка молоденька,
Девочка недурненька,
Девочка не дика.
Приподнялся в портках и хуй у мужика,
Миленько он на ту посматривал девочку
И мыслил с ней повеселиться ночку.
Как время всем пришло ложиться уже спать,
Постлала на полу соломки дочке мать,
Сама, задувши свечку,
Легла на теплу печку.
Детина дождался,
Старуха как заснула,
Вдруг вошь его куснула,
Взвился и поднялся
И полегоньку к девке прибрался
И чуть сам дышит.
Девочка все то слышит,
Девочка не спала,
Девочка хоть мала,
А дело все смекнула,
Да только от себя его не оттолкнула,
Не супротивяся, как сонная, лежит,
Сама дрожит,
Мужик ярится,
А хуй бодрится
И хоробрится,
Уже его урод
У самых пиздьих был ворот.
Но мужичок, туда его не суя,
И рассуждал он так:
Невмочь ей будет мой елдак,
О толстоте толкуя, —
А девка ведь мала

И может быть цела,
Не стерпит еще хуя.
Помалу он концом к пизде приткнул,
Полплеши лишь воткнул, полплеши обмакнул,
А весь хуй не обмочит,
Лишь только его дрочит,
В пизде щекочит,
В пизде клекочит.
Вздурилась девка тут: чего мужик,
Что хуй велик Боится?
И стала шевелиться.
Не страшен девке хуй, пролезет в нее ось,
Вскричала мужику:
— Пехай, не бось!

Попадья и три ее хахалл

В деревне у попа жена была гуллива,
Молодка щеголлива,
Молодка молода,
В наряде завсегда,
А без белил, румян не ступит никуда.
Об этакой молодке
Все знали в околотке.
Не делала она досады никому,
Любила молодцов всегда по одному.
Недолго ж время так тянулось:
Уже тех молодцов и трое вдруг столкнулось.
Им всякому была назначена пора:
Один лишь со двора,
Другой его сменяет,
Работает пизда, без хуя не гуляет,
Такие гостеньки обшаркали порог,
А поп на голове своей не видит рог.
Те гости с попадьею
Сочлись роднёю:

Кто брат, кто сват, кто кум.
Попу и не на ум.
И были то не враки,
А подлинно ему то ближние свояки.
Родне той навела молодка сухоту,
Да стало от троих терпеть невмоготу,
Робята те в охотку
Обезживотили молодку.
Да чем помочь?
Нейдут ебаки прочь,
И как она устала подъебать,
Так стала лгать.
Не вздумала иной увертки баба в страхе,
Как то, что у нее пришло лишь на рубахе.
Ебатель первой, как услышал эту речь,
Стараться стал ее разжечь:
Показывая муку,
Дает он ей хуй в руку:
И выдумкой своей себе не помогла,
Легла,
Не укрепилась,
По шею заголилась
И попырять дала.
Потом намерилась двоих она убавить.
Которого ж оставить?
Кому ей отказать?
Вить надобно резон на это показать.
Не стало в бабе силы.
Кому лежать, кому стоять, кому вертеть —
И ото всех потеть,
Да все ей равно милы,
А всем как отказать? — без ебли — умереть.
Раздумье бабу взяло,
И вот что ей на ум попало:
Оставить одного,
Того,
Который будет посмелее

И при попе придет
И при глазах его, не труся, уебет —
Тот будет ей милее.
Такая выдумка понравилась и им,
Всем троим.
Кому же наперед досталось делать дело,
Идет к попу тот смело
Теленка торговать,
Сулит попу хорошу цену дать.
Поп был до денег столько лаком,
Что стать готов он раком,
А нежели продать.
Итак, вошел поп в хлев теленка выбирать,
А хахаль попадью поставил тут встоячку
И дал ей качку,
А попросту уеб,
Но только этого не мог приметить поп
Игрища.
Другой двух поросят торгует у попита
И цену дать за них сулит, как за быка.
Поп думает: поддел токого дурака.
В хлеве телята,
В подполье поросята,
Туда поп влез
И там не видел он чудес,
Торгаш как попадью его, поставя раком,
И поздравлял попа большим себе свояком.
Последний думает, что эти смеляки
Оба дураки
И сделали не диво,
А он мнит сработать, чтоб поп то видел живо.
Пришед к его окну, в стекло уставил нос;
Сидел тогда поп бос
Да обувался,
И с ним его жена, сидят они одни.
Детина дивовался:
— Ах, батюшка, грешишь, такие ль ныне дни?

Иль ты вздурился? теперь ебешь.
В котору
Пору?
— Тфу, врак, — поп говорит, — ты окаянный врешь,—
И с сердцем то вещает,
А тот попа всей силой уличает;
Божится поп ему, что он онучу жмет,
А тот свое поет, Что будто поп ебет,
И уверяет так:
— Как, поп, тебе не стыдно,
Вить мне и сквозь стекло, а все то ясно видно:
Твой хуй и с ним муде
У попадьи в пизде.
Попу то стало уж обидно.
Онучей ногу он скорее стал вертеть,
А сам кряхтеть.
И стал ворчать, как кошка:
— Вздурился, свет, ты знать,
Или ослеп немножко,
Пошел прочь от окошка
И перестань, свет, врать. —
Детина в избу входит
И в ярости попа находит.
Поп поднял порошок
И изо всех кишок
Детину уверяет
И укоряет,
А хахаль, не боясь, да тоже повторяет,
Что видел точно он, как поп в жену пырял.
Смутился бедный поп, досадою пылает,
Увериться его тот хахаль посылает.
Сговорчив был наш поп, побрел он посмотреть,
А хахаль попадью и вправду зачал еть.
Поп видит не мечту, но въяве как быть должно,
Что хуй прогуливал в пизде ее неложно.
Поп глядь и так
И сяк —

Все видит то же дело:
Детина без порток,
Жены нагое тело, —
Уверился попок,
Приходит в избу смело,
Детину умного тут поп благодарил,
А то стекло дурное
Тотчас разбил
И вставил тут иное.
Крестьянский поп-простак
Подумал, что в стекло ему казалось так.

Старик и сонная молодка

Случилось старику в гостях заночевать,
А где — нет нужды в том, на кой чорт толковать?
На свадьбе ль, на родинах,
Ну пусть хоть на крестинах.
Вот нужда только в чем седому старичище:
Молодка тут была собой других почище.
Молодка весела, молодка не дика,
И на молодушку встал хуй у старика.
А хуй уж был такой, как нищего клюка,
Однако ночь ему не спится,
Старик встает,
Идет
Искать напиться.
Не к кадке он побрел черпнуть ковшом кваску,
Но к той молодушке, что навела тоску.
Она спала тогда уж в саму лучшу пору,
Отворен путь к пизде, и нет нигде запору,
Затрясся старый хрыч, хуй стал его как кол,
Он шасть к ней под подол
И непригоже цап молодушку за шорстку.
Над сонною пиздой хрыч старый ликовал,
Хуй чуть не заблевал.

Старик пришел в задор такой, что дозарезу;
Что, мнит, не будет мне, а я сух прочь не слезу.
Рубаху только лишь молодке засучил —
С молодки сон сскочил:
Та слышит не мечту, не сонну грезу,
Что некто шевелит по нижнему прорезу;
Подумала сперва, что кошка ищет крыс,
Вскричала кошке: брысь!
Но как опомнилась, зрит вместо кошки буку,
Схватила у себя меж ног той буки руку.
— Кто тут? — вскричала так. — Ах, государи, тать!
Хотела встать,
Покликать мать.
Тут струсил мой старик, не знал, куда деваться,
Не знал, чем оправдаться.
— Небось, я ничего, — сказал, — не утащу:
Хотелось мне испить, я ковшичка ищу.

Черкас и маленькой сын

Черкас поехал в лес дрова рубить,
Жена осталася ребят кормить.
Лишь только муж: с двора — москаль тут к ней в светличку,
Целует молодичку,
Дает гостинца ей и дочке, и сынку —
По крендельку.
Еще ребятам дал бобов по пуку,
А матери хуй в руку.
Гостинец детки жрут, а матка лишь держала —
Сама с задору ржала.
Детина тот недолго дело длил,
Зачем пришел, то делать хочет,
Молодка хуй уж дрочит;
Черкасенку москаль за печку повалил,
И стали еться смело.
Мальчишка хоть был мал,

А все смекал
Их дело.
И как уже они досыта наеблись,
То тотчас разошлись:
Один пошел домой, другая тут осталась
И мужа дожидалась.
Черкас с дровами лишь на двор —
Мальчишка тут провор
Бежит и сам немтует,
Отцу он обо всем, что было, рапортует:
— Здоров будь, тятенько!
Черкас на то: — Что скажешь мни, сынко?
— Як то: пришол москаль и сив на стуле,
Дал нам орихив он по жмуле,
А матки дви, да повалив матку за печь,
Да як попер… — Черкасу вся та внятна речь,
А мальчик то ж лепечит,
Отца увечит:
— Матушка под ним сопит,
Москаль на матушке як спит. —
Черкас на землю кнут и шапку свою кинув,
Сказал сынку: — Як ты, чим сердце мое вынув? —
Неправда, тятенька, не сердце: москаль враг
Из мамы вытягнул лишь красной свой буряк.

Пьяная купчиха

Купецкие жены, подьячихи, портнихи —
Великие статихи,
Великие спесихи,
А пуще что всего, так еться лихи.
Когда случится быть в гостях им у кого,
В убыток не введут хозяина того.
Тогда тут пуще всех чиницы
Купецки молодицы:
Ни капельки винца не пьют во весь обед

И будто бы им в нем и нужды нет;
Хозяйка лишь с вином, а та ей: нет, мой свет,
Мне лучше прикажи стаканчик дать водицы.
Хозяюшка, смекай, поднесть что надо ей,
Хозяйка, не жалей,
Подружке не воды, винца в стакан налей,
Та выпьет вместо квасу,
А после на прикрасу,
Зашед в заход особнячком,
И тянут сиволдай не чаркой — башмачком.

Таким-то образом была одна беседа,
А это завсегда:
У женщины хмельной чужая уж пизда,
Без подубрусника гуляет у соседа.
За рекой
На той беседе был детина щепеткой,
Приметил он одну молодку пьяну,
Пошла та спать в чулан — и он за ней к чулану,
Одну ее он там застал.
Детина без амуру
Ту пьяну дуру,
Подняв подол на пуп, и еть ее он стал.
Приятно пьяной то, она без всей тревоги,
Поднявши кверху ноги,
Сказала лишь: — Кто тут? нет, эдак не шути,
Я от венца свого ни с кем так недоточна,
Дай мужу к нам войти, —
Тот стал хуй вон тащить, не хочет доети,
Но уж у ней в пизде гораздо было сочно,
Ебливая жена не может утерпеть,
Готова умереть,
Да лишь изволь доеть.
Детину слезть с себя та баба не пускает
И, лежучи под ним, задорно подъебает.
У ней в пизде горит,
Так пьяная тому детине говорит:

— Еби, еби, Ильич, хоть я и подъебаю,
Да я тебя не знаю,
А знаю я того,
Где праздную теперь, в гостях я у кого.

Встреча

Когда-то где идти подьячему случилось,
Как солнце, горизонт оставя, закатилось,
А на небе еще и месяц не взошел,
Подьячий через лес, какой не знаю, шел:
А идучи, он вдруг от треску становился:
Казалось, что в лесу там некто шевелился,
Сперва он рассуждал, что идет к нему дух,
Который бледен был собой и кожей сух:
Но было не мечта, а в истину казалось,
Что привидение то ближе подвигалось.
Но как писец не трус,
Узнал, что то француз.
Без выписки он стать ему тот час велел
И без экстракту еть его он захотел.
И давши ему туз,
— Раком стань, — сказал, — француз.
Поставив же, биткой его недолго гладил,
Он вмах к нему в дыру струну свою наладил,
Нашел подьячий вкус,
Сердит под ним француз.
Пехнул он раз,
Трещит дербас,
Трепещут члены, кости,
Пришел француз не в гости.
Французская дыра хила,
Не терпит русского ствола,
Расселась,
Закраснелась.
Свалился с ног парижский житель,

Но приподнял его приказный тот служитель,
А давши ему в бок пинков, толчков,
Напудренных кудрей горсть выдернул клочков
И к дереву зараз парижина приставил.
Струну в него свою опять воткнул, наладил.
И начал его еть,
Потеть, пыхтеть,
Стучит француз во древо лбом,
А сало с пудрою летит как дым столбом,
Кричит мосье, сыскатель моды новой,
От толстыя битки, — пардон, — уродины писцовой.
Но тот писец в зарях нимало не внимает,
Одно его ебет, сурначит и пехает.
Но как стал сыт,
Наебшися, тащит.
И, вынявши битку,
Хватил француза по задку.
— И смею ли, — сказал, — спросить вас господина,
Понравилась ли вам подьяческа шматина.

Драгун в тереме

Каким-то побытом блядин сын, пес,
Смутил на блудные дела старуху бес.
В пизде закопошилось,
В пизде загомозилось,
Старуха разъярилась,
К драгуну подвалилась,
Драгун наш рад,
Нашел что клад,
А это завсегда
Навалка где пизда
Не должно оставлять без ебли никогда,
Не спускова и сей детина был десятку,
Схватил пузырницу в охапку
И смаху

Старухе под подол, меж ног и под рубаху,
Взмостился, влез,
Как лысый бес.
Но с сильного дурак, ебена мать, задору
Не в ту, дурак, свой хуй не в ту уставил нору,
В которую ебутся,
А в ту, из коей гнутся
Свиные колбасы.
Вздурилась корга тут, дерет себе власы
И есть что силы в ней крехтит, пердит, дрягает,
Драгуна прочь толкает,
Но хуй расхоробрился
И разъярился,
От жопы прочь нейдет, одно ее ебет.
Трещит, хлюпит, шлюпит пизды соседка
И чуть уж, бедна, бздит,
А корга под седлом кудахчет, как наседка,
И с плачем говорит:
— Ой, царский доброхот,
Не делай ты со мной, как с грешницею, сзади,
Я сто лет прожила,
А сзади ебена я, право, не была.
Драгун на то в ответ: — Я рад хоть до зарезу,
А, право, уж в овин из терема не слезу.

Всадник

В деревне иль в селе — не знаю я сего,
Да только мне и знать нет дела до того,
Коль басенку вяжу,
Довольно я скажу,
Что жил
И негде был
Крестьянский сын, детина,
А попросту сказать, великая дубина,
Однако не скотина,

Да только со скотом он в дружбе пребывал:
Кобылой хлеб пахал,
Кобылу и пехал,
Кобылу он ебал.
Природное ль имел он к оной побужденье,
Иль шапки когда нет, так ладен и колпак?
Затем, что завсегда дурачий хуй — дурак,
Не любит он терпеть, в посте иметь говенье,
Не может коль пизды прямой себе достать,
То рад он и в фарье кобыльей щекотать,
Лишь только б было слатко —
Исправнейшей битке везде дорога гладка.
Полезши в курицу, полезет в петуха,
Невесту ублудив, ублудит жениха,
А если будет где поуже и жирнее,
Готов он уети пожалуй иерея.
Недаром вить сея пословица идет:
Где видит хуй дыру, туда хуй и бредет.
По этому вот так крестьянский сын уставу
Имел всегда свою с кобылкою забаву,
Далече не ходил,
А в хлев или сарай буланку заводил
И как лишь случай был,
С буланкой веселился.
Желать себе красот других он не стремился,
Доволен был одной
Своею он судьбой,
Кобыльею мандой.
И так в один день, как домой приехал с пашни,
Оставя все свои други затеи, шашни,
Он, прежде как ебал,
Хвост к гриве подгибал,
С пресильной ярости, с великого задору
Схвативши в зубы хвост, приставил он к забору,
Он начал в хомуте, он начал и в шлее,
Взмостяся на нее, ему как было можно,
Ети своей биткой ее неосторожно;

А сквозь забора щель
Соседка девушка, то видя, примечает,
Из глаз не выпутает,
Однако не мешает.
В пизде уже хлюпит,
В пизде уже шлюпит,
Буланушка пыхтит,
Иванушка крехтит.
И в самый уже час, в то само время точно,
Совсем когда в пизде уж стало быти сочно,
Кобыла не стоит,
Кобылушка дрожит,
Кобылушка бежит.
Но тут еще тогда детине не зашлося,
Досыта наетись пизды не удалося,
Он держится на ней, еще чтоб доети.
Кобылушка — серти!
Но та кобыла с ним туда-сюда вся ходит,
Девочкино тогда терпение выходит,
Что мочи было в ней, она захохотала:
— Тпру, стой, буланушка,
Постой, Иванушка,
Куда поехал ты, соседушка? — сказала.

Пастух

Когда ети кто хочет,
С задору тот хохочет,
В кулак шматину дрочит
И много он хлопочет,
Однако никогда не может быть он сыт,
Коль еблею в пизде шматину не смяхчит.
Но где пизду вдруг взять, как хуй расшевелится
И расхрабрится?
И этакой урод
Из штанных силою поломится ворот?

В деревне пастуху скотину гнать случилось,
Как солнышко почти под землю закатилось,
Молодки вышедши уж кликали коров,
Уж слышен по зоре далече их был зов.
Коровы из полей на голос оных мчались,
Рассеяны стада к околице сбирались,
И воздух в холодку когда уж был свежее,
Вот следственно в тот час и хуй стоит бодрее.
Подобно и пастух
Имел свежее дух,
И страшная битка,
Как черен молотка,
Его приподнялась
В штанах и напряглась,
Пресильно хочет еть,
Не может он терпеть.
Но как прикажешь ты избрать пизду по воле?
И где ему тут взять, когда пастух был в поле?
Вот тотчас он к себе в кустарник затащил,
Вскочил
И хуй в буренушку запрятал, заточил
И начал отправлять,
Корову вырыхлять.
Меж тем молодушка буренушку искала,
«Буренушка, буренушка!» — кричала.
Буренушка мычит
И голос отдает,
И на голос нейдет.
Молодушка ворчит
И на голос идет,
И близ уже того чуть место не находит,
Кустарника вокруг шастит молодка, бродит.
«И где ты, — говорит, — бурена провались?»
«Вот здесь, — вскричал пастух, — но дай лишь наетись!»

Попадья

Хоть это в свете враки,
Что в гузне живут раки,
Но это точно быль,
Не пыль,
Не гиль
И очень не безделка,
Невеста у попа бывает что не целка,
И также равно он на перву брака ночь
Такую честную отеческую дочь
На одр священствия с собою спать кладет,
Что толку он в пизде нимало не найдет,
Муде лишь только трет,
Муде лишь только бьет,
Как в иготе толчет
И пот пресильный льет,
А век ее ебя, он всласть не уебет,
Затем, что широка
Пизда и глубока.
И даром хоть отцы святые тем чинятся,
Что будто для одних их девочки родятся,
И будто только их святительским елдам
Надлежит целочкам на еблю быть пиздам,
И будто их скуфья уж будет не скуфья,
Как ежели у них курвяшка попадья.
Но поп живет как поп, а то всегда ведется,
Его что попадья етися всем дается;
И так же и дьячицы
И ключарицы
И звонарицы
И пономарицы
На лысину мужьям частехонько рога
Для прободения диавола-врага
С молитвою куют,
Частехонько их всех миряне прут,
Гнетут,
Ебут,
Пизды дерут,

Как волки рвут.
Хотя попы твердят, чтоб не еблися,
Как можно, попадьи от оного блюлися,
Сверх этого что им сквернейшая пизда
Лишенья сана есть и вящая беда,
Толкуют им они, что лютые мученья
На оном свете есть блудницам за блуженья,
И дом что тот не спор и пламенем горит,
Треклятая жена в котором блуд творит.
Однако сей язык блядям живет невнятен,
О воздержаньи как пьянюгам непонятен,
И лучше обратить во святость сатану,
Как блятку в честную уставити жену:
У оной завсегда
Свербится вить пизда,
Всегда она ярится,
Всегда в ней гомозится,
Как рыба без воды не может без ключов,
Так блятка равно быть не может без хуев,
Но в сей час попадья дается лучше еть,
Пойдут когда попы заутреню все петь;
На самом на просторе,
В зарянку на задоре
Поп службу отправляет,
Кадит и распевает,
Никто когда не зрит,
Никто и не шумит,
Зачнут они тогда
Без всякого стыда
Етися и в лежачку,
Етися и в стоячку,
Етися и в сидячку,
Етися и в ходячку,
Етися и в отлячку,
Етись и в раскорячку,
Етись и лучше им как в мысль тогда придет,
А именно как хуй в них далее войдет,

Способность как найдет,
Как слаще он ебет,
И лучше как зайдется,
Иная попадья и раком сплошь ебется.
Вот жил,
Подобно был
Один в погосте поп,
Которого жену, кто мог,
Толок,
Кто мог, тот еб.
Священник тщетно с сей курвягою возился,
Он тщетно с ней бранился,
Он тщетно с нею бился,
Он тщетно ей твердил:
— Жена, кто блуд творит,
То дом уж тот не спор и в пламени горит, —
И тщетно он ее исправити трудился.
Устал и поклонился,
Устал и отступился
И дал на волю ей
Довольствовать пиздой желающих людей.
Толпой тогда народ
Стекался у ворот,
Всяк по мочи и по силе,
Все поети просили,
Гостинцы попадье тащили и носили:
Иной корчагу щей,
Другой пучок возжей,
А третий мужичок с лошадушки узду,
Бежал скорей проеть сей матушке в пизду.
Велик тут был приход,
Велик был и доход,
А все хотя попы живут на взятки хватки,
На деньги падки,
Дерут
И с мертвых рвут,
Но всякий только поп весьма тому не рад,

Что ежели ему течет женою клад.
Подобно эта блядь тихонько все махалась,
Тихонько от попа с ебурами все шлялась,
Но как в один день поп из церкви лишь пришел,
То въявь уже ее ебущуся нашел.
— О! страдница, — вскричал, — еще не нагрешилась,
При мне ты, мерзкая, в глазах не устыдилась! —
Жена ему на то — Ты правду говоришь,
Но только выдь лишь вон, а то со мной сгоришь.

Покаяние

Попу раз на духу
Покаялся подьячий,
Что еб его сноху.
— Ах, в рот те хуй собачий! —
В сердцах вскричал наш поп.—
Напал ты на кого?
За это б я тебя,
На старость не смотря,
Ошмарил самого.
Да как ты ее еб?
— Того-то и боюсь
И вам сказать не смею:
Уеб ее, винюсь,
Я стоючи за нею.
— Ах, мерзкий человек!
На весь ты проклят век,
Простить тебя нельзя
Простым нам иереям:
Вит в гузно еть стезя
Одним лишь архиреям.
— Я, батюшка, во всем
Покаюся в сей час:
Не вижу я одним,
Другой подбили глаз,

А некто мне сказал,
Что в гузно лишь хвачу,
Глаза тем залечу:
Вот в грех я и попал.
— Вот ведь, — сказал наш поп,—
Всего б тебя разъеб
Мошенника в клочки,—
Когда б то было так,
Ебена мать, дурак,
Носил ли б я очки?

Епиграммы*

Девичья память

Худая память, врут, все будто у седых,
А я скажу: она у девок молодых.
Спросили однаю, при мне то дело было,
— Кто еб тебя теперь? Она на то: — Забыла.

Выбор

Муж спрашивал жены, какое делать дело,
— Нам ужинать сперва иль еться начинать?
Жена ему на то: —Ты сам изволь избрать,
Но суп еще кипит, жаркое не поспело.

Стихотворцы

Лишь только рифмачи в беседе где сойдутся,
То молвив слова два, взлетают на Парнас,
О преимуществе кричать они соймутся.
Так споря, вот один вознес к другому глас:
— Но если ты пиит, скажи мне рифму к Ниобу.
Другой ответствовал: — Я мать твою ебу.

Девичье горе

Горюет девушка, горюет день и ночь,
Не знает, чем помочь:
Такого горя с ней и сроду не бывало:
Два вдруг не лезут ей, а одного так мало.

Вопрос живописца

Позволь, Кларисса, мне списать с тебя портрет,
Которого и различать не будет свет,
Столь чрезвычайно он с тобою будет сходен.
И верь, что будет он тебе весьма угоден:
Я напишу его без кисти и чернил,
И так, чтоб он с тобой конечно сходен был.
Но отгадай, чем мы портреты те рисуем?
Ответ Клариссы: хуем.

Непроворный

Ко стенке приклонясь, журит Гаврилу Анна:
— Высоко, простячок, потрафил ты неладна;
О, низко уж теперь, — она ему ворчит.
— Ну вставь ин ты сама, — он с сердцем говорит.

Требование

— Позволь, сударыня, мне сделать то же точно,
В чем упражнялись те, кто делали тебя,
Авось и мне удастся ненарочно
Сделать такую ж, хоть не для себя.

Кака

— Где мать? — пришед домой, спросил Сазон Ванюши.
— Она пошла, — отцу лепечет малой, — тпруши,
И там портки долой она у мужика,
Мужик у мамыньки меж ног — кака.

Заика с толмачом

Желанья завсегда заики устремлялись,
И сердце, и душа, и мысли соглашались,
Жестоку чтоб открыть его к любезной страсть,
Смертельную по ней тоску, любови власть.
Но как его язык с природна онеменья
Не мог тогда сказать ни слова ей реченья,
То, вынувши он хуй, глазами поморгал
И немо сию речь насильно проболтал:
— Сударыня, меня извольте извинити,
Он нужду за меня всю может изъяснити.

Улика подьячего

Не выписал писец какого-то указу,
Не внес его в екстракт по судному приказу.
Взошел в повытье дьяк и дело то просил.
— Еще-ста не готов, — подьячий говорил.
Взбесился секретарь, велел подать железы,
Хотел стегать плетьми, да сжалился на слезы,
Ебену только мать с наставкою сказал,
Ерыгой, пьяницой, пиздой его тазал.
Подьячий перед ним туда-сюда вертелся,
— Ей-ей сте, — говорил, — я пьяным не имелся.
— Мошенник, сукин сын, пред мной ты хочешь лгать,
Я тот час прикажу твой рот говном зажать,
Не будешь никогда ты мною издеваться,
Пред ставкой очною ты хочешь запираться!
Не я ли всякой день хожу сам на кабак
— Всегда вижу тебя, — сказал копейсту дьяк.

<Мужу утешение>

Напрасно, муж, грустишь, что я с попом ебусь:
Безгрешна от того я, друг мой, становлюсь,
И ежели когда попу я подъебаю,
Тогда я и детей и мужа вспоминаю.
Всегда с ним благодать мой осеняет лоб,
Или не знаешь ты: чиста пизда, поп еб.

<Монах>

Что сильны Юпитер навесил бороды козам,
Досадно стало то бородачам козлам.
Так должен — рассуди — негодовать монах,
Что бабы бороды имеют на пиздах.

<Объявление>

Горшкова дочь дает в наем свою пизду,
Кто хочет, тот еби, плати лишь только мзду,
А у нее пизда весьма уж не робячья,
Потребен хуй большой, а плешь чтоб жеребячья.
Какую ж за труды ей пошлину давать?
Она охотнику сама о том даст знать.

Доказательство

Не знав роскоши в любви,
Детинушка влюбился
И в спламененной крови
С женою веселился.
И туша свой любовной жар,
Не попал, где надлежит,
Жена, почувствуя удар,
— Не туда, мой свет, — кричит.

— Что ты врешь, как не туда? —
Рассердясь он говорил.—
Я смолода то сам болезненно сносил.

Ебливая вдова

Ебливая вдова с досадой говорила:
— Почто нам тайной уд натура сотворила?
Не ради ли того, чтоб похоть утолять
И в дни цветущих лет ту сладость нам вкушать?
Когда ж нам естеству сей член дать рассудилось,
Так для чего оно, давая, поскупилось
И не умножило на теле их везде?
На всякой бы руке у женщин по пизде,
А у мущин хуи б на месте пальцов были —
С какою б роскошью тогда все в свете жили!
Все етца бы могли везде и завсегда,
Еблась тогда б и я без всякого стыда.

Вопрос без ответу

Пресвитер на духу журил
Духовного сынка,
Отнюдь чтоб не блудил:
— Вить нам для сцак дана битка, —
Он сказывал ему.
— Муде, — спросил тут сын, — к чему?

Торг

Что молвлю, господа, то будет не издевка.
Разносчицей в ряду цитронов была девка,
Молодчик молодой и лакомка тут был,

Задумал их купить и для того спросил:
— Цитронам сим цена, голубушка, какая?
— Копеек только пять, цена недорогая.
— Так дорого, — сказал, — ебочков разве пять.
— Лишь в долг, сударь, не дам, изволь за это взять.

Сафрон

Сафрон как чорт лицом, и к дьявольским усам
Имеет еще нос, подобный колбасам,
Которы три года в дыму будто коптились;
А дети у него прекрасные родились,
Что видя, госпожа, имевша мимо путь,
Сказала, чтоб над ним немного подсмехнуть:
— Куда как дурен нос, хозяин, ты имеешь,
А деток не в себя работать ты умеешь.
Надулся тут Сафрон, боярыне сказал:
— Не носом я детей, а хуем добывал.

Отговорка

Увидевши жена, что муж другу ебет,
Вскричала на него: — Что делаешь ты, скот?
Как душу, обещал любить меня ты, плут!
— То правда, — муж сказал, — да душу не ебут.

Брюнетта

— Я в сердце жертвенник богиням ставил вечно
И клялся было Муз любити я сердечно,
Но видевши тебя, ту мысль я погубил,
Прекрасная брюнет, тебя я полюбил.
Одна ты у меня на мысли пребываешь,

Теперя ты одна все чувства вспламеняешь,
И свято в том клянусь, — пиита говорил, —
Что сердце, взяв у них, тебе я подарил. —
Брюнетта тут на то: — Богинь не обижаю,
Не сердца твоего, а хуя я желаю.

Федул

— Федулушка, мой свет, какой это цветок,
Который у мущин блистает из порток?
Я видела намнясь, как с батюшкой лежала,
Что матушка, пришед, рукой его держала.
Пожалуй, мне его, голуочик, растолкуй, —
Просила девушка. Федул сказал ей: — Хуй.

Предосторожность

— Приятель, берегись пожалуй ты от рог:
Жену твою ебут и вдоль и поперек.
А тот на то: — Пускай другие стерегут,
А мне в том нужды нет: вить не меня ебут.

Просьба

Крестьянка ехала верхом на кобылице,
А парень встречу сей попался молодице.
Сказал: — Знать, ты сей день не ебена была,
Что едешь так невесела.
А та в ответ: — Коль ты сказал не небылицу
И истинно коль то причина грусти всей,
Так выеби мою, пожалуй, кобылицу,
Чтоб шла она повеселей.

Мельник и девка

Случилось мельнику с девочкой повстречаться,
Которая всегда любила посмеяться.
Он о постройке с ней тут начал рассуждать,
Местечко где б ему для мельницы сыскать.
С усмешкою ему та девка отвечала:
— Давно уж место я удобное сыскала:
Там спереди течет по времени ручей,
А сзади хоть и нет больших речных ключей,
Да из ущелины пресильный ветер дует.
Тут мельник с радости ту девочку целует:
— Где ж место, укажи, чтобы и я знать мог.
— Изволь, — сказала та, — вот у меня меж ног.

Рассуждение

Мне кажется, что я хуй, руки, уши, рот,
Муде, глаза, язык и бегание ног
Природою себе достал на случай тот,
Чтоб помощию их пизду ети возмог.

Справедливый ответ

За еблю некогда журила дочку мать:
— Эй, дочка, перестань, пожалуй, еть давать.
А дочка ей на то: — Тебе нет дела тут,
Что нужды в том тебе? вить не тебя ебут.

Отчаяние

Хоть еть или не еть —
Все должно умереть,

Неизбежимо смертно жало;
Так лучше умереть, смягчивши штанно скало.

Венерино оружие

Венера у Марса смотрела с почтением
Шлем бога сего, и меч, и копье,
Что видя, Приап ей молвил с презрением:
— Для ваших вить рук хуй лутче ружье.

Ссора

Повздорил некогда ленивый хуй с пиздою,
С задорной блядкою, прямою уж звездою.
Пизда, его браня, сказала: — Ты дурак,
Ленивый сукин сын, плешивый чорт, елдак.
Взбесился хуй тогда, в лице переменился,
Надулся, покраснел и в кость вдруг претворился,
За губы и усы пизду он вдруг схватил
И на плешь на свою с куфьею посадил.

Спор

Расспорился мужик с подобным мужиком
И называл его в задоре дураком:
— Ты еблю чтишь, дурак, тяжелою работой,
А я ее всегда веселой чту охотой.
Когда б по твоему, дурак, блядин сын, чли,
То б наши господа боярынь не ебли,
Они бы чванились и весь свой век гуляли,
А нас бы еть своих тогда жен заставляли.

Надписи[*]

Торжественным воротам

Нерукотворный труд, создание Природы,
Грядут тобой во все концы земли народы,
Стоишь, как свет, и пасть не придет череда,
Ты цель всех наших дум и путь в живот, *пизда*.

Монумент

Из самой вечности и в бесконечны годы
Ко истечению живот дающих струй
От щедрыя нам ты поставлен, столп, Природы,
Ея ты нам даров знак лучший, твердой *хуй*.

Экономке

Ничто не нужно так, присмотр как в доме нам,
А дом наш присмотреть приличный долг женам.
Досужна женщина, ты все не пропускаешь:
Один тебя ебет, другого запасаешь.

Анне

Труды дают нам честь и похвалу во свете,
Трудом восходит вверх могущество героя;
Труды любовь от всех обрели и Аннете,
Затем, что хорошо она ебется стоя.

Елисавете

Прекрасный образ здесь Елизы видишь ты,
Котора сверх своей отменной красоты
Отменнее других умеет нарядиться,
Приятно подмигнуть, обнявши, ублудиться.

Варваре

Во всяком есть чину всегда особа должность:
Победа или смерть — то воинам прилично,
Молитва, пост и труд и долгая спокойность —
Духовным то отцам здесь стало быть обычно,
На спинке ж полежать, проворно подъебать —
Варварушке одной то должно приписать.

Дарье

Весенние красы в тебе изображённы,
Утехи вешние тобою подражённы,
Краса твоя цветет, подобно вешний цвет,
Прекраснее тебя из всех здесь в граде нет.
Как цветик, Дарьюшка, приятностью блистаешь,
Цветок сбирает пчел, а ты — хуи сбираешь.

Ольге

Захвачена когда от стужи, от мороза,
Еще хотя цветет, но уж цветет не так,
Цвела как средь весны блистающая роза,
Подобно сей красе не так хорош уж зрак.
Увяла Ольгушка, и редко кто взирает,

Однако за пизду доходы собирает.

Арине

По склонностям людей надлежит разбирать,
И склонен кто к чему, тому ту должность дать.
Напрасно, например, свинья сидит судьею:
Свинье лежать в дерьме приличней со свиньею.
К чему употребить красоточку Арину,
Как только чтоб не еть, положши на перину?

Фетинье

Натура разными дарами нас снабжает:
Иному, давши честь, богатством обижает,
Богатство дав сему, ограбила красой;
Фетинья рождена хоть дурой и косой,
Однако отняла не все у ней природа:
Публична она блядь, а блядкам в свете мода.

Настасье

Согласно говорят: прекрасно в свете что,
Не может никогда уж дурно быти то.
Девицу честную, разумную Настасью
Весь город хвалит сей: вельми пространна снастью.

Татьяне Странноприимнице

Ничто похвально так, как суть странноприимства,
Коль если украшен кто ими без мздоимства.
Свой истинный тем долг являет человек,

Он лучше ничего не делает в свой век.
Татьяна тесности отнюдь не негодует,
Что друга мужнина в ней хуй всегда ночует.

Амуру

Хоть древние тебя дитятей называли,
Со луком, с крыльями, с колчаном стрел писали,
И разом двух сердца пронзаешь что людей,
Однако ты совсем имеешь вид не сей:
Ты стар и млад живешь, и как когда случится,
Но сущим ты совсем младенцем не годишься,
Нет крыльев у тебя, летать тебе нельзя
И для того предмет ты ищешь свой ползя.
С колчаном лук начто, стрелы коль не бывало?
Ты сам собой стрела, но тупо твое жало,
Совсем ты не творишь ничьим сердцам вреду,
Стреляешь если ты — стреляешь ты в пизду.

Катерине

Колесо не так скоро вертится,
Как у Катеринушки в пизде ярится,
Когда душу-Катерину,
Положа на мяхкую перину,
Руки-ноги разложив
И на ручку положив,
Вложив желаему шматину
В ея отверстую плотину.
Тут струи млечны текут,
Как Катюшеньку ебут.
Радость и сладость с обеих сторон,
Нималых нет уже препон,
Но подъебанье
И в пизде щекотанье,

Все чувства усладивши
И сладостью оросивши,
Как получишь победу — хуй вынут вон,
Спокойный дает уж сон.
И всегдашняя Катеринушки к одному верность
Дает хую большую к утехам твердость.

Пелагее

У нашей Пелагеи
Великие затеи,
Без хуя ни на час и с голоду не мрет,
А хуя по пизде себе не приберет:
То мал ей, то велик, то толст, то коротенек,
То очень де упруг, то вял, как банной веник.
О толстом говорит она: запри дух весь,
А тонкой так бранит: блядин сын, чреворез.
Для утоления Пелагина задору
Такой хуй разве впору,
С конца чтобы он был, как желтый огурец,
А к корню толщиной, у оси что конец.
Такой бы хуй, она сказала, был гладенек,
Да нет у нее денег.

Портреты*

Женские

Я

Разумна, хороша, в нарядах знаю вкус,
По моде не с одним, со многими ебусь.

Ты

Глупа, нехороша, не знаешь блеску дать,
Неряха, блудишься с одним, без вкусу блять.

Она

Годится девушка, ты хуже всем ея,
Ебется, но не так, ебусь как модно я.

Мужские

Я

Прекрасной молодец, у женщин всех в почтеньи,
А любят что меня, то хуй всегда в леченьи.

Ты

Хорош не так, как я, ленив, а я в труде,
Распухли ль как мои с трудов твои муде?

Он

Хорош бы малой был, да еть не достает,
Купчихи говорят, что всласть не уебет.

Билеты*

I

Между цветов прекрасных роз
Собачий хуй на грядках взрос.

II

Дары все естества нам дурно презирать,
Подобно и тебе, мой хуй, пренебрегать.

III

Узнай, чего теперь, Кларисса, я хочу:
Гляжу я на тебя и хуй в штанах дрочу.

IV

Люблю тебя, мой свет, и от любови стражду,
Сижу подле тебя и еть тебя я жажду.

V

Не видит то никто, тебя чем забавляю:
Тихонько у тебя в пизде я ковыряю.

VI

Ебись и не теряй прелестной красоты;
Как младость пролетит, гадка всем будешь ты.

VII

Возьми себе ты тот, из коих лутче нет,
Но лутчей для тебя в штанах, мой свет, билет.

VIII

Зовут по красоте тебя, мой свет, звездою,
Но краше в ебле ты сто крат своей пиздою.

IX

Целуй меня везде, любезная, целуй,
Но вместо ты меня не поцелуй мой хуй.

X

Коль льзя было летать пиздам подобно птицам,
Хорош бы был сучок елдак сидеть девицам.

XI

Для дела руки мне, глаза даны, чтоб зреть,
А хуй, прекрасная, тебя мне чтобы еть.

XII

Ласкаешься ко мне, брюнета, ты, целуя.
Чего желаешь ты? конечно, хуя.

XIII

Два хуя вместе свей, а третьим наповей,
И мало коль одним, в пизду себе забей.

XIV

Прекрасный у меня, Кларинда, есть цветок,
Возьми его сама себе ты из порток.

XV

Всех лутче кажется та девушкам игрушка,
Как ежели в штанах хорошенька коклюшка.

XVI

Я тотчас отганул, что мыслишь ты всегда:
Свербится, девушка, всяк час твоя пизда.

XVII

Не можно изъяснить мне то, что мыслю я,
А лутче изъяснит в пизде битка моя.

XVIII

Утеха лутчая в том женщин состоит,
Чесать тогда пизду, когда она свербит.

XIX

Коль прямо хочешь быть, красоточка, щастливой,
То щастье лутче в том, чтоб быть всегда ебливой.

XX

Желаем получить, скучаем мы иметь,
Не буду ж я хотеть, когда б тебя уеть.

XXI

Коль естли б был рожден престолом обладать,
То сшед бы я с него, пизду стал лобызать.

XXII

Красоточками дух и мысли насыщаю,
Но лутче их пиздой себя я утешаю.

XXIII

Охотно просижу и в пустинькой избе,
Коль будет мой когда хуй в узинькой пизде.

XXIV

Не светится пизда, восточна как звезда,
Но любо на нее вам зреть, хуй, всегда.

XXV

Я никогда так не грущу,
Как долго хуй в штанах ищу.

XXVI

И были лишь одне в штанах мои муде,
Однако вот и те изгнили все в пизде.

XXVII

Досадно, чаю, вам, красоточки-девицы,
Гомозятся когда в пизде у вас площицы.

XXVIII

Как бычий твердый рог мой хуй всегда стоит,
Но вместо чтоб вредить, он девок веселит.

XXIX

Тогда живут етись охотницы молодки,
Когда еще у них бывают круты жопки.

XXX

Ты мыслишь о себе, что девушка-целок,
Однако, знаю я, пролезет и щенок.

XXXI

Не тешуся я так в садах весной цветами,
Как тешусь у девиц под юбками пиздами.

XXXII

О чем ни мыслю, ни гадаю,
А все пизды одной желаю.

XXXIII

Нехудо и с краев щекотят как в пизде,
А лутче, как забив, уж шарят там везде.

XXXIV

Хотя пизда с краев болит,
Но еться не претит.

XXXV

На мысль старухе ночь коль первая придет,
Старуха тут вздохнет, пизда ее зевнет.

XXXVI

Коль мыслишь обо мне, что еть не дам тебе,
Но встанет когда хуй, так кличь меня к себе.

XXXVII

Пусть люди говорят, что я велика блять,
Грешно же то сказать, чтоб еть кому не дать.

XXXVIII

Когда еще пизда моя гола была,
И в те поры попу ети себя дала.

XXXIX

Колико до мущин тот рок злосердый скуп,
Что видит глаз пизду, да не имеет зуб.

XL

Старуха под седлом и стонет и сапит,
Приструнь же более — старуха запердит.

XLI

Ленивая пизда всегда сидит одна,
Досужа перед ней сто раз уебена.

XLII

Вот видим мы и то,
Что хуй без муд ничто.

XLIII

В молоденькой молодке случится быть икотке,
То должно быть в пизде ее тогда чесотке.

XLIV

Вить знать, что хорошо, что девушка хохочет,
Коль страшная битка в пизде ее клокочет.

XLV

Как малый хуй ебет, тогда пизда свистит,
А толстый хуй ебет, тогда пизда хлюпит.

XLVI

Если б так хуи летали, как летают птицы,
Охотницы были б их ловить красны девицы.

XLVII

Заморскую пизду в России чтут издавна:
Хотя она гнила, однако иностранна.

Епитафии*

Епитафия 1-ая

Такой лежит здесь муле, когда он умирал,
То хуй его как рог в тот самый час стоял.
Все сродницы его при смерти собралися,
Которых он ебал и кои с ним еблися.
Одной из них к себе велел он подойти
И умираючи еще хотел ети.

Епитафия 2-ая

Нещастный здесь лежит хуй бедный горемыка,
От лютого кой жизнь окончил хуерыка.

Епитафия 3-я

На месте сем лежит честная сама блядь,
Утеха ебаков, покров хуям и мать,
Всех бедных еблею старалась награждать,
А больше всего, что умела подъебать.

Епитафия 4-ая

На месте сем лежит преславнейший ебака,
От фрянок сгнил весь хуй, муде его и срака;
В роскошной юности нещастной век скончал,
До самого конца в слезах, ревя кричал;

И, испуская дух, бросал на блядок взоры,
Желая с смертью плешь, муде впехнуть прехворы.
Прохожи блядки все, остановясь, вздохните
И выволокой здесь сей камень вы почтите.

Епитафия 5-ая

Устинья здесь лежит, что в том успех имела,
Всё ходючи спала, проснувшися же ела;
И вечером одним пивища напилась
И в пьянстве том шаля с профосом уеблась.

Епитафия 6-ая (Сводне)

Под камнем сим лежит великая жена,
Что смолоду в пизду и в жопу ебена;
Под старость же, когда краса ее увяла,
То способы етись другим она давала.
Прохожий, то узнав, ей жертву принеси,
Хоть малакейку ты на месте сем стряси!

Сонеты*

Сонет 1

Если б так хуи летали,
Как летают птицы,
Их бы тот час поймали
Красныя девицы,
Все расставили бы сетки,
Посадили б в нижни клетки.

Сонет 2

Если б плавали пиздушки
Так, как плавают лягушки,
Около болот бы мудушки
Построили б избушки,
А хуи бы остряки
Пошли б все в рыбаки
И, закинувши сеть,
Зачали б пизду еть.

Сонет 3

Я чаю, господа, согласны вы со мной,
Чтоб за здоровье пить пещерки дорогой,
В которую стремясь, все страхи презираем,
Но в ней бываючи, лишь силы мы теряем.

Сонет 4

Кто всякой день ебет, здоровья не теряет,
Кто много пьет вина, а пьяной не бывает,
Тот весел и здоров пускай свой век живет,
Пусть пьет венгерское, красоток пусть ебет.

Сонет 5

Кто твердые врата лбом мяхким отворяет
И побежденный град весельем наполняет,
Тому желаю я, чтоб храбр был завсегда,
Хоть с нами вместе еть не будет никогда.

Сонет 6

Итти было за речку,
Да путь завял,
Ети было девочку,
Да хуй не встал,
А как хуй и встал,
Так мужик застал.

Сонет 7

Между лилей и роз
Там хуй взрос.
Пришла к нему пизда и тако говорила:
О хуй! приди ко мне, я каши наварила.

Сонет 8

Тетушка, стой,
Не верти пиздой,
Не чужой ебет, свой —
Племянник твой.

Сонет 9

Цицерон премудрый уверяет,
Что чорная пизда не воняет,
Однако Александр говорит,
Что ото всякой равно вони должно быть.

Сонет 10

Пизда по лесу ходила,
Пизда голосом вопила,
Пизда лыки драла,
Хую лапти плела:
Не ходи, хуй, бос,
Не роняй, хуй, слез.

Сонет 11

Есть у меня
Про тебя
Пизда
С полперста,
Еби, красуйся,

Как по шесту суйся.

Сонет 12

Ах вы, девушки скупые,
У вас секели тупые,
Вы придите к нам —
Мы наточим вам.

Сонет 13

Пизда не медведь,
На то сделана, чтоб еть,
Да и хуй не тетеря,
Готов ети хоть теперя.

Сонет 14

Вари, баба, кисель,
Чтобы хуй не висел,
Ты клади в костер,
Чтоб был хуй востер.

Сонет 15

Ты дочь попова,
Я игумнов сын стал,
У тебя пизда готова,

У меня хуй встал.

Сонет 16

Ходила девка по мякину,
Нашла она хуй с хомутину,
Батюшке сказать стыдно,
А матушка отнимет — обидно.

Сонет 17

Ворожи,
Не смеши;
Парень девку ебет,
Девка землю дерет.

Сонет 18

Хуй хую челом
Чорт знает о чем,
А как хуй пизде челом,
Пизда ведает о чем.

Сонет 19

Поп на печи
Обосрался ебучи,
А дьякон на полу

Завидует ему.

Сонет 20

Девица красная,
Что у тебя в пизде хряснуло?
Грех учинился,
Секель преломился.

Сонет 21

Есть ли у тебя ступа,
Что пониже пупа?
А у меня есть пест
Около тех же мест.

Сонет 22

Виноват Адам,
Что не сделал места мудам,
Виновата и Ева, что пустила еблю
На всю землю.

Сонет 23

Девка шла,
Хуй нашла,
Еще ступила —

На два наступила.

Сонет 24

Старик старика во всю ночь ерыкал,
На другой день старик с похмелья отдыхал,
А ныне он, ебена мать, не умрет ли?

Рецепты*

Рецепт 1

Вот в чем, прекрасная, найдешь ты утешенье,
Единым кончишь сим ты все свое мученье:
Лекарство, кое я хочу тебе сказать,
И скорбь твою смяхчит, и будет утешать.
Со многими уже те опыты бывали,
Единым способом все скорби исцеляли;
Беды забвенны все в ту сладкую минуту,
Я жизнь уж забывал и всю тоску прел юту,
Узря, лекарство то сколь много утешает;
Есть сладость такова, чего твой дух не знает;
Ты можешь чрез сие лекарство то узнать;
Изволь слова стихов начальных прочитать.

Рецепт 2

Единая для всех, красавица, утеха,
Без коей никогда не можешь пребывать,
И верно я о том скажу тебе без смеха:
Смотри ты первых строк что литеры гласят.

Рецепт 3

Полу женску коль случится
От любви занемочь,
Есть вот способ, чем лечиться,
Бредни все другие прочь!

Избавлялись тем уж многи,
Тем лечились сами боги,
Ето сделай хоть чрез лесть:
Сила в первых словах есть.

Рецепт 4

Ходила девушка во храм оракул вопрошать,
Узнать, чем можно ей себя от бледности спасать.
Ей слышится ответ: — К леченью способ весь,
Моя красавица, в начальных словах здесь.

Рецепт 5

Порошок, чем лечиться от угрей:
Взять неку часть от котовых мудей
И рюмку урин свежих собачьих,
Да говен унцев до трех свинячьих,
Лота два тараканових яиц
И часть млека калмыцких кобылиц,
Толпу комаров надо наловить,
Сверчков, клопов туда же приложить,
Еще вшей, гнид, блох, площиц подмудных,
Муравьев и пауков разумных,
Наконец, перцу дикого стручок,
Да из волосов пизды седой клочок,—
Все это смешав, надо искрошить
И в вольном духу должно иссушить,
А иссуша, помельче истолочь,
Просеевши сор, откинуть прочь.

Загатки*

Загатка 1-ая

Ни рук, ни глаз, ни ног я сроду не имею,
А сделать образ чей я точно разумею.
Любим девицам я, но ими и презрен,
Всяк волю мне дает, но я и заключен,
Противу естества голодный бодр бываю,
А сытым будучи слабею, унываю.
На троне, на суде и в пропастях живу,
Рождаю я кого, того терзаю, рву.
Позорен именем, необходим делами,
Я грешен, но сижу в церквах и с бородами,
Я твари всей отец, но я того и сын,
Притчиной бытия я коего один.
Хожу я в кладези, но их я напояю,
Я смертен, но как свет стоит, не умираю.
Жечь суют меня в горн, но как меня ни суй,
Я точно все таков, каков и есмь: я *хуй*.

Загатка 2-ая

Ни пифин я, ни рак, ни зверь, ни черепаха,
Жилище мое — тьма, покров на мне — рубаха,
Не можно образ мой существенно списать,
Ниже подробно всех чудес моих понять;
Владычица сердец, я матерь всей природы,
Идут в мои врата все твари и народы.
Собою я сама хоть, правда, подла тварь,
Но перву всех меня целует всякий царь.
Гнушаются все мной, но я небесполезна,

Нельзя меня хоть есть, но вкусом я любезна,
И тешучи других, я тешу и себя,
Рождаю целости я, целость погубя.
У женщин я живу, мущинами питаюсь,
Рождаю в свет я тех, я кем сама рождаюсь.
Не блещущая я планета иль звезда,
Но прежде всех меня зрит тварь. То есть *пизда.*

Загатка 3-я

Мы в свете рождены, бесчетно чтоб трудиться,
Сует в нас суета прямая людям зрится;
Мы служим одному без мыслей плешаку,
Мущине лысому, как мы же дураку,
Который лишь живет, в корчмах чтоб прохлаждаться,
Мы бедные за ним должны туда ж таскаться,
С наружности стучать и ждать его в дверях,
Доколь он выдет вон, замаран весь в соплях,
И красен как сукно, и мерзостью рыгает,
Нередко он и нас блевотиной марает.
В презренном завсегда бесприбыльном труде,
Не знаем, нужны ли на свете мы, *муде?*

Загатка 4-ая

Коль есть я в существе, так есть между ворот,
Валит из коих весь и всех чинов народ,
Но входит только внутрь взлизастой в них мущина,
Которой озорник такой и дурачина,
Что трет меня собой в воротах, не глядит
И двум еще слугам толкать меня велит,
Но я не ябедник, во мне та добродетель;

Спроси, пожалуй, всех, бывал ли истец *секель?*

Загатка 5-ая

Между крутых я гор в долине пребываю,
Я печь, невкусной хлеб которою пекут;
Пресильной ветр всегда собой я испускаю,
Ручьи передо мной журчащих вод текут.
Урчу, кричу, трублю, но я без языка,
В беседе голос мой являет дурака,
Однако у купцов, крестьян <и у> холопа,
У твари купно всей необходима *жопа*.

Загатка 6-ая

Пять юношей берут,
Во гроб меня кладут,
Иду я в гроб и веселюся,
Из гроба вышедши, я плачу и слезюся,
Но должен завсегда, хоть как ни негодуй,
Поспешно выходить я из пизды — *хуй*.

Загатка 7-ая

Тычешь-потычешь,
Но узка щелинка;
Коль ночью не видишь,
Приди в день, детинка,
Приди и вложи в меня из порток —
Найдешь днем дыру — конечно, в *замок*.

Загатка 8-ая

Я рос и вырос
И на свет вылез
Но только я не весь внаружу оголился,
Немного лишь конца из кожи залупился.
Когда ж совсем готов, тогда от молодиц,
А паче от девиц,
Любим живу от всех.
Я есмь *орех.*

Загатка 9-ая

В дыру когда влагаюсь,
Крепок живу и туг,
Когда же вынимаюсь,
Бывая вял меж рук.
Но сверх еще того спускает мой конец
Тут белой с себя сок — просольной *огурец.*

Загатка 10-ая

Согнув плеча и стан,
Спущу с себя кафтан
И, брюхом потирая,
Ногами попирая,
Когда разинет пасть,
Свою впускаю снасть,
Жена, весельем тем не плачь,
Ее что исправлять я мастер дела — *ткач.*

Загатка 11-ая

Лежит на мне ярила,
Я тело оголила
И ноги подняла,
Ярить себя дала.
Тепленька,
Тут мокренька,
Как зачал он юлить,
Как зачал он ярить,
И выярив сытенька,
Нигде не гомозит,
Нигде не рагозит,
Но погодя свербится,
Еще хочу яриться,
Но быть до той субботы хоть хочется и Ване,
Я *веник,* что парятся в бане.

Загатка 12-ая

Рукой сперва возьму и влагой помочу,
Потом, поднявши вверх, немного подрочу,
С розмаху ж сунув вдруг, я суну в жерело
До тех пор, как гореть уж будет *помело*.

Загатка 13-ая

Дырою девушку на день ее рожденья
Отец и матушка снабдили в награжденье.
Девочка, сидючи на горке, на горе,
Дареной той своей дивуется дыре.
Дивуется, любуется
И телом в нее суется.

— Дыра ты, — говорит, — дражайшая дыра,
На тело мне тебя давно бы вдеть пора,
Но пусть я поблюду; как буду под венцом,
Понравлюсь жениху прекраснее с *кольцом*.

Загатка 14-ая

Леском, что несколько вокруг пообросло,
Такое у меня затем есть ремесло,
Что мужем иль другим мне нет коль отягщенья,
Воды то тамо нет, и все без окропленья,
А ежели придет тяжелость мне хоть раз,
От мужа ль, от других, — текут ручьи из *глаз*.

Загатка 15-ая

Ни в сказках рассказать,
Ни в книгах описать,
Какая ето сласть,
Коль шорска с шорской сходится,
Того же к ночи хочется
Чрез опыт только знать,
Что нам есть сладко *спать*.

Загатка 16-ая

На дело коль меня когда изготовляют,
То жилу тут мою во влагу полагают,
Хотя без рук, без ног,
Стою, подобно рог,
Я твердость, что огнем бываю горяча,

Горячность пища мне из тела, *я — свеча.*

Загатка 17-ая

По брюху дорога,
Промежду ног тревога,
Около дырки веселье,
Но к сему не нужно сало тюленье,
А канифоль со смычком
И ноги к тому со скачком.
Сделают меж ног как теплицу,
Что значит и — *скрипицу*.

Загатка 18-ая

Есть у меня, стоит про тебя,
Отделаю тебя, поползешь от меня.
Такова-то бочка с *пивом,*
Когда кто к ней стремится с рылом.

Загатка 19-ая

Ела-поела,
Смолоду потела,
Под старость поплелась,
До кровати добралась.
Тут уснула,
Животом тряхнула,
Сама вздохнула
И ротиком зевнула,
А как протянулась,

То вечная жизнь скончалась.

Песни

«Пресильным я огнем…»

Пресильным я огнем,
Дражайшая, пылаю,
Трясу своим мудом,
Шматиною качаю.
И ты уже склонилась,
До пупа заголилась,
Мне виден твой задор,
Хлюпит в пизде рассол.

Так что мою судьбу
Еще ты отлагаешь?
Забить претишь елду
И прочь меня пехаешь?
Видишь, зришь мое мученье,
Битки моей дроченье,
Как мочи нет терпеть
И хочется мне еть.

Пизда твоя свербит,
Желание согласно,
Так что ж еще страшит
И что тебе ужасно?
Скорей мне дай уеться —
В пизде свербёж уймется;
Велик хоть мой елдак,
Но тем в нем боле смак.

Тихонько я взмощуся
Наверх тебя, драгая,
И еть еще потщуся
Я тише пригнетая,

Подпру себя лохтями
И чуть прижму мудями
Пизды твоей я край.
Небось, драгая, дай.

«Лишь в Глухове узнали…»

Лишь в Глухове узнали
Ебливицын приход,
Вздроча хуи бежали,
Чтоб встретить у ворот.

Магистер и старшие
За нужное почли,
Чтоб все хуи большие
Навстречу к ней пошли.

А маленьким хуёчкам
Приказ отдан такой:
Отнюдь бы из порточков
Не лазил никакой.

Лишь только появилась
Ебливица во град,
Пизды все взбунтовались,
Ударили в набат.

Одна пизда всех шире,
Фрейгольцова жена.
Кричит: «Где правда в мире?
Какие времена!»

Магистер пиздьи глотки
Велел хуям зажать,
Набить на них колодки,
В тюрьму их посажать.

Умолк тут шум ебливый,
Окончился и бунт,
Магистер, муле учтивый,
Сказал хуям: во фрунт!

Он, свой хуй взявши в руки,
Спросил, отдавши честь:
«Сколько хуев от скуки
Прикажете отчесть?»

Ебливица сказала:
«Великий пост и грех,
С дороги ж я устала:
Довольно будет трех».

«Ай, ау, ахти, хти! Кабы теперь локтя в три…»

Ай, ау, ахти, хти!
Кабы теперь локтя в три:
Хоть есть хуй с локоток,
Да и тот стал короток.
Ахти мне, где я нейду,
А в три локтя не найду.
Не найду, ах, я грущу,
Толще хуя не сыщу.
Ай, я с горести, с кручины,
С толстой хуевой притчины
И столь лютой хлопоты
Проебаю животы.
Хоть всего добра лишуся,
Толстым хуем наебуся,
Разъебусь млада я в кровь,
Мне то сделает любовь.
Моя пизда не ребячья,
Просит хуя жеребячья:

Гранадерских хуя три
Хоть теперь в меня вопри.
Ах, терпенья больше нет,
Мне без ебли не мил свет!

«Ай, ау, ахти, хти! Етись хочу хуя в три…»

Ай, ау, ахти, хти!
Етись хочу хуя в три!
Приди, милой пастушок
Приди, милой мой дружок,
Утешь горесть ты в пизде,
Я хочу етись везде.
Пастух с радостью предстал,
Весь мой дух вострепетал.
Штаны стал он расстегать,
Хуй претолстый вынимать.
Душа-радость, мой пастух,
Забивай в меня ты вдруг,
Прежде спереди я дам,
Потом сзади наподдам.
Ай, ау, ахти, хти!
Во мне хуй есть локтя в три!
Хоть пизду с жопой сравняй
И муде туда ж впехай.
Пизда с радости играет,
Секель сладость ощущает,
Проливает сладость кровь,
А причиной ты, любовь!
Ах, вся горесть уж прошла,
Красна плешь в пизду вошла.
Подвигай, пастух, скорей,
Забивай в меня плотней,
До яиц, милой, сажай
И как можно надсажай.
Ах, прижмись, мой свет, к пизде,

Шевели, пастух, везде,
Хоть под титки разъеби,
Только ты меня люби!
До пупка, мой свет, достань,
А потом уж перестань!
Вот скажу, что наеблася,
Пизда кровью облилася,
И на секеле потоп,
Не залезет в пизду клоп.
Я молодка, не девица,
С пизды вся сошла площица,
Веселись теперь, млада,
Полна соусу пизда.

«Поповна, поповна, попомни меня…»

Поповна, поповна, попомни меня,
Как ёб я тебя под лестницею,
За то меня кормила яичницею.
Девка маленка, маленка, малешенка,
Пизда у ней узенка, узенка, голешенка.
Залупай до грудей, забивай до мудей
И не тронь до людей.

«То не шум шумит…»

То не шум шумит,
И не гром гремит:
Едит пизда воеводою,
Мелки волосы пехотою.
Усы у пизды караулщички,
А жопа блядь, в барабаны бьет,
А секель, ебена мать, с копьем стоит.
Ах, гой еси, батюшка белай хуй,
Что долго спишь не проблудишься?

Ничего ты не знаешь и не ведаешь,
Еще чорна пизда на баталию пришла.

Ото сна белой хуй пробуждается,
Он с чорной пиздой управляется,
Он мелки волосья все в грязь втоптал,
Усы у пизды все повыдергал,
А жопу-та, блядь, с барабаном прогнал,
Секеля, ебену мать, в полон к себе взял,
И тем белой хуй всем завоевал.

«Ты хуй мой разъярила…»

Ты хуй мой разъярила,
Муде мои зажгла,
Ты плешь мне раскалила,
В задор меня ввела.
Дашь ли мне, дашь ли мне,
Хоть мала секеля,
Или страшен хуй тебе?

Твои, драгая, груди
К мудам сыскали путь,
Разжгли мои все уды
И хуй мой тяжко рвут.
Дашь ли мне и проч.

Другая все ебутся,
А я в кулак свищу,
Все к ебле мысли рвутся,
Во сне пизду ищу.
Дашь ли мне и проч.

В малакьи нет отрады,
А ебли нет нигде,
Узрю твои лишь взгляды,

То вспомню о пизде.
Дашь ли мне и проч.

Мне мнится повсечасно,
Что я ебу тебя,
Но все лишь мысль напрасно
Летит, хуй тем губя.
Дашь ли мне и проч.

Вся плешь моя краснеет,
Хуй токи льет всегда,
В тот час посинеет,
Окрепнет иногда.
Дашь ли мне и проч.

Что, хуй ты мой, так рдишься?
Престань в слезах дрожать.
А ты, коль дать боишься,
Так дай хоть подержать.
Дашь ли мне, дашь ли мне,
Хоть мала секеля,
Или страшен хуй тебе?

«Ярость молодца берет…»

Ярость молодца берет,
Видя, девочка, тебя,
Хуй штаны мои дерет,
Хочет вздеть он на себя.

Заразили твои очи,
Я снести муку не смог,
Нет терпеть уж боле мочи,
Хуй стоит всегда, как рог.

Так ты сжалься, дорогая,

И пожалуй, не крепись,
Но склонись ко мне, милая,
Уж пришла чреда етись.

Допусти меня скорея
И руками обойми,
Я забью в тебя плотнея,
Да и ты пиздой прижми.

И лишь хуй до муд впехаю
И в пизде поковыряю,
Ты узнаешь тогда радость,
Сколь велика в ебле сладость.

«До пятнадцати еще лет…»

До пятнадцати еще лет
Меня начали уж еть.
Как несносны все те девки,
Кои долго живут целки.
Птичка, клетку оставляя
И свободу получая,
Не довольней своей доли,
Вылетая из неволи,
Так и я была в тот час,
Как еблася в первой раз.

«Ты для чего ебешься…»

Ты для чего ебешься
С иным, а не со мной?
И буде не уймешься,
Поставлю вверх пиздой,
Поставлю вверх пиздой.

Твоя пизда широка,
Что хуй мой стал ей мал,
И так она глубока,
Что дна в ней не достал,
Что дна в ней не достал.

Ебись ты с жеребцами,
Людской хуй забывай,
С кобыльими пиздами
Свою пизду ровняй,
Свою пизду ровняй.

Он подлинно достанет
До дна твою пизду,
Без лести всякой скажет,
Что птичка по гнезду,
Что птичка по гнезду.
Ах, мать твою в пизду!

«Кабы знала я да ведала млада…»

Кабы знала я да ведала млада,
Что не вздрочена драгунская елда,
Не смотрела б я на кожаны штаны,
Кои вохрою кругом осквернены.
О, надежда! ты в обман меня ввела,
Что драгуну прежде кучера дала.
Теперь знаю я драгунскую елду,
Он напакостил плотицами пизду.
Как на нашем на широком на дворе
Собирались красны девушки в кружок,
В уме всякой им был миленькой дружок.
Одна девка не ходила в хоровод,
На уме у ней мутился всякой сброд,
Ни игра на ум, ни резвость ей нейдет,
Што драгун ее не так ныне ебет,

Как ебал прежде боярской водовоз,
Поваля ее в конюшне на навоз.
Теперь бедная тоскует от беды,
Што не сыщется по мысле ей елды,
За чтоб все она именье отдала,
Лишь отведала б сыновьева ствола.

«Пиздьи губы, губы толстыя…»

Пиздьи губы, губы толстыя,
На вас надо хуи вострыя,
Через то, губы, поправитесь
И в препорцию растянетесь.
Губы смех людской, игралище,
В вас хуям будет пристанище.
Губы, вас лишь бы хуям узнать,
А то будут по муде вбивать,
Тогда будете губищами,
Как растянетесь хуищами.
Тогда, губы, посинеете,
Как претолстой хуй нагреете.
Губы, в случае вы таком
После будете блевать млеком.
Губы, в вас много трудов хуям.
Песня эта хороша ли вам?

«Как со славного со стрелки кабака…»

Как со славного со стрелки кабака
Сорвалися скверны бляди с елдака,
Собирались они выручку делить,
Размышляли, что на те деньги купить.
Семка юпки, семка кофточки сошьем,
Снарядясь же, мы на промысел пойдем.
Одна блядка усцалася тут в кругу,

Что жар похоти согнул ее в дугу.
Вы ебитесь, красны девушки, всегда
И не бойтесь, что болит у вас пизда,
А уж мне младой блядун на ум нейдет,
Мил сердечной друг от шанкера гниет.
Кабы знала, кабы ведала, мой свет,
Что уж больше в твоем хуе силы нет,
Не дрочила б я распухлую елду
И не мыла я поганую пизду.
Знаю, знаю, от чего хуй не стоит:
Плешь багровая от шанкера болит,
В сильвации ты все зубы расплевал
И от лекаря полплеши потерял.

«К тому ль я твоим, к тому ль хуем пленилась…»

К тому ль я твоим, к тому ль хуем пленилась,
Чтоб пламенно любя, вовек не подъебать,
На то ль моя пизда мудями заразилась,
Чтоб ей заебин ток всечасно проливать?

В млады не еться лета,
Без хуя век страдать
И все утехи света
В мудях лишь почитать.

В мудях, но те меня без пользы лишь терзают,
Пизду и секель мой в унынье тем привел,
Иль сладости в пизде моей они не знают?
Приметь, ебака как ею овладел.

Пизда что ощущает,
Взгляни на секель мой,
И как она зевает,
Бросаясь на хуй твой.

Твой с плешью хуй в мысль страстно погрузился,
Я жертвую тебе пизду и себя,
Иль ты другою, ах! мандою заразился
И, тщетно мя вспалив, другую уебя?

На что свои муде
Являл мне иногда?
На что, когда пизде
Не еться никогда?

Сим в мыслях навсегда я стала обольщенна
И секель произвел огонь в моей пизде,
Они виновны в том, что я тобой плененна,
Муде твои почла признаками в езде.

А ежели пиздой моей
Твоя плененна плешь,
Ты той биткой владей,
Но только он не свеж.

Разные пиесы

Суд у хуя с мудами[*]

С мудами у хуя великой был раздор,
О преимуществе у них случился спор.
— Почтенья стою я, то всем уже известно,
Равняться вам со мой, муде, совсем невместно.
Муде ответствуют: — Ты очень ложно мыслишь,
Когда не в равенстве с собою нас ты числишь.
Скажи, ебать тебе случалось ли хоть раз,
Где б не было притом с тобою вместе нас?
— В вас нужды нет совсем, — хуй дерзко отвечал,—
Помеха в ебле вы, — презрительно вскричал.
Муде ответствуют: — Хуй, знай, что то все враки.
Шум, крик и брань пошла, и уж дошло до драки.
Соседка близь жила, что гузном называют.
Увидя, что они друг друга так ругают,
— Постой, постой, — ворчит, — послушайте хоть слово,
Иль средства нет у вас без драки никакого?
Чтоб ссору прекратить без крика и без бою,
Советую я вам судиться пред пиздою.
Почтенного судью они избрали сами,
Старейшую пизду с предолгими усами,
Котора сорок лет, как еться перестала
И к ебле склонность всю и вкус уж потеряла,
Покрыта вся лежит почтенной сединой.
Завящивый сей спор решит ли кто иной?
Поверить можно ей: она не секретарь
И взяток не возьмет, не подлая то тварь,
Пристрастья ни к чему она уж не имеет
И ссоры разбирать подобные умеет.
Предстали спорщики перед судью с почтеньем,
Хуй начал речь тогда с великим огорченьем:
— Внемли, в слезах стою теперь перед тобой,

Муде премерзкие равняются со мной,
Я в награждение то ль должен получить
За то, что не щадил я крови токи лить?
А чтоб ясней мои услуги показать,
Я, форме следуя, хочу все описать:
В тринадцать лет ети я начал обучаться
И никогда не знал, чтоб мне пизды бояться;
Ёб прежде редко с год, потом изо всех сил
Чрез день и всякой день, и как мне случай был;
Усталости не знал, готов был всякой час
И часто в ночь одну ебал по осьми раз.
Уж тридцать лет тому, как я ебу исправно
И лучшим хуем я считаюся издавно.
Не раз изранен был я, пробивая бреши,
Имел хуерыки и потерял полплеши,
Сто шанкеров имел и столько ж бородавок,
В средину попадал пизды я без поправок
И сколько перерёб, исчислить не могу,
Свидетели во всем соперники: не лгу.
Все выслушав, пизда с прискорбностью сказала:
— Я ссоры таковой вовек не ожидала.
Когда я избрана судьею заседать,
Молчите вы теперь, хочу я вам сказать:
Мне обвинить из двух нельзя вас никого,
Один хуй без мудей не значит ничего,
Вам вкупе надлежит вовеки пребывать,
А без того никак не может свет стоять.

Разговор любожопа с любопиздом[*]

Любожоп

Все чувства роскошью мои напоены,
И мысли ею все в восторг приведены.
Отменным родом я теперь любови таю,
Ни с чем на свете той утехи не сравняю,

Котору я теперь лишь только что вкушал,
И коей весь мой дух исполнен жаром стал.
Скажи, любезной друг, как ты об оной мыслишь,
Между каких забав сию утеху числишь?

Любопизд

Чтобы без всякой то ошибки угадать,
Мне нечего о том и голову ломать:
Ты сам, уже совсем мне ясно, в том открылся,
Во всех словах почти подробно изъяснился,
Что ёб теперя ты прекрасную пизду,
И в том хоть к самому я рад итти суду,
Что в сей отгадке я ничем не погрешаю;
Утеху я сию сам свято почитаю.

Любожоп

Что ёб теперя я, то прямо ты сказал,
Лишь только одного ты тут не угадал:
Я жопой, не пиздой роскошно наслаждался,
Небесной, так сказать, утехой забавлялся,
Да что еще притом не просто я блудил,
Жопеночку ту я как целочку растлил!

Любопизд

О, небо! словом сим весь дух мой возмутился.
Какой ты сквернostью, любезной друг, прельстился!
И в целой бы мой век того не угадал,
Чтобы содомство ты утехой поставлял.
И как тебя привесть то может в восхищенье,
К чему вся в свете тварь имеет отвращенье?
Возьми лишь ты ее в живой себе пример,
Представь себе скотов, народы всяких вер —

Увидишь, что они законом поставляют
И в этом пункте что утехой почитают.
Конечно, естества ты позабыл устав
Иль святости его не почитаешь прав?
Не жопу, но пизду дала нам всем природа
Телесных для забав, для размноженья рода.

Любожоп

Сама ж природа та, о коей говоришь
И чей закон ты мне столь свято чтить велишь,
Нас склонностями всех прещедро одарила,
Меж ими разности в нас быть определила,
И потому из нас всяк вкус имеет свой,
В чем, чаю, спорить сам не будешь ты со мной.
Что ж мне другую тварь ты ставишь здесь в сравненье?
На то тебе тот час скажу опроверженье,
Которо истиной и ты признаешь сам,
Когда представишь, коль мы должны небесам,
Что с бессловесными они нас не равняют
И разностию свойств от нас их отличают:
Они стремлением одним лишь снабжены,
Напротив, разумом мы все просвещены,
И божества в нас знак яснее тем сияет,
Что полной волею оно нас одаряет.

Любопизд

Я все то знаю сам и верю я всему,
Ко оправданью что сказал ты своему,
Но можно ль вкус иметь кому твому подобной,
Чтоб заразиться сей так страстию негодной?
Представь себе пизду и прелести ее —
Не восхитится ли все чувство тем твое?
Она лишь для того на свет и создана,
Чтоб ей одной любовь была покорена.

Какой в ней нежный жар, какое услажденье,
Кто может ее еть и быть не в восхищенье?
Юпитер для кого — скажи — сходил с небес?
Пизде лишь должно дать всю силу тех чудес.
А жопа от кого была когда почтенна?
Она от всех почти на свете сем презренна,
И можно ль на нее с приятностью глядеть?
А особливо. как престанешь ее еть,
То целый на плеши фунт вытащишь говна;
Как может с жопою пизда быть сравнена!

Любожоп

А я тебе на то тот час в ответ скажу
И разность главную меж ими покажу:
Скорее вымыться, чем вылечиться можно,
Не спорив, в правде сей тебе признаться должно,
А из сего скажи, не ясно ль то собой,
Что жопе первенство дать должно пред пиздой,
Затем, что от нее болезней не бывает,
А от пизды людей сколь много пропадает,
Примеры могут нам плачевну доказать,
Сколь многим суждено от фрянок умирать;
И потому, что нас всех мене повреждает,
То больше и любить нас склонность побуждает.
Говно ж, заебины ль вить вымыть всё одно,
Лишь только разность та, что пахнет не равно.
Что ж ты Юпитера в пример мне представляешь
И первенство пизды чрез то ты защищаешь,
Так знай, что жопу он не менее почтил:
Для Ганимеда он равно с небес сходил.
А те все прелести, ты кои вычисляешь
И их к одной пизде толь смело причитаешь,
Равно и в жопе я их все те ж нахожу
И не красневши то пред светом всем скажу,
Что жопу я пизде всегда предпочитаю,

Утеху оную ни с чем я не сравняю,
Пускай меня за то кто хочет, тот бранит,
Но мысли сей во мне ничем не истребит,
И я хвалимую достойно мною жопу
Не променяю, верь, на целую Европу.

Любопизд

Твой странен вкус совсем, и с ним, я чаю, ввек
Не будет ни один согласен человек,
Но с тем со всем мне в том тебе признаться должно,
Что спорить о любви и вкусе невозможно.

Торжествующая баханка*

Ахти, ау, где нейду,
Ахти, ау, не найду,
Не найду, что ищу,
Только плачу и грущу,
И грущу, не знав на что,
Сокрушаюсь ни за что,
Ни за что себя гублю,
Бесполезно, ах! люблю.
Что люблю, то многи знают
И себя тем забавляют,
Ах, играют, веселятся,
Мне ж за что того лишаться,
Без забав все в скуке жить?
Я не знаю, как мне быть.
Быть ли век мне без приметы
В самы полны мои леты
Иль мне век жить без утех,
Нет, забавлюсь я при всех.
Ахти, ах, ах, где я? ух!
Ах, как радуется дух!

Ах, дражайши мой пастух,
Ты встревожил весь мой дух.
Ах, как муж с женой лежит,
Плотно сжавшись и дрожит,
Так дрожали мои жилы,
Как еблась я из всей силы,
Лишь теперь-то я узнала,
Отчего пизда дрожала,
Когда целкой я слыла,
Фуй, как дрожь в пизде была,
Коль я делала глупенька,
Быв ети давать скупенька,
А как больно уеблась,
Я слезами облилась.
Плача, с радостью скажу:
Всяк проси: не откажу.
Подъеби меня боярин,
Еби турок и татарин,
Еби повар и дворецкой,
Всякой русской и немецкой,
Еби нищий и чернец,
И старик, и молодец,
Поп, кузнец, портной, сапожник,
Золотарь, рещик, суконщик,
Фабрикант, солдат, купец,
Мот, картежник и скупец,
Дурак, умной, еби вор,
Всяк вались ко мне на двор,
Да не делайте в том спору,
Еби всякой без разбору.
Лекарь, мельник и десяцкой,
Слесарь, мужик и посацкой,
Целовальник и чумак,
И фабришной и бурлак,
Трубочист, профос, погонщик,
И подьячей, и извощик,
Вся военная пехота

И морскова всего флота,
Петиметры, волокиты,
Как волной морской прибиты,
Все мечитеся к пизде,
Я сыщу уж вас везде.
Да не думайте, глупцы,
Бестолковые купцы,
Будто мне один из вас
Мил живет на всякой час.
Так как глупенькой Федот
Прост, несвязен, слеп как скот,
Кой отдав мне екипаш
Свой к услугам, и как паш
Рабски служит предо мной,
Как слуга был вечно мой,
Тем стараясь быть мне мил,
Всякой час о том твердил.
Я весьма тем веселюсь,
Что браню, так не боюсь,
Да ебусь во весь размах
Днем, с свечею и впотьмах,
Без разбору, с кем хотя,
Руки, ноги обхватя,
К пизде плотно прижимаю
И резвенько подъебаю.
Пиздья снасть уж вся трещит,
Секель стонет и пищит,
Пена клубом с пизды бьет,
Как драгун меня ебет,
Подымаясь из всей силы;
Ах, дрожат мои все жилы!
Докучает мне Максим,
Чтоб еблась я только с ним,
А других велит мне бросить,
Каждый день о том он просит.
Как же скучно от вранья,
Фуй, и глуп он как свинья.

Да другой какой-то Вася,
Приступя ко мне вчерася,
Говорит, что он пленен
Мной смертельно и влюблен
Беспредельно весь в меня,
И, колена приклоня,
Клялся мне своей любовью
И писал своей то кровью.
Фуй, как глупы они в том,
Что болтают о пустом.
Лишь один нашелся бравой,
Кой рассудок имел здравой,
Хоть и был мной обнадежен,
Но стал вдруг в том неприлежен
И ети просить не стал,
Презирать уж меня стал.
Я шутя об нем сказала,
А он думал, отказала;
Но однако тем он мил,
Что мне мысли подтвердил:
Он сказал на мой ответ,
Что у блядок любви нет,
Я не знаю про любовь,
Разъебаюсь часто в кровь,
Я не знаю, что за верность,
Я не знаю, что за ревность,
Только знаю, что ебусь,
Никого в том не стыжусь.
Одно то мне очень жалко:
Сколько лет еблась я жарко
И еблась весьма приятно,
Но совсем мне не понятно,
Что ебуся завсегда,
Не рожаю никогда.
Бахус, днесь мой глас внемли,
Пока здесь я, на земли,
В сладострастии глубоком,

Воззри милостивым оком:
Тебе службу приношу,
Не презри, о чем прошу:
Ниспошли свои щедроты,
Больше мне прибавь охоты,
Чтоб еблась я всякой час,
Тебе во славу,
А мне в забаву,
Утверди мой днешний глас.

Переведено с арабского

Неудачный отказ*

Красна девушка в окошко,
Отворив его немножко,
Оголяет щелупину,
Дразнит секелем детину,
Подымает праву ножку,
Вылупает щель на л о леку
И кричит еще в досаде,
Что пизда ее в наряде
Ходит ныне уж ходою,
Что потешилась елдою.
«Ты, дружок, хоть рассердися,
А с тобою я етися
Не намерена уж боле:
Расставайся поневоле».
А того не примечает,
Что другой к ней подступает
С добрым хуем и с мудами.
Он, ярясь, скрыпит зубами,
Поднимает ей задницу,
Простирает в щель десницу,
В жопу плешью поражает,
На муде ее сажает

И вплотную подвигает.
На хую млада зевает;
Хоть етись она не хочет,
А уж с хуя не соскочет,
Как он жопу ей отлячил,
И в то время как пендрячил,
Снизу новой поспешает
И ступеней не щитает.
Оголяет он елдину,
Залупает щелупину.
С двух концов младой по хую.
Где б найти ей ету сбрую?
Естли б девушка молчала
И в окошко не кричала,
День покойно б окончала,
На хуях бы не торчала,
А теперь, хоть ты сердися,
А на двух хуях вертися.

Целка[*]

Хоть узка, хоть широка,
Хоть плоска, хоть глубока,
Хоть пушиста, хоть гола,
Хоть велика, хоть мала,
Студена или тепленька,
Хоть суха или мокренька,
Только имя ей пизда,
Всем на свете сем узда.
Я теперь лишь оголяю,
Всех на свете я взнуздаю,
Буду править всеми я,
Веселись, пизда моя!
Заплету я хую холку,
Сяду так, как в одноколку,
Поскачу, млада, в тот край,

Где любой хуй выбирай.
Он пизду мою направит,
Ширины ее прибавит,
Мне не страшен будет слон,
Станет еть меня хоть он.
А теперь еще боюся,
С длинным хуем не сражуся,
Понадеяться нельзя,
Потому что целка я.
Слабосильна во упорах,
А хуй ходит вить во шпорах,
Естли он не сбережется,
То карман мой раздерется.
Совесть хуева тут рьяна,
А пизда вить не сметана,
Хоть всегда ту ешь — молчит,
А пизда заверещит;
Все проходы как заткнутся,
Вить недолго захлебнуться;
Что ж в том прибыли найдешь,
Естли на хую умрешь?
Лучше еться с тем, кой впору,
Расчеперя свою нору,
Я усочки подотру,
Естли хуй мне по нутру.
Поеби меня, красавец,
Сунь хуек ты в мой поставец,
Он тепленек и хорош,
Твой хуек к нему угож.
Я высоко вознеслася,
Сладко-сладко наеблася.
Полно муки мне терпеть,
Стану всем давать я еть.

Все безумные красотки,
Естли бегаете потки —
Нет на свете ничего,

Слаще хуя моего.

Символ веры Ванюшки Данилыча*

— В раю кто хочет быть
И здесь подоле жить,
Ко мне тот прибегай,
Послушай и внимай,
Чему Данилыч нас вседневно поучает,
Великим словом всех насильно уверяет,
Развратный в чем его рассудок и раскол
И веры состоит неслыханной символ.

Усердьем он горит,
Всечасно говорит,
Что тот, конечно, рай,
Своих желаньев край
Получит, насладится,
Сие кем сотворится.

Спасенья тот не чай,
Кто пьет без вотки чай,
Оршат иль лимонат,
Виин-шо и шеколат;
Того ж кто кофей пьёт,
Гром до смерти убьёт.

Детей своих крестит кто прямо не по сонцу,
Иль блядке за труды даёт кто по червонцу,
Кто мясо ест в посты и в среду, и в пяток,
На судне какает и плюет кто в платок,
Кто волосы растит,
Кобылу кто растлит,
Стрижет себе усы
И трескает колбасы,
Кем кофей также пьётся,

Тот громом ушибётся;
Тот также порудит,
Всю веру остыдит,
Кто ходит в башмаках,
В штанах, а не в портках.

Иль ставши пить вина, кто чарки не одует
И знаменьем креста три раз не образует;
Иль дёхтем кто своих не мажет сапогов,
Иль верует в попов, которы без усов.

Кто нюхает табак,
Не ходит на кабак,
По-старчески елдак
Кто дрочит в свой кулак,
Кто чистит дёсны, зубы,
Кусает нохти, губы;

Велика стоит зла,
В попах кто зрит козла,
А в жирной попадье
Подобие ладье.

Иль скверны также ест кто птичия печенья,
Жаркую впросырь часть, с петрушкою коренья,
Кто во щи не кладет для вкусу чесноку,
Епископску не чтит кто святостью клюку.

Кто трескает цыплят,
Телятину, ягнят,
Зайчину, голубей,
Суп, соусы, желей
Иль сыр гнилой с червями —

Тому сидеть с чертями.
Немецкую кто сласть,
Сквернейшей ествы часть,

К себе приемлет в рот
Проклятый цукер брот,
И скоромом свое кто брюхо набивает,
Аливки, сельдерей, салат употребляет
И песей скверный гриб, назвавши шампиньён,
Безбожно трескает кто каперцы, бульён,
Миногов и сельдей,
И устриц и угрей,
Отродья что змеи
И кушанье чертей,
Аввакум возвещает,
Под клятвой запрещает.

Кто севши за обед
Засвищет, запоет,
Политику ведет,
При людях не блюет,
Иль святостью кто сей мерзит, пренебрегает,
Что естьли в ризах поп сопит, пердит, рыгает,
И также для своих кто собственных остуд
Сажает вместе есть с собою из посуд
Юстицкого сверчка,
Приказного крючка,
Солдата, рифмача,
Холопа, палача,
Содомскую плотицу,
Танцовщицу девицу;

Не носит кто креста,
Не держит кто поста,
Иль держит, да не так,
Держать надлежит как;

Не пьёт кто, например, вина по красауле
Во славу Божию, чтоб усидеть на стуле,
Не ест гороху, щей и киселя, кулаги,
Корчаги по две в день, не пьет кто пива, браги;

В урыльник сцыт,
Во сне храпит, пердит,
В избе поет, свистит,
Ебет, сапит, пыхтит,
Мудами толку ищет,
Притом поносным дрищет;
Под тем земля горит,
Кто с немкой блуд творит,
А смертный грех велик,
Кто носит хуерык.

Иль паче кто с женой неладно пребывает,
Не правилом ее пехает.
Высоко, например, кто ноги подымает
Иль стоя позади, иль сидя уебает,
Иль презря весь закон
От многих забобон
Пристрюня в афедрон
Её ошмарит он.
Такому любодею
Вертеть дырой своею.

Кто кроме череды,
Не чтя пятка, среды,
Во всякий день грешит.
В пизде рассол сушит;

А паче же притом кто гузно подтирает
Бумагою себе и рук не обмывает,
Бумаги за столом сидев не шевелит,
А сидя на говне молитву сотворит;

При лишнем при бревне,
Поповой при родне,
Купецкой при жене
Кто молвит о говне,

По-новому крестится,
За Никона божится;

Немецкий кто обряд
И демонский наряд,
Не ходит без брызжей
И носит кто тупей
Иль бороду себе как иноверный бреет,
Цифирью мерзкою щитать кто разумеет,
Иль ересь полюбя, французским языком,
Смердящи яко пес, боярина мусьём.

Гудок зовет капель,
Боярышню — мамзель,
Боярыню — мадам,
Красавицу — шарман,
Дворянчика кадетом,
Служителя валетом?;

Кто, Бога не боясь
И в харю нарядясь,
Влеча себя во ад,
Поедет в маскерад,
И в демонском себя присообщая лике,
Кто ходит на театр, играет на музыке,
По-новому одет, кто прыгает балет,
Танцует менует и смотрит кто в ларнет;

Анафимска душа,
Кто скачет антраша,
И все те плесуны,
Спустив с себя штаны,
На хую у сатаны
Вскричат «трах таланы»?

Кто ересь полюбя
И веру погубя

Нечистой силы сын,
Наперсник сатанин,
Ефрема Сирина писанья не читает,
Читая же его, кто слез не проливает,
Юродивым притом не хочет в свете быть,
Феодоритов бред за истину не чтить;

Не любит толокно,
Сам-друг глядит в окно,
Не парится с женою,
Купается весною,
Не вправивши рукою,
Стучит в пизду елдою;

Не верует кто снам,
Колдовкам, колдунам,
Что леший есть в лесах,
Кикиморы в домах,
Что ночью мертвецы выходят из могилы,
Что к носу и щекам приставить можно килы,
Волками что людей возможно превратить,
Навстречу что попу не должно выходить;

Что соль просыплется,
Петух прокрикнется,
Что курица вспоет,
Что кошка заскребет,
Великой тут напасти,
Бед должно ожидать и страсти,
Коль идет попизон,
Навстречу фармазон,
Ты очи вверх взведешь
И навзничь не падешь.

Иль знаешься, иль пьешь, иль ешь ты с армянином,
С калвином, лютером, а паче с жидовином;
Анофрей говорит о двух тех головах:

Седые быть хотят, кто ходит в париках,

Хоть стар будь или млад,
Тот прямо пойдет в ад,
У чорта на битке,
Как будто на коньке,
Там будет век сидеть
И плакать, и реветь.

Кто сей болтает бред,
Что весь вертится свет,
Что чалмы, калпаки,
Что бриты елдаки;
Подняться естьли вверх — увидишь, как вертятся,
Поетому муде анофренски трудятся,
Туда-сюда оне трезвонят и летят,
С блаженною биткой вкруг света же спешат.

О, вымысл дерзновенны,
Псом-немцем учрежденны,
Тебе всем светом
На хую быть надетом
И ветреной вертушкой
Быть дьявольской игрушкой.

Прямая тот свинья,
Кто так же как Илья
Гремит на небесах,
Стучит на колесах;
Вить не было того у предков на примете,
Чтоб цуком лошадей кто ездил на карете;
А паче кто сию нелепость говорит,
Что будто не Илья на небе гром творит,
Но в тучах будто пар
Рождает гром-удар,
Сего еретика
Июдина битка

Ударит и ошмарит,
Как огнь его ожарит.

Кто к девке подойдёт,
Потреплет, обоймёт
Затеи и фигурны,
Кто строит с ней амуры;

А в пьянстве не ворчит, душою не костится,
Проспаться на грязи с свиньею не ложится,
Притом от спеси песнь священну не орет,
О вере ревностно гортани не дерет;

Масонов не клянёт,
Пророчества не врёт,
Что скоро свет минет,
Разрушится, падёт,
Антихрист воцарится
И Страшный суд явится,
Что муки будут нам
Во аде по грехам,
Что серы и смолы
Там полны есть котлы,
В которых будут нас жечь лютыми огнями
И жарить, и варить, травить в говне червями,
Иного околеть поставят на мороз,
Другого провонять зароют под навоз;

Там плач будет глазам,
Скрежетанье зубам.
Не верит кто сему,
Часть горькая тому,
Во век веков веками
Трясти ему мудами!

Беседу окончал,
Данилыч замолчал,

На небеса взглянул,
Претяжко воздохнул,
Рыгнув честным вином врачебными устами,
Брадой пошевелил, тряхнул три раз мудами.
— О, братие! — Он рек. — Настал поганый век,
Во всем уже себе несходен человек,
Аввакума уж нет,
Всяк Никоном живет,
Всяк скверный стал немчин,
Всяк лютер и калвин,
Покрыт весь свет грехами,
Не сдержут хуй ремнями.

Ебена мать[*]

Ебена мать не то значит, что мать ебена,
Ебеной матерью зовут и Агафона,
Да не ебут его; хотя ж и разъебать,
Все он пребудет муж, а не ебена мать!

Ебена мать ту тварь ебену означает,
Из бездны коея людей хуй извлекает.
Вот тесный смысл сих слов; но смысл пространный знать
Не может о себе сама ебена мать!

Ебена мать в своем лишь смысле не кладется,
А в образе чужом повсюду кстати гнется.
Под иероглиф сей все можно пригибать,
Синонима есть всем словам *ебена мать.*

Ебена мать как соль телам, как масло каши,
Вкус придает речам, беседы важит наши.
Ебена может *мать* период дополнять,
Французское *жан футр* у нас *ебена мать.*

Ебена мать тогда вставляют люди вскоре,

Когда случается забыть что в разговоре;
Иные и святых не вспомнив, как назвать,
Ткнув пальцем к лбу, гласят: *как бишь, ебена мать?*

Ебена мать еще так кстати говорится,
Когда разгневанный с кем взапуски бранится;
Но естьли и любовь надлежит оказать,
То ж, но нежней скажи: *а! брат, ебена мать!*

Ебена мать кладут и в знак местоименья
К таким, которые у нас без уваженья:
Коль хочешь, например, ты имрака назвать,
Вот так его зови: *ей ты! ебена мать!!!*

Ебена мать уж ты!'—значит к тебе презренье,
Уж я ебена мать — значит к себе почтенье,
Что за ебена мать? — есть недоумевать,
А храбрости есть знак: *кто нас! ебена мать!*

Ебена мать дурак! — в проступке есть улика,
Дурак ебена мать! — значит, вина велика;
Я дам ебена мать! — го значит угрожать,
А не хотеть, вот так: *о! ох! ебена мать.*

Ебена мать значит и сердце умиленно;
Как кто раскается в грехах своих смиренно,
Из глубины души начнет вон изгонять
С пороком те слова: *ах! я ебена мать!*

Ебена мать еще присягой нам бывает,
Коль, например, тебя напрасно кто клепает,
И образ со стены ненадобно снимать:
Скажи лишь, прекрестясь: *как! 6а, ебена мать!*

Ебена мать же ты! — значит не догадался,
Ой ты ебена мать! — о нем значит дознался,
А! а! ебена мать;! — значит в беде поймать,

А пойманной гласит: *вот-те, ебена мать!*

Ебена мать душа есть слов, но естьли в оных
Не прилучается замашек сих ебеных —
Без вкуса разговор и скучно речь внимать;
Вот как *ебена мать* нужна — ебена мать!

Драматические пиесы

Ебихуд[*]

Героическая, комическая и ебливотрагическая драма в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
Ебихуд, владетельный князь.
Мудорван, брат его, также владетель.
Хуестан, наперсник Ебихудов.
Пиздокраса, княжна, невеста Мудорванова.
Хуелюба, ее наперсница.
Вестник.
Воины.

Действие в доме князя Ебихуда

Действие первое

Явление первое

Ебихуд и Хуестан.
Ебихуд

Познай днесь, Хуестан, смятения вину:
Я только лишь было взобрался на княжну,
Как вдруг проклятый хуй стал мягок так, как лыко.

Хуестан

Великий государь, несчастье то велико,
Однако же совсем надежды не теряй
И на свою битку ты верно уповай;
Чего не смог теперь, то впредь исполнить можно,
И в Пиздокрасу хуй впендрячишь ты неложно.

Ебихуд

О день, несчастный день, о прежестокий рок!
Не в силах я княжне в пизду пролить поток;
Я тщетно на красы дражайшие взираю
И Пиздокрасину шентю воображаю —
Хуишка скверный мой висит, как колбаса,
И не прельщает, ах! ничья его краса.
Представь, любезный друг, сколь горько мне терпети
И сколь несносно хуй сей пакостный имети!
Я братне разметал все воинство как прах,
А хуй мой, как кишка, лежит в моих штанах.
На то ли брата я столь победить старался,
Чтоб плод моих побед непроебен остался?
И для того ль княжну я от него достал,
Чтоб хуй мой на ее пизденочку не встал?
Я тщетно заставлял княжну его дрочити —
Не мог в нее, увы, не мог никак всучити.
Однако ж я его попробовать хочу,
Авосьлибо, я свой проклятый хуй вздрочу.
Введи сюда княжну!

Хуестан уходит.

Явление второе

Ебихуд
(один)

Теперь я постараюсь,
Хоть слабо на битку свою я полагаюсь.
О мать ебливых дел, владычица земли,
Венера, ты теперь мольбу мою внемли!
Когда поможешь мне уеть княжну как должно,
Я тысячу хуев собачьих неотложно
На всесожжение во храм твой принесу,
Лишь в Пиздокрасу дай мне впрятать колбасу,
Сего лишь одного я от тебя желаю
И в покровительство тебе свой хуй вручаю.

Явление третье

Ебихуд и Пиздокраса.

Пиздокраса

Почто ты звать меня опять к себе велел?
Иль мало над пиздой моею ты потел?

Ебихуд

Виновным пред тобой себя я признаваю,
Но слабости такой я впредь не уповаю
И больше на битку надеюся теперь;
А ты пизду свою, пожалуй, расщеперь.

Пиздокраса

Я путь к пизде открыть всегда тебе готова,
Но, ах! не начинай меня ты мучить снова.
Когда проеть меня ты не имеешь сил,
Почто моей пизды ты брата днесь лишил?
Отдай меня ему, я Мудорваном стражду,
Биткою утолит в пизде моей он жажду;

Он еть здоров, елдак всегда его стоит,
И сразу он в меня до муд свой хуй всадит.

Ебихуд

Кого ты, дерзкая, воспоминать дерзаешь?
Или что мне он враг, ты то позабываешь?
Конечно, Мудорван еще тобой любим
И, видно, елдаком прельстил тебя своим,
Однако сей любви терпети я не стану
И тотчас еть его велю я Хуестану.

Пиздокраса

Что слышу я, увы, погибнет Мудорван,
Без милости в него хуй влящит Хуестан!
Когда к нему твоя жестокость столь сурова,
На Хуестанов шмат сама я сесть готова,
И лучше на его елде мне умереть,
Как мертва пред собой возлюбленного зреть.

Ебихуд

Не бойсь, княжна, не бойсь, я столь суров не буду
И с братом ближнего родства не позабуду.
Когда в сражении он в плен ко мне попал,
Я жизнь его всегда священной почитал
И воевал я с ним лишь за тебя едину.
Позволь же мне теперь влупить в тебя шматину;
Позволь, дражайшая, чтобы в твою пизду,
Коль буду шастлив я, ввалил свою елду.
В надежде сей теперь тебя я оставляю
И с трепетом тебя я на хуй ожидаю.

(Отходит.)

Явление четвертое

Пиздокраса
(одна)

На то ль судьба меня с пиздой произвела,
Чтоб Ебихуду я ети ее дала
И плешь его в своей пизде чтоб закалила?
Я девство для тебя, о Мудорван, хранила,
Готовила пизду тебе я на елдак,
Надеяся найтить в твоей шматине смак;
С нетерпеливостью я воли ожидала,
Дни щастья своего минутами считала,
Как пальцем ты в моей махоне ковырял
И в ярости свой хуй мне в руку ты давал;
Мне мнится зреть еще, как я его держала
И как пизда моя с задору вся дрожала,
Мокрехонька она, заслюнившись, была,
И чуть было тогда я тут не насцала,
Но князь, приметивши в моей махоне влажность,
Урыльник подал мне, считая то за важность;
Чрез то политику свою он мне подал
И, что он знает жить на свете, показал.
А ныне все свое я щастье потеряла,
И нет уже в руках возлюбленного скала!

Явление пятое

Пиздокраса и Хуелюба.
Хуелюба

Какую скорбь, княжна, являет мне твой взор,
Иль чувствуешь в шенте жестокий ты задор,
Иль Ебихудов хуй тебе не полюбился,
Когда любовный огнь в тебе не утолился,
Иль в ебле он тебе еще явился слаб?

Пиздокраса

Хоть князь он по уму, но по хую он раб.
Печали моея причина есть сугуба;
Внимай ее, внимай, драгая Хуелюба!
Лишь только я легла со князем на кровать
И думала под ним задор свой утолять,
Уж ноги я ему просторно разложила
И в губы плешь его, послюнивши, вложила,
Готовилась ему проворно подъебать,
Но пакостный не мог хуишка его встать.
Я тщетно много раз дрочить его старалась
И тщетно я к мудам поближе подвигалась,
Казала я ему, раскрыв, свою пизду,
Но не могла ничем взманить его елду.
И видя, что под ним без пользы я лежала,
Я сбросила его с себя и убежала.
Вот горесть вся моя; представь же ты себе,
Когда б сия беда случилася тебе,
Могла ль бы ты ее снести великодушно?
Без добрыя битки век жить на свете скушно,
А я, лишась теперь драгого своего,
Лишилась вместе с ним и елдака его.
Любезный Мудорван в оковах пребывает,
А без него меня задор одолевает.
Когда б он был со мной, он огнь бы утолил
И вплоть бы по муде свой хуй в меня влупил.

Хуелюба

Достойно плачешь ты, достойно ты стенаешь,
По полюбовнике ты слезы проливаешь;
Он стоит, ах! сего, я знаю его плешь,
Мне хуй его знаком, он толст, велик и свеж,
Достойны суть муде его златого века,
И в ебле нет ему подобна человека.
Когда б ты под него попалася хоть раз,
Он раскорякой бы пустил тебя тотчас,
Пизденку бы твою, как шапку, он расправил
И раз пятнадцать бы он в ночь тебя ошмарил.
Заебин бы в тебе с ведро он наплевал
И ложе брачное все кровью измарал.
Тогда-то в ебле сласть подробно б ты узнала
И милому дружку со вкусом подъебала.

Пиздокраса

Почто любовь к нему ты тщишься умножать?
Почто елдак драгой теперь воспоминать?
Дай волю в храмине мне слезы лить спокойно;
Иду об милом в ней восплакать я достойно.

(Уходит.)

Действие второе

Явление первое

Мудорван
(один, в цепях)

Вот для ради чего елдак я свой дрочил,
Почто я хуй в княжну, о небо, не всучил?
Без ебли зрю себя в том доме, где родился,

Где Пиздокрасу еть в спокойствии я льстился.
А ты еще, битка, бесслабно все стоишь
И тщетною себя надеждою манишь.
Хоть Пиздокрасы я лишен уж невозвратно,
Воспоминание шенти ее приятно.
Дражайшая пизда, о милый секелёк!
Свирепый Ебихуд, почто ты столь жесток!
Не царствуешь ты здесь, а еблю переводишь,
Прежесточайших ты кастратов превосходишь;
Подобно лютый лев на сене как лежит
И оно брать на корм с свирепостью претит,
Так точно ты, лишив меня княжны любезной,
Не пользуешься сам пиздой сей бесполезной.
Но что я говорю! Ее прелестный зрак,
Я чаю, возбудил давно его елдак.
О мысль жестокая, ты чувств меня лишаешь,
Коль проебеную княжну мне представляешь.
Дражайшую пизду я для того ль хранил,
Чтоб Ебихуд в нее свой вялый ствол всадил?
И для того ль тогда пиздой я сей прельщался,
Не ебши чтоб ее, навек я с ней расстался?

Явление второе

Мудорван и Пиздокраса.
Пиздокраса*(вбежав)*

Еще ль любезного я вижу своего?

Мудорван

Тебя ли зрю, предмет задору моего?

Пиздокраса

Я страсть ебливую, но вредну мне и люту
Послышала в пизде в нещастную минуту.
Я тщилася к тебе всей силой на елдак,
Битки твоей меня пленил приятный зрак,
Но вымысел судьба ебливый предварила
И Ебихуду нас обоих покорила.
Однако же не мни, чтоб с ним я уеблась;
Пускай навеки я погибну в сей же час,
Когда надеждой я хоть малой ему льстила
И естьли хуй его в пизду к себе впустила.

Мудорван

Коль целка ты еще, так я спокоен стал;
Пускай недаром мой елдак всегда стоял,
Но, ах! уеть тебя надежды я лишаюсь
И тщетно я твоей махонею прельщаюсь.

Пиздокраса

Надежда есть еще, когда стоит елдак!
Пускай в отчаяньи смущается дурак,
А ты, коль еть меня по-прежнему желаешь,
Почто дражайшие минуты упускаешь?
Стоит ли твой рычаг, готов ли ты к сему?
А я тотчас тебе и ноги подниму.
Спеши и проебай, и вытащив хуй славной,
Тем докажи теперь, что ты ебешь исправно.

Ложатся друг на друга. В самое то время входит Ебихуд с воинами.

Явление третье

Ебихуд, Мудорван, Пиздокраса, воины.
Ебихуд

О небо, что я зрю! они ебутся здесь!

Пиздокраса
(вскочив)

Дражайший Мудорван, кто нам поможет днесь?

Ебихуд
(Мудорвану)

Погибни ты, злодей, когда ты столько дерзок!
Пускай навеки я княжне пребуду мерзок,
Но ебарю сему, конечно, отомщу,
А хуй в княжну всучить никак не допущу.

(Воинам.)

В темницу, воины, отсель его ведите
И Хуестану свой елдак дрочить велите;
Пусть примет казнь сию, пускай погибнет он
И на хую пускай последний спустит стон.

Мудорван

Я хуестанову шматину презираю
И на елдак его без ужасу взираю.
Я, может быть, и сам ему тем отплачу,
Как хуем в афедрон своим его хвачу.

Воины его уводят.

Явление четвертое

Ебихуд и Пиздокраса.
Пиздокраса
(стоя на коленях)

Великий государь, смягчи ты свою ярость
И к брату своему почувствуй ныне жалость;
Иль дружбы вашей днесь забвенны уж плоды?
Вы из единыя с ним вылезли пизды.
Прости его вину, или ты чтишь за важно,
Что сделал он в пизде моей немного влажно?
Он мог ли тем тебя столь много прогневить,
Что плешь в мою шентю хотел он завалить?
Ты сам проеть меня уж сил не ощущаешь,
Почто ж за еблю ты столь строго отмщеваешь?

Ебихуд

Тебя я проебу, а Мудорван умрет,
И зрит в последний раз уже он дневный свет.
Поди отселе вон и кликни Хуестана.

Пиздокраса уходит.

Явление пятое

Ебихуд*(один)*

Пусть будет и родство, и дружба мной попрана,
Я брата на хую умрети осудил
И ближнего родства я в нем не пощадил.
Вот до чего пизда теперь меня доводит,
И дружбу, и родство в забвение приводит,

Единой ярости своей внимаю я;
Пришла, о Мудорван, последня часть твоя,
Елдак уже вздрочен, готовь свою ты жопу…
Пусть варварством я сим и удивлю Европу,
Все скажут, что затем я брата умертвил,
Что мне княжну проеть не доставало сил.
Что нужды до того? Я в нем злодея вижу
И страшную его шматину ненавижу.
Он рано ль, поздно ли княжне сычуг прорвет,
А после и меня он, может, уебет.
Елдак его княжне всегда будет прелестен.
Но вот и Хуестан.

Явление шестое

Ебихуд и Хуестан.

Ебихуд

Уже ли ты известен
Об ебле?

Хуестан

Государь, известен я о всем.

Ебихуд

Что ж думаешь о сем нещастии моем?

Хуестан

Когда перед тобой виновен брат явился
И дерзостно уеть княжну он покусился,

Так смертью надлежит тебе его казнить,
А я готов в него свою шматину вбить.

Ебихуд

Ты знаешь, Хуестан, что мы одной с ним крови.

Хуестан

Когда дерзнул он стать против твоей любови,
Он изверг есть пизды и должен умереть,
И токмо прикажи, я брошусь его еть.
Задрищет он тотчас, как я в него попячу,
И высунет язык, как вплоть я запендрячу.

Ебихуд

Но как явлюся я пред светом в сей вине?
С младенчества всегда он друг считался мне,
Ебали вместе мы, доколе вместе жили,
До тех пор, покамест нас порознь разлучили.
Довольно уж и тем я зла ему нанес,
Что Пиздокрасу я из рук его увез.
И боги, знать, меня за это наказали,
Что слабость в мой елдак безвременно послали.

Хуестан

Не будь, о государь, в рассудке столько слаб!
Послушайся меня, хотя я твой и раб.
Что к проебению ты сил своих лишился,
То было от того, что брата ты страшился,
Но как скоро на смерть его ты осудишь,

То тотчас и в княжну битку свою всадишь.

Ебихуд

Всегда ты, Хуестан, мне верен быть являлся.
Всегда я на твои советы полагался,
Последую и в сем я слову твоему
И смерть определю я брату своему.

Уходят.

Действие третье

Явление первое

Ебихуд и Пиздокраса.
Пиздокраса

Что в том, что брата ты злой смертью поражаешь?
Ты оттого меня не лучше проебаешь.
По-прежнему твой хуй без действия висит,
Но Мудорванова на небо кровь гласит.
Сколь много подъебать тебе я ни старалась,
Но тою ж целкою с тобою я рассталась!

Ебихуд

Уети чтоб тебя, желаньем я горю
И заблуждение свое я ясно зрю,
Что Хуестанову последовал совету.
Но брату моему спасения уж нету.
А Хуестана я за злобу накажу
И на слоновый хуй живого посажу.
Но ты, дражайшая, возьми елдак мой в руку,

Авось-либо мою теперь окончишь муку.

Пиздокраса

Ты Хуестану казнь за злой совет сулишь,
Но брата своего ты тем не оживишь.
Он смерть уже вкусил, а я осталась целкой;
Трудись хоть целый день ты над моею щелкой —
Напрасно будет все, елдак я не вздрочу
И больше баловать его я не хочу.

Ебихуд

Что ж делать я начну, скажи, княжна драгая,
Когда не действует теперь моя уж свая?

Пиздокраса

Коль хочешь еть меня, так брата ты спаси.

Ебихуд

Забудь о нем, княжна, и больше не проси!
Старайся ты теперь взманить мою шматину,
Я еть хочу тебя на свете лишь едину;
А вестник как сюда во храмину войдет —
О смерти братниной известье принесет.

Вестник входит.

Явление второе

Те же и вестник.
Пиздокраса

Что вижу я, увы…

(Падает.)
Ебихуд

Ах, брата я лишился!

Вестник

Княжна, опомнися, подол твой залупился.

Пиздокраса
(встает, в отчаянъи)

Кого лишилась я и чей погиб елдак!
Дражайших муд его навек сокрылся зрак!
Любезный Мудорван, тебя я, ах! лишилась,
И тщетно на хую сидеть твоем я льстилась.
Сей варвар Ебихуд окончил жизнь твою,
Но тщетно будет он дрочить елду свою;
Я злости сей его вовеки не забуду
И хуй его отнюдь в руках держать не буду.
Не льстися тем, тиран, чтоб ты в мою пизду
Прокислую свою всандрячить мог елду.
Когда я чрез тебя с любезным разлучаюсь,
Своею пред тобой рукою я скончаюсь.
Смотри…

(Хочет заколоться.)
Вестник
(вырывая кинжал)

Постой, княжна, постой и не спеши,
Успеешь быть еще у чорта на плеши.
Внемли мои слова: твой Мудорван любезный
Живет и дрочит хуй; отри потоки слезны!

Пиздокраса

Не льстишь ли, ах! ты мне, елдой его маня?

Ебихуд

О небо, оживи сим щастием меня!
Вещай, о верный раб, скажи нам все подробно.

Вестник

Мне храбрость княжью всю изъяснить неудобно,
Скажу лишь только то: в темнице князь сидел,
Однако он на смерть без робости глядел,
Которую ему мы все приготовляли
И точно твой приказ жестокий исполняли.
Елдак уж Хуестан ужасный свой вздрочил
И к жопе княжеской близенько присучил;
Мы, князя наклоня, все в страхе пребывали
И Хуестановой шматине трепетали,
Как вдруг престрашный хуй князь вынул из штанов.
Мы хуя такова не зрели у слонов!
На воинов он с ним внезапно нападает
И в нос и в рыло их нещадно поражает.
Подобно как орел бессильных гонит птиц,
Иль в ясный день, когда мы бьем своих площиц,
Так точно воинов он разогнал отважно
И, хуй имея свой в руках, вещал нам важно:
«Хотя меня мой брат на казнь и осудил,
Но он неправедно в сем деле поступил;

А сделал он сие пронырством Хуестана.
Так должно наказать теперь сего тирана!»
Мы слушали его, не зная, что сказать,
Не смели мы ему от страху отвечать;
Один лишь Хуестан дерзнул пред ним яриться
И с князем дерзостно схватился он браниться,
Однако же рукой держался за штаны
И помощи себе просил у сатаны.
Тут вонью воздух весь в темнице наполнялся,
И знатно Хуестан от страха обдристался.
Но твой прехрабрый брат, презревши вонь сию
И приподняв рукой шматинищу свою,
Ударил ею в лоб злодея Хуестана
И на землю поверг елдой тирана.
Потом поднял его и на хуй посадил
И по муде в него елдак свой вколотил.
В говне хоть от него он весь и замарался,
Однако же наш князь сего не ужасался;
Держал он в нем елду престрашную свою
До тех пор, как он жизнь окончил на хую.
Вот что о князе я донесть теперь дерзаю
И мужество его достойно выхваляю.

Ебихуд

О день, щастливый день! но где ж теперь мой брат,
Скажи скорее мне.

Вестник

Теперь пошел он в сад,
Он тамо на пруде старается обмыться,
Ведь пакостно ему в говне пред вас явиться.

Явление последнее

Те же, Хуелюба и Мудорван.

Хуелюба

Княжна, се твой жених и цел его елдак.

Пиздокраса
(бросясъ к Мудорвану)

Воистину ль я зрю, возлюбленный, твой зрак?

Мудорван

Я жив, дражайшая, я жив и торжествую
И должен жизнью я сему большому хую.

Ебихуд
(к Мудорвану)

Когда уже то так, что ты остался жив,
Так будь, любезный брат, навеки ты щастлив;
Я Пиздокрасину шентю тебе вручаю
И еть ее ни в пост, ни в праздник не мешаю.
Лишь только ты в нее послюнивши клади
И толстою биткой пизды не повреди.
А обо мне прошу при первом помнить взводе.

Мудорван
(обнимая его)

Теперь, любезный брат, ты отдал долг природе!
А я елдой княжну потщуся пощадить,

Чтоб частой еблею ее не надсадить.

Пиздокраса

Любезный Мудорван, откинь ты страх сей вздорной!
Конечно, не ебал ты женщины задорной.
Во весь я хуй тебе позволю себя еть,
Для друга милого я рада все стерпеть.
Да я притом еще скажу тебе не ложно,
Что кашу маслом ввек испортить невозможно.

Конец драмы

Дурносов и Фарнос[*]

Трагедия в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дурносов, брат и наследник великого князя, любитель Миликрисы.

Долгомуд, бывший владетель княжеской столицы.

Миликриса, дочь Долгомуда и любительница Дурносова.

Фарнос, наперсник Долгомудов и жених Миликрисы.

Щелкопер, друг Фарносов.

Секелия, мамка Миликрисина, блядь и сводня.

Действие 1

Явление 1

Дурносов и Миликриса.

Дурносов

Княжна, ты ведаешь кручинушку мою?
Когда позволишь зреть махоню мне свою?
Когда прикажешь вбить любви предолгий знак?
Иль будет ввек тобой томиться мой елдак?

Миликриса

О, князь, престань, прошу являть ко мне амур.
Я знаю, что ты князь, не подлый балагур;
Ты знаешь подлинно, что я еще все целка
И что еще моя узка безмерно щелка.
И так возможно ль мне пребыть в твоей любви
И видеть, чтоб твой уд обмочен был в крови,
Как раком действуют, как веселят встоячку,
Как тешутся бочком, как порются влежачку.
Всего не знаю, князь, и столь я в том глупа,
Что вместо под попа ложилась напопа.
Битку с коклюшкою мне трудно распознать,
Хоть и склонна б была тебе, князь, подъебать,
Хоть вздумала бы я смяхчить твой штанной рог,
Но есть мне хочется — купи сперва пирог.

Дурносов

Когда ты мяхкой съешь, княжна, пирог иль сайку,
То со сто пернешь раз, как вколочу я свайку.
Узнав мою к тебе безмерную любовь,
Позволь, чтоб я пролил в шентю кипящу кровь
И насладил тебя любезныя отрады.
Не буду утомлять тебя я без помады,
Или когда тебе со мной противен блуд,
Хотя почувствуй, коль несносно страждет уд,
Любовной поражен он страстью, горемыка,
Желает лютого избегнуть хуерыка.

Миликриса

Я знаю, князь, твое мучение и страсть
И коль твои штаны упруга порет часть.
Давно бы я была пленна твоей любовью
И скоро б запеклась моя махоня кровью,
Но ужасом меня стращает твой талант,
Что отстегнул теперь широкой штанной бант.

(Сие говоря, указывает перстом на хуй)
Дурносов

Не ужасайся, ах! ты онаго героя,
Мы будем тешиться между собою стоя,
Лишь презри толщину с длиною естества
И что его красна и кругла голова.
Почувствовав собой, что то повсюду гладко,
Узнаешь, коль пребыть в союзе тесном сладко.
Ты будь пастушкою, я буду пастушком
И стану забавлять тебя своим рожком,
Чтоб ты довольна быть могла моей свирелью,
Старайся подпевать приятною мне трелью
И больше тщетного сомненья не имей,
Скажи, не думавши: забей, о князь! забей!

Миликриса

Что отказала я и не хочу дать слова
И что кажусь тебе несклонна и сурова,
То пять тому назад прошло уже недель,
Как клейстером свою замазала я щель,
Итак, хотя сильна твоя ко мне докука,
Да только мне терпеть несносна будет мука.

Дурносов

Я ворванью готов намазать плешь тот час
И в дехте обмочить муде мои сто раз —
Ты только лишь, моя дражайшая, склонися
И расщеперь свою…

Миликриса

Напрасно, князь, не льстися
И не старайся, ах, чтоб ты в мою красу
Претолстую свою запрятал колбасу:
Трепещу я от ней.

(Уходит.)
Дурносов

Увы, ахти мне, ах!

Явление 2

Дурносов
(один в горести и отчаянии)

Ужель от моего княжне таланта страх?
О, лютая судьба и грозная минута!
Почто, любезная, сурова ты и люта?
Когда бы я на то желанье устремлял,
Чтоб только о тебе без пользы воздыхал,
На тщетные б мои тогда взирая вздохи,
Нечестные одни *смеялися* бы плёхи!
Сердечным пламенем нещастной весь горю,
Устами я воплю, не жопой говорю:
Склонись, дражайшая, склонись в любовь и верность,
Почувствуй штанную мою к тебе усердность.
О, если б щастлив я одной тобою был,

С мудами бы в тебя ствол жалостный врубил.
Но мучусь всякий час, терзаюсь без отрады,
Иль пенжить бедному кобыл пришло с досады?
Любезная, увы, хоть тем меня утешь,
Позволь, чтоб закалил в тебе плачевну плешь;
Холодности во мне, верь, столько не достанет,
И для тебя елдак конечно всяк час встанет.
С биткою сердце все тебе я поручил,
А ты отдай шентю, чтоб я в нее всучил.

(Уходит.)

Явление 3

Миликриса и Секелия.
Миликриса

От корня толстого, упругого шурупа
Плешь грановитая воздвиглась выше пупа,
И по брюху уже распространился ствол,
Как я в своей шенте послышала задор,
Почувствовала вдруг любовь моя пещера,
И склонность сладкую к любви дала Венера.
Разжег уже мою, разжег махоню враг,
И приготовил уж Дурносов свой рычаг,
Но ах, какой злой рок тогда меня постигнет,
Как он свой долгой шест в меня поглубже вдвигнет?
Каким меня тогда ударом поразит,
Как скало он свое претолстое ввалит?
Со страху вся дрожит в махоне щекоталка,
Лишь только как его сурова вжалась палка,
Уж в робости своей упорна быть стыжусь,
Мне чудится в мечте, как будто въявь ложусь.
Его вдруг вобразив задор неутолимой
И купно твердый ствол отнюдь непреломимой,

Не смею для того в его предаться власть
И чувствовать боюсь неискушенну страсть.
А ты б как думала, прекрасная Секелия?

Секелия

О коль прекрасна плешь! муде, муде драгия!

Миликриса

Достоинства его чрез то не выхваляй
И склонности во мне к любви не умножай.
Он князь — я знаю то — и елдаком не скуден,
Хотя невзрачен он и всем мне станом чуден.

Секелия

Природа знает, что прилично дать кому,
Пускай пригожства нет, пусть глуп и по уму,
Однако так она таланты разделяет,
Как блядь рассудная, кого ссудить, то знает.
Князь важен елдаком, осанист и с мудей,
Которыми прельстил довольно уж блядей,
Довольно награжден сим даром от природы,
И на плеши счистить премноги можно взводы,
Притом зарубами роскошствует она,
Как будто многими приятностьми весна.

Миликриса

Весною дышит плешь, шентя мою — зимою,
Для оной сохнут все сады на ней без зною,
Которые сперва в прохладности цвели,
Как нагло воробьи летать в них не могли.

И ныне нет еще для хищников свободы
Там пустошить сады, как плодны огороды.
Столь страшен для меня Дурносова злой рог,
Сколь вдвое мой отец в таких случаях строг,
Вить знаешь ты сама…

Секелия

Суровость Долгомуда
Не строгость для любви, но пущая застуда:
Он дряхл и тешить сам не в силах молодых,
Затем не хочет зреть веселостей твоих,
Подобно как всегда и кладена скотина,
У коей фунта в три пускай висит шматина,
Взирая на других сходящихся скотов,
Не чувствует, чтоб в ней зажглась с задору кровь.
А ты, прекрасная в сих летах Миликриса,
В презрелой красоте спокойно веселися.

Миликриса

Опомнися, мой свет, что прегрешила ты,
И уважаючи мои все красоты,
Бесстыдно перед тем Дурносова почтила,
Который мне отец; иль то ты позабыла,
Что дерзкой похвалой любителя взнесла,
Что ты его муде и плешь превознесла?
Неужто и того родитель недостоин,
Чтоб ратовал в шенте так, как бы храбрый воин?

Секелия

В нем важность старости сияет, а не блуд,
Он силен разумом, сколь хитр у князя уд,
Чтоб правду доказать могла вам очевидно,

И если б вы могли на то зреть безобидно,
Желала б я весьма изведать на весах,
В его ли голове иль в княжеских мудах
Есть больше весу.

Миликриса

Ах, но кто сему поверит,
Тот разве, кто муде и разумы так мерит.

Секелия

Кто больше в свете жил, и знает больше тот,
Примеров много есть и не один довбт,
Различны случаи разумные приводят,
Как в кале золото щастливые находят,
Так точно и в мудах толк может быть и есть;
Когда в шентю любви знак втолкнут будет весь,
Другая будет вся, и разум применится;
Чем больше алчности к любви в тебе родится,
Тем выше возносить ты будешь чистоту,
Хоть чкалась бы всегда в кровавом ты поту,
Дабы чрез то порок свой скрыть передо всеми.

Миликриса

Не искушай меня, мой свет, словами теми,
Которыми даешь заразу в сердце мне.
Не думаю искать я золота в дерьме,
Коль хочешь князю быть любовницей ты милой,
Так будь… А я, увы! век стану весть унылой.

Секелия

Я рада бы была в его предаться власть,
И тут бы врезал он свою сурову часть,
Но малодушия сего я в нем не чаю,
Чтоб отсуленную тебе в меня вбил сваю.

Миликриса

Пристойно князю быть и щедрым и честным,
Коварно ты его вдруг делаешь скупым,
По щедрости его он столь великодушен,
Что всякого биткой довольствовать нескушен.

Секелия
Почто сумнилась ты быть склонною ему?
Миликриса

Противник может быть желанью моему
Отец, который в том…

Секелия

Во всем будь безопасна,
Столь плешь Дурносова велика и ужасна,
Что будет Долгомуд со страху трепетать
И тщиться сам, чтоб вам в любви не помешать.

Миликриса

Возможно ль устрашить велика Долгомуда:
Он робостью не тлел и от слонова уда.

Секелия

Уверит Дурносов, что плешь его хитра,
Что всякая от ней должна блюстись дыра,
И что он завсегда…

Миликриса

Я в том не сумневаюсь,
Но больше на тебя я в оном полагаюсь.

(Уходит.)
Секелия

Имей надежду ты…

Явление 4

Секелия
(одна)

Хоть я тебе раба,
Но в случае таком и я дырой слаба,
Дурносова меня страшит великий уд;
Не знаю, можешь ли, княжна, снести сей блуд.
Хоть ты Дурносовым пленна любовным знаком,
Но он с задору как тебя поставит раком,
Сразит тебя, сразит великой толщиной,
Уж не пособит тут тебе родитель твой.

Явление 5

Долгомуд, Фарнос и Секелия.
Фарнос

Почто смутилась вдруг, или внезапным входом,
Иль мысли я твои потряс так, как заходом,
Иль видом я тебя геройским устрашил,
Или вонючими словами осмердил?

Секелия

Смущенья моего другая есть причина,
В котору привела мя страшная судьбина,
Что толстый знак страшит Дурносовой любви.

Фарнос

Яснея мне о том немедля объяви.

Секелия

Недавно знаком тем он гордо возносился
И без стыда биткой тщеславясь похвалился,
Что Миликриса той давно уже пленна,
Хотя им никогда не тронута она.
В то время как хвалить талант он свой старался,
Бант у штанов его внезапно оторвался —
Велик и страшен вдруг всем виден стал урод,
Зардевшися в лице и свой разинув рот,
Свирепый обратил к прелестным взор девицам,
Прилежно стал мигать он, ах, завистным лицам
И знаки тем во всех смущенные вперил.
Дурносов тут свою кручинушку открыл:
Он дерзко говорил: «Позволь зреть, Миликриса,
В шерсти ли у тебя махоня или лыса».

Фарнос

Какой удар даешь противной вестью сей,
Что хочет у меня похитить сей злодей,
Противник, коего карать комар восстанет,
Иль разве мой елдак совсем уже увянет,
Тогда я попущу ему ругаться мной
И отымать мои утехи и покой.
Отмщу ему, отмщу, и месть не отлагаю,
Я злобный дух его немедленно скончаю,
За честь свою и дочь мстить будет и отец,
Ступай и поражай предерзкого вконец.

Долгомуд

На верность я твою и храбрость полагаюсь,
Отмщай, на то и я охотно соглашаюсь,
Но мало удержи геройский подвиг твой,
Чтоб толстой он тебя не повредил биткой,
Разумные не вдруг дают себя в отвагу,
Чтоб иногда самим не упустить в корчагу.

Фарнос

Коль скоро мстить врагу меня то нудит зло,
Чтоб простираться то далеко не могло,
Но если оного кто корень истребляет,
Тот весь приход его, конечно, скончевает.

Долгомуд

Что корень уменьшить нельзя врага сего,
То явствует длина и толщина его.
Представь же ты, Фарнос, в своей премудрой мысли,
Когда б мои муде, что на аршин отвисли,
Короче, как твой нос, кто сделать похотел,
Великий бы ущерб я от того имел.

Когда и у дерев верхи кто подчищает,
То в толщину расти чрез то им помогает,
Подобно если верх от корня отрубить,
Излишней толстотой ствол может наградить.

Фарнос

Смотри, сколь он в таком рассудке остр глубоком
И сколь далеко зрит своим прозрачным оком,
Что толстоту ствола Дурносова проник,
Знать, мстить за честь свою ему не приобык,
Отважусь я один…

Секелия
(удерживает Фарноса)

Смягчись, Фарнос дражайший!

Долгомуд

Препятствуют мне вслед идти муде тягчайши,
Я рад бы купно с ним за дочь свою отмстить,
Да только у меня и так дыра болит.
Отмщение в его я оставляю воле,
Пусть мстит, коли его дыра моей поболе.

(Уходит.)

Явление 6

Щелкопер и Фарнос.
Фарнос

Участник ты во всех делах моих, мой друг,
Взирай на яростный ты сквозь литонью дух,
И се тебе открыт гусак, сычуг и печень;
Я только для тебя всегда простосердечен.
По внутренним моим узнаешь ты частям
И не по ложным сам уверишься словам,
Колико раздражен и сердцем каменею,
Чтоб в сей час казнь воздать достойную злодею,
Который мой покой дерзнул поколебать,
Которую люблю на свой салтык склонять,
Дурносову тому я говорю за рану,
Котору сделал мне, всей силой мстити стану,
Лишь только оного злодея истреблю,
Сколь Миликрису я прекрасную люблю,
Тем тот час докажу, всем знать дам без разбору,
Что столько ж есть во мне, как в нем пехать задору.

Щелкопер

Хотя противника велит карать закон,
Хотя и жалости в том недостоин он,
Что разлучать тебя с любезною дерзает,
С той, от кого твое в штанах все сердце тает,
Не можешь ли его горячность испытать
И мысли тайные все точно распознать,
Что если пред тобой с презрением гордится,
То будешь ли за то по правде ты сердиться?
Насильно милу быть нельзя, ты знаешь сам,
Где нету милости, приятности нет там.

Фарнос

Она приятна мне, не меньше я ей мил,
Хоть дела не было, хоть скала не всадил:
По минам усмотреть ее то мог прелестным,
По обхождениям и случаям известным,

Какой пылает жар в драгой ея щели,
Желала б, чтоб шентю чесали кобели,
А я поступками, геройством и дородством
Не мог воспламенить огня и благородством,
Соперник скалом мнит в ней жар произвести,
А пламень воспалить горячестью в шерсти.
Я ону возвратить хочу с ея красой
И нежной напоить венериной росой.

Щелкопер

От влаги нежный цвет нередко увядает,
От влаги и шентя обыклу сласть теряет.
Цвет нежный с солнечным сиянием блистает,
От солнечных лучей красу всю занимает.

Фарнос

От собственных доброт краса ея и честь
Умножится и ввек в веселье будет цвесть,
Кого своими я великими дарами
Возвышу и сравню с пресветлыми лучами,
Лишь только бы судьба не делала препон.
Я щастью своему восставлю сей урон.

Щелкопер

Сколь шастия в любви велик есть недостаток,
Столь будешь ты потом к ея отраде сладок,
Как склонность объявит тебе в том Долгомуд,
К чему издавна ты употребляешь труд.
Старайся, чтоб он был твоим усердным другом
И не был чтоб к тебе в намереньи упругом.

(Отходит.)

Явление 7

Фарнос

Я дружеский совет потщуся сохранить,
Чтоб Долгомудовым наперсником мне быть.
Он в старости своей почтёт меня за сына,
И милосердая ко мне любви богиня
Со временем его мне дочь препоручит,
Со временем любовь мою к ней совершит.
О! если б я его мог облегчити древность
Или прогнать печаль; а я есть перва ревность —
Довольно молено мне в нем милость преобресть,
По крайней мере б он скорее был мой тесть.
Чрез мой поступок бы и честность благонравну
Вперил бы о себе в него надежду явну.
Достойным бы себя я показал того,
Чтоб нонче чтил меня за зятя своего.
Но напротив того проклятого злодея,
Который, честности отнюдь не разумея,
Препятствовать моим желаниям дерзнул,
Хотя в красавицу ни разу не воткнул.
Пред всем бы обругал и обесславил светом
И сделал бы всех злых живым его портретом:
Пусть зависть бы тогда преподлая его
Старалась верх отнять блаженства моего,
Когда бы я его за тварь вменил негодну
И предпочел бы честь свою пред ним природну,
Своим бы счастием драгая веселясь,
В весельи бы тогда сказала мне тотчас:
О, сколь щастлива я супругом толь достойным,
При коем сладким сном и житием спокойным
Вовеки я себя увеселять должна.
На то одно она, на то и ролсдена,

Чтобы иметь таких супругов благородных,
А не таких, каков Дурносов есть подобных,
Которому всю честь любовный знак дает.
Пусть с толстым елдаком злодей сей пропадет!
Пока свет солнечный сиять на небе станет,
Пускай любви его толика знак истает.
Спешу исполнить то.

Явление 8

Щелкопер, Долгомуд и Фарнос.

Щелкопер

Веди к концу твой труд.
Удастся то тебе скорей, во что кладут.

Фарнос

Избранна голова, почтенна сединою
И изукрашена муд ветхих долготою,
Толкающий в штанах обширный блеклый гуж,
Начальник дряхлости, нежно-желанный муж,
Почтенный Долгомуд, твою я видя склонность,
И жалобы творю на мерзку вероломность
Той редкой красоты, которой ты отец:
Она, мне слово дав, солгала наконец.

Долгомуд
(удивленно)

Не странно ли сие необычайно дело,
Чтоб дочь моя на то отважилась так смело,
Забывши над собой родительскую власть,
Так смела ль бы она в такой проступок впасть,

Без воли отческой давать другому слово?

Щелкопер

О, если б было в сем согласие отцово!

Фарнос

При важности хранит и строгий он устав;
Я вызнал в нем давно благочестивый нрав.

Долгомуд

Родительская власть уставы превышает,
Когда законно кто детей своих рождает,
Обязан строгим их законом управлять —
Кто жизнь дал детям, тот их должен воспитать.

Щелкопер

Я часто жизнь даю, но сам не воспитаю:
Два дела делать вдруг как льзя, не понимаю.
Один имею член, одни и руки я,
В одну сунь — у другой готова щель своя.

Фарнос

О, коль несчастлив я, что тем не награжден,
Чем можно дать живот, чтоб мог быть <кто> рожден.

Долгомуд

И дети иногда приносят нам печаль,
Мы сердцем чувствуем об них всегдашний жаль,
Различны к счастью их изыскиваем средства,
Мы должны отвращать от них жестоки бедства,
Их нравы исправлять, предписывать предел
Началу и концу с срединой всех их дел,
Которого б они отнюдь не преступали.
Дочь собственной моей примером есть печали,
Толь дерзновенно власть родительску презрев
И чаемый его в ничто поставив гнев.

Фарнос

Сколь много я ее люблю и почитаю,
Довольно из моих узнал ты слов, я чаю,
Которые тебе недавно говорил;
Когда за верность ты мою благодарил,
Тогда я мстить готов презлому супостату
За то, что причинил нам общей чести трату.
Не Секелия ли живот ее спасла,
Как дочь твоя к его любви склонна была,
Противна сделалась отцовскому тем праву
И своевольному тем следовала нраву?
Однако для твоей усердности ко мне
Прощаю в дерзостной я дочь твою вине.

Щелкопер

Он ревностью давно пылает к ней безмерной.
Горячности его свидетель буду верной,
Я пред тобою быть стыжуся, лицемер!
Как явный видел ты и сам уже пример,
С каким стать подвигом желал врага противу,
Чтоб тем открыть любовь и страсть свою ревниву.

Фарнос

Мне справедливость в том повелевает так,
Когда пред всеми тот превозносился враг.

Долгомуд

Величина красу не составляет в теле,
Искусством произвесть приятность можно в деле.
Я смолоду и сам бывал на всё ходок,
Хотя худой во мне под старость стал порок.
Как в юных летах цвет пред всеми стал быть славен,
Что не был мне никто в делах ебливых равен.
Я пальму изо всех один в том заслужил,
Что раз по тридцати за сутки плешь калил.
А ныне уж сего я дара не имею,
Не больше трех раз в ночь довольствуя, потею.

Фарнос

По немощи своей о прочих рассуждай.
Я смею ль дочери твоей промолвить: дай?

Долгомуд

Она еще мала, узка ее и щелка.
Любиться в нежности — вить это не безделка;
Не возбранял бы я в любви ей пребывать,
Когда б опасности не должно было ждать:
Распорется ее щель бедная до пупа
И будет широтой не уже, как и ступа,
Тогда в нее ломи не только елдаком,
Но можно без труда толкать большим пестом.

Фарнос

Чтоб сладость снизу влить до сердца, сам постражду
И произвесть потщусь в ее махоне жажду.
Без пользы проводя цветущие лета,
Девица весь свой век пребудет сирота;
Лишившись всех другов, не будет знать отрады,
Пристойной в младости любовныя надсады,
Которых в старости не чувствует никто,
Хотя бы елдаков в шентю ввалилось сто.
Пусть, впрочем, говорят, кто молодым жил в горе,
Да в старость сладку жизнь он преобрящет вскоре,—
Противна правилу сему одна любовь,
В которой сладкая пока играет кровь,
При старости ж всегда бывает неприятна.

Долгомуд

Противна речь твоя, хотя мне и понятна.
Могу ль без жалости кому отдать я дочь?

Фарнос

В замужстве первая бьызает тяжка ночь,
Котора в совести всех девушек терзает.
За лутчее всегда разумный почитает,
Не изнуряя свой терпеньем долгим дух,
И неизбежно зло окончить делом вдруг.
Когда б заране дочь мне ваша полюбилась,
С любезным бы своим без робости склешнилась,
Спокойна б в совести своей всегда была,
Хотя б и тысяче потом другим дала.

Долгомуд

Когда законным с ней совокупишься браком,
Хотя в лежачку тешь, хотя поставя раком.
Что ж без закону мнишь в шанте пролить ты кровь,
То больше о пустом терять не должно слов.

Щелкопер

Рассудок справедлив и похвалы достойной.
Исчезла срамота забавы непристойной!

Фарнос

Премудрый Долгомуд, могу ль я быть твой зять,
Достоин ли твою я дочь в замужство взять?
О, щедры небеса, доколе, ах! страдать,
Доколе красотой мне той не обладать,
Котора на меня оковы наложила,
Которая мой дух и сердце сокрушила?
Услышьте жалкое стенание и глас,
Кой простираю к вам, несчастный я, в сей час.

Долгомуд

Оставь стенания, не проливай слез реки,
Несчастью многие подвластны человеки,
А ты желанное получишь от меня
То счастье, что тебя на дочери женя.
Не мешкавши о том я предложу невесте,
Пусть пойдет Щелкопер, твой друг, со мною вместе.

Отходят.

Явление 9

Фарнос
(один)

О, предвещанный мне желаемый успех,
Всхожу тобою я на самый верх утех,
Мне добрый Долгомуд дверь к счастью отворяет,
На мой салтык он дочь свою в любовь склоняет
И нудит строго ей со мною в брак вступить,
А я потщусь в нее любовну страсть влупить,
Которой лестная надежда мя питает,
Увы, сколь много мысль меня та устрашает:
Что, если Дурносов елдак свой обмочил,
Который все мои веселья помрачил.
О, храбрый Долгомуд, спеши скорей, спеши
Врага предупредить и ярость утиши,
Котора в елдаке его неутолима
И что есть дочери твоей весьма любима.
О, как я елдака Дурносова страшусь,
Конечно, им красы драгой своей лишусь.
На что я больше жду и казнь не совершаю
И злобному врагу ругаться попутаю?
Иду и казнь воздам достойную врагу!
Ах, если от него сычуг не сберегу!
Постой, исполню то, что прежде предприял,
Чтоб более елдак Дурносова не встал.

Действие 2

Явление 1

Долгомуд, Миликриса и Щелкопер.
Долгомуд

Готовься радостный исполнить вскоре брак,
Жених твой ждет тебя, готовься на елдак.

Днесь к щастию тебе дверь мною отворенна,
Моим ты промыслом вдруг сделалась блаженна,
Достойного тебе супруга я избрал,
У коего давно елдак, надеюсь, встал.

Миликриса

Любезный мой отец, я брак не презираю,
Но к шастью приступить такому не дерзаю.
Незрелость лет моих, незрелость и ума
Желаниям моим противятся весьма.
Исполнить бы твою не отреклась я волю
И всяку б приняла непрекословно долю,
Но страх нещастную удерживает тот,
Что узок у шенти моей безмерно вход.
Я лутче смерть принять безвременно готова,
Как муку оттого терпеть тирана злова.
Кто б ни был, что тобой мне обречен супруг,
Которой елдаком прохватит мой сычуг,
Всю внутренность мою пронзит своим кинжалом,
Чтоб было лехче мне, хотя бы смазал салом,
Но щастие мое злым роком не верши,
Чтоб горестную жизнь скончать мне на плеши.

Долгомуд

Ты смеешь ли моей не покоряться власти?
Судьба велела так, ты суждена сей части
Достойна быть.

Миликриса

Но кто мой суженой жених,
Не крови ль княжеской иль из дворян простых?

Долгомуд

Из слов твоих совсем другое заключаю:
Ты сердце отдала Дурносову, я чаю.
Но тщетною себя надеждою не льсти
И сердцем ты об нем напрасно не грусти.
Которой тебя чтит и любит пребезмерно,
Пред всеми содержать в любви будет отменно.
Фарнос, кой предками своими знаменит,
Героев красота, другов надежда, щит,
Недавно на врага восстал нам в оборону,
За нашу честь хотел ему мстить по закону,
Что обругал твою публично красоту
И опорочил въявь невинну чистоту.
Свидетель есть тому правдива Секелия,
Когда рекла тебе «муде, муде драгия».
Но напротив того излишно изъяснять
Достоинствы того, кто наречен мне зять.

(Указывая на Щелкопера.)

Вот друг его и мой, он наши знает нравы,
Все добродетели и превосходство славы.

Щелкопер

Он храбр и целомудр и в совести правдив,
В любви тверд и во всем бывает справедлив,
Хотя бы полюбил свинью он или суку,
Весьма нетерпелив и с теми на разлуку.
Тебе, дражайшая, ввек верен будет он,
Хотя бы тысячу имел в любви препон.

Миликриса

Пусть верен, целомудр, да мне он не угоден.
Пусть храбр, правдив и тверд в любви и благороден,
Но не хочу я быть невольницею в том,
Чтоб скаредный Фарнос моим был женихом.

Щелкопер

В любви его к тебе не может быть препятством,
Хотя откажешь ты, но он своим приятством,
Которым твоему усердствует отцу,
Все дело приведет к щастливому концу.

Миликриса

Непринужденный брак союзы составляет,
Невольная же их женитьба разрушает.
Разрушится потом с Фарносом мой совет,
Когда меня отец насильно сопряжет:
Неволи больше есть всегда своя охота.

Щелкопер*(к Долгомуду)*

Напрасная твоя о дочери забота,
Она не думает Фарноса полюбить,
Которой хочет ввек в союзе с ней пребыть
Иль в горести страдать…

Долгомуд

На то я не взираю,
Намеренье мое немедля окончаю.

Щелкопер

Скорее соверши все дело как обык,
Дабы не сделался у зятя хуерык.

Долгомуд

Пожалуй, не смышляй о браке ты нимало.
Когда положено хорошее начало,
Мы должны ожидать хорошего конца,
Чтоб тем совокупить любовию сердца.

Явление 2

Щелкопер и Миликриса.
Щелкопер

Почто Фарносову любовь так презираешь?
Или его ты блуд в ничто себе вменяешь?
Что в голову тебе пришла за чепуха,
Что ты к Фарносу вдруг столь сделалась лиха?

Миликриса

Ничем я не могу в его любовь склониться.

Щелкопер

Дурносов чем тебе мог столько полюбиться,
Что ты его в любви столь много предпочла?
Конечно, в елдаке его ты смак нашла.

Миликриса

Мне подозрение такое не ужасно,
Ты поносить меня стараешься напрасно,
Или ты думаешь тем в робость мя привесть,
Что будто Дурносов похитил мою честь?
Обманываешься ты в оном своем мненье,
Я твердо себя зрю в любовном быть терпенье.
А к злу не может мя никто дотоль склонить,
Пока не судит в брак судбина мне вступить.
Да только не Фарнос иметь то шастье станет.

Щелкопер

Но ежели тебя надежда в том обманет
И твой сычуг отец Фарносу поручит?
Когда вить он в тебя без жалости всучит,
Тут како будешь ты ему сопротивляться?

Миликриса

Того я не страшусь, нельзя тому и статься.
Я прежде нежели с Фарносом в брак вступлю
Желанья своего успех употреблю
И кончу свой живот я в случае жестоком,
Притчиной смерти сей Фарнос мне будет роком,
Когда кинжалом я…

Щелкопер

Почто столь мысли злые
Вливаешь в разум свой, иль зависти прямые?
Престань воображать, как в прах перемениться,
Дай прежде младости любовью насладиться,
Иль лучше на битке, ты мыслишь, умереть,
А нежели себя женой Фарносу зреть,
Котору ждет свершить мой друг драгой Фарнос

И в нетерпении…

Миликриса

Великой его нос.

Щелкопер

Мужскою красотой столь женщины не льстятся,
Как толко что биткой хорошей веселятся.
Фарносов хоть талант не так добре велик,
Однако тешить он помного приобвык.

Миликриса

Не тщися зреть меня к Фарносу быти склонной,
А как сказала я, так буду век упорной.

Щелкопер

Что делать стану я? Не внемлет мой совет.
Пойду теперь сказать Фарносу сей ответ.

(Уходит.)

Явление 3

Миликриса
(одна)

О князь, дражайший князь! приходит мой конец.
Фарнос старается, чтоб врезать в мой рубец,

Навек лишить тебя сердечныя забавы
И радость уменьшить большой твоей булавы,
Которую в меня готовишь, попирать.
В мечте то зрю, что я тебе согласна дать,
Но толко я боюсь, как силно ты попрешь,
До пупа узкую ты щелку разорвешь,
Когда я под тобой…

Явление 4

Миликриса и Секелия.

Секелия

Великой Долгомуд
По старости своей немал имеет труд,
Изыскивать спешит с Фарносом к свадьбе средство.

Миликриса

Колико на себя зрю воруженно бедство!
Почто я ныне в свет нещастна рождена!
Почто толь елдаком драгим побеждена!
Почто, о злой Фарнос! ты мною столь пленился,
А ты, родитель мой, почто так осердился,
Что бедной мне велишь с немилым в брак вступить,
А милому претишь любовну страсть вручить,
Котора толко той усердностью пылает,
Чтоб жажду утолить иль умереть желает.
Приятну его речь я помню и теперь,
Как он в любви сказал: «Драгая, расщеперь
Любовной чемодан и дай вложить булаву».
Я зрела тут его в готовности приправу.
О, если б не боязнь тогда во мне была,
Я б в тот же час ему с приятностью дала.

На то ли склонности она в том ревновала
И ту любовь свершить драгую помешала?

Секелия

Отбей, княжна, сие смущенье от себя
И жди приятных дней, когда вобьет в тебя;
Уж ты и так весьма с печали похудела,
Как будто на битке слоновой посидела,
Престань воображать, что князь тебе твердил,
Брегись, чтобы Фарнос злой прежде не вперил
В красу твою свою нечувственную палку,
Которой распалит лишь только щекоталку,
Испортит дело все, не сделает добра,
Раздразнит только лишь сердитого бобра;
А князя он чрез то в несносну вверзит муку,
Он будет принужден с задору чванить суку;
Ты можешь ли на то без жалости воззреть,
Когда твой князь к тому…

Миликриса

Ах, как мне то стерпеть,
Чего и ждать под тем, кто очень мне противен?

Секелия

Куда как ваш союз с Дурносовым мне дивен,
Что ты его биткой ужасно как пленна.

Миликриса

В шенте и в елдаке любовна страсть родна,
Когда бы ты сама в кого сильно влюбилась,

Скорей моей шенти твоя бы расщепилась.

Секелия

Хоть тысячу бы раз я кем пленна была,
Однако б я и тут…

Миликриса

Така любовь мала.
Кто ежели любовь всю в тонкость распознает,
То ярости тот час в махоне зажигает,
Всечасно будет мысль в шенте тревожить кровь
И нудить усладить кипящую любовь.
Равно так я теперь нещастная девочка,
Презренная отцом, как без сивухи бочка,
Котору мой отец безмерно ненавидит,
Когда ни капельки вина в ней не увидит;
Все обручи велит с нее посколотить,
А после и совсем в огонь велит свалить.
Вдруг яростью свои наполнит быстры очи,
Гуж на гузне тот час подвяжет покороче,
Пойдет искать вина где б допьяна напиться,
А как найдет, то рад в вине хоть утопиться.
На что теперь о нем мне больше рассуждать?
Секелия, мой свет, потщись совет мне дать,
Иль ты меня совсем оставить предприняла,
Иль презрила во мне Дурносова быть скала?

Секелия

Нет, я тебе верна.

Миликриса

Но что же мне прзикажешь?

Секелия

Щастливей будешь ты, когда отцу расскажешь,
Желанье в чем твое теперя состоит.

Миликриса

Да он мне о любви и думать не велит.

Секелия

Рабынь наказывать без жалости довлеет,
А к чадам всяк отец сердечну скорбь имеет,
Равно и Долгомуд, хоть строг его приказ,
Но как он из твоих увидит слезы глаз,
В нем жаркой гнев тогда мгновенно охладеет.

Миликриса

Он сожаления такого не имеет.

Секелия

Когда ты перед ним в тоске начнешь рыдать,
Конечно, может он тебе отраду дать,
Ты только лишь смочи его штаны слезами
И крепко ухвати муде его руками,
Проси, чтоб милость он отцовску показал
И чтоб Фарносу он в женитьбе отказал.

Миликриса

Я в сердце твой совет потщуся содержать,
Иду перед отцом в злой горести рыдать.

(Уходит.)
Секелия
(одна)

Любовна страсть когда возмет над сердцем власть,
Тогда рассудка нет, хоть предстоит напасть.
Одна утеха та в плененну мысль приходит,
Когда она в любви утехи не находит.
Но мысли суетны не думают так быть,
Что может рок в напасть утехи обратить;
Хоть строго бедствие любви предупреждает,
Но больше тем в сердцах жар сильный умножает,
Когда безмерны огнь всю внутренность зажжет,
Тогда почтенье, долг и жизнь пренебрежет,
Но в ком отважится, лишь только б быть любови,
Хоть трудно первый раз, хоть много выдет крови,
Но страхом тем любовь не можно уменьшить,
И тем горящи огнь не можно утушить.
Вот коль любовна страсть бывает нам видна,
Пленять она сердца имеет власть одна.
Равно теперь княжна сей лютости подвластна,
Что сильным елдаком Дурносовым столь страстна.

Явление 5

Дурносов, Миликриса и Секелия.
Дурносов
(входя к Секелии)

Оставь нас здесь одних, Секелия, покуль,
А чтоб кто не вошел сюда, покарауль.

Секелия отходит.

Явление 6

Дурносов и Миликриса.

Миликриса

Хоть склонностью влекусь к твоим мудам всех боле,
Но как ослушной быть могу отцовской воле?
Как можно преступить родительский приказ,
Когда им долг велит иметь послушных нас?
Я лутче век хочу не быть никем ебима.
Дочь Долгомудова как он неколебима.

Дурносов

Какую язву сим упорством мне даешь!
Какими вредными муде клещами жмешь,
Какие кандалы ты на хуй мне взложила!
Ты мысли все мои к себе приворожила,
Я мучусь яростью, терзаюсь, скорбь несу.
В мудах послышав боль, без пользы хуй трясу,
В мечте на щель твою прекрасную взираю
И будто как в тебя, в кулак свой попираю,
Любовное млеко ручьем всяк час течет,
А ярости и тем во мне не пресечет.

Миликриса

Ты живо страсть свою, мой князь, изображаешь
И всю суровость тем мою уничтожаешь,
Но как подумать льзя, чтоб я тебе сдалась,

Когда еще ни с кем я сроду не еблась?

Дурносов

Коль не гнушаешься моею штанной частью,
Коль тлеет и твоя махоня тою ж сластью,
Не трать, дражайшая, свои цветущи дни,
Воззри на все места — мы здесь теперь одни
Отважься ты со мной сойтиться тайным браком,
Я стать перед тобой готов теперь хоть раком.

(Становится на карачки.)

Взгляни на скорбь мою, взгляни на мой задор:
До коих будет мне терпеть, до коих пор?
Смяхчи суровость ты, моя вся печень рвется?
Позволь хоть разик ткнуть в руке — тотчас зайдется,
Иль мыслишь, что в тебя попру, тебе невмочь?

Миликриса

Я мышлю то, что я, ах! Долгомуду дочь.

Дурносов

О ты, жестокая, забыла ль, что с Фарносом
Долбиться будет щель твоя не хуем — носом?

Явление 7

Те же и Фарнос.
Фарнос

Нет доли здесь твоей, утри-ка свой ты ус,
Не твой уж ето стал, не твой теперя кус.
Хоть мнишь ее ты еть, да поеби-ка крысу;
Меня отец нарек почати Миликрису,
Тебе участья нет меж ног в ея гнезде.

Дурносов

Но деве сей пришел елдак мой по пизде.

Фарнос

Карандыш, пес, урод, дурацкою биткою
Прельщаешь дев, а нас лишаешь тем покою
И уверяешь, что большой приятней ствол,
В нем больше сладости находит женский пол.
Враль скаредный!..

Дурносов

Постой, не разевай ты глотки
И не вини, коль глуп, ни девки, ни молодки:
Ебливый пол обык в утехах пребывать,
Им был бы хуй хорош, а на нос наплевать.
Но ты не мни, чтоб цел с битки моей свернулся,
Иль чтоб мой хуй в твоем заду не окунулся,
Управлюсь я с тобой, забудешь мне грозить,
Кинжал мой вот готов,

(указывает себе на хуй)

мне кой в тебя вонзить.

Фарнос

Ты устремляешься лишить меня ввек духу,
Не сроблю от тебя.

(Отстегивает свои штаны и вынимает хуй.)
Дурносов
(также вынимает из штанов свой хуй и бросается на Фарноса)

Я заебу, как муху.

Миликриса
(подняв подол, бросается меж ими)

В ком более из вас ко мне любови есть
И коему моя всего нужнее честь,
Коль к ебле вас могла шентя моя склонити,

(Фарносу)

Изволь хоть ты,

(Дурносову)

хоть ты елдак свой закалити.

Фарнос*(застегивая штаны)*

О, шорстка, губки, щель, о ты, прелестный вид,
В чужих руках мой нос сие приятство зрит!

Дурносов
(кладя хуй в штаны)

Я для-ради тебя не мщу сему злодею,
Предерзкому простить нельзя вину халдею,
И прежде между нас не может быть приязнь,
Доколь не примет сей злодей ебливу казнь.

Фарнос

Ты еблей мне грозишь!..

Миликриса
(Фарносу)

Коль рок тя выгоняет,
Поди отсель, Фарнос, уж от тебя воняет.

Фарнос

Где я ни буду жить, доколь во мне дух есть,
Я, глядя на портрет твой, буду век хуй тресть.

(К Дурносову.)

А ты, о хищник мой, тебе я к мотовилу,
Во что б ни стало мне, приработаю килу.

(Отходит.)
Дурносов
(бросается к Фарносу)

Еще ты стал дышать!..

Миликриса
(удерживая Дурносова)

Смяхчись, мой князь, смяхчись,
Злодея ты изгнал и больше не ярись.

Явление 8

Дурносов и Миликриса.

Дурносов

Достоин ли принять я от тебя ту мзду,
Чтоб лавр мой весь теперь впихнул в твою пизду?
Сугубея моя тем слава разнесется,
Когда моей биткой шентя твоя прорвется.
Ты в етом отказать не можешь мне теперь,
Победой отворил себе я ету дверь.
Ты зрела то сама: лишь бант мой отворился,
Противник задрожал и тотчас покорился.
Но крепость лишь твою нет сил атаковать,
Престань о толстоте, престань ты толковать,
Почувствуй ты мою с задору злую муку,
Позволь хоть под подол к тебе мне сунуть руку.

Миликриса

Не будь скор, князь, и тщись желанья умерять,
И дай хоть пальцом мне

(указывая себе меж ног)

сперва поковырять.
Потом я под подол пущу гулять поволно,
Не думая тогда, что мне уж будет болно.

Дурносов

Веселие мое на муку премени,
Какую сласть отнять ты хочешь у меня:
Во всей подсолнечной до целок все охочи,
Нет в свете ничего приятней первой ночи.

Миликриса*(тихо)*

Что буду делать я: не внемлет ничего.

(Дурносову.)

Не презирай, ах, князь, прошенья моего,
Хоть три часа мне дай еще на размышленье,
Чтобы без боли то мне сделалось мученье,
Суровость всю свою тогда я укрочу.
Прости теперь, мой князь, я очень сцать хочу.

Дурносов

Я больше удержать драгую не дерзаю,
Пойду и я на час в заходе побываю.

(Отходит.)

Действие 3

Явление 1

Долгомуд
(один)

Наполнена шентя премножеством плотиц,
Но что есть тайный уд, рассмотрим, у девиц,

Войдем в подробность ту, увидим тотчас тамо,
Что есть оно и как, рассмотрим ето прямо.
Член етот, так сказать, член сладости плода,
Что общим правилом наречена пизда,
Ни что иное есть, как некая пещера,
Которой чистоту сама блюдет Венера;
Иль, инако сказать, такой она сосуд,
Устроен чтоб туда вмещался мужеск уд.
Не долго же лишь он в том месте пребывает:
Когда вмещается, тогда и выступает.
Вот како я сию толкую мудру речь,
Что девушка должна как глаза то беречь,
Что для мущины сласть велику составляет,
Как та ему шентю, подняв подол, являет.
И если чье дитя пленится елдаком,
Чинить довлеет что нам в случае таком?
Я в бедствии теперь подобном пребываю,
Что в горести дочь зрю влюбленну в толсту сваю
И не могу ничем от оной отучить.
Готова на битку к Дурносову вскочить.
Дурносов, всех поправ, победой возгордился
И поражати всех противных устремился,
А я при старости к концу уж дни веду
И заебенным быть чередной смерти жду.

Явление 2

Фарнос и Долгомуд.

Фарнос

Избранная глава, почтенна сединою,
Украшенная днесь муд ветхих долготою,
Покоющи в штанах обширных блеклый гуж,
Поборник дряхлости, изнеможенный муж!
В твоих морщинах зрю блестящу добродетель,

Будь мне отец, будь ты мне щастия содетель,
Потщися отвратить всеобщую напасть,
Употребя к тому родительскую власть.
Принудь дщерь внити в брак со мной, минут не тратя,
Ты будешь зреть во мне послушнейшего зятя.

Долгомуд

Престань уже, Фарнос, ты тщетно в хуй стучать
И, ах, престань, престань о браке докучать.
Другому в дочере моей досталась доля,
Прешла моя над ней родительская воля,
Дурносовой и я шматины трепещу,
Что уж по старости и так дырой крехчу.

Фарнос

Как к дщери я твоей любовью ни пылаю,
Но князя раздражить и сам я не желаю,
Не меньше не хочу соперником с ним быть,
Но части дожжен я его в том уступить.
В другом я способе намеренье имею,
О коем объявить тебе я если смею.

Долгомуд

Маня надеждой дух, не тщетно ль в хуй трубишь?
Какое средство ты, Фарнос, употребишь?
Отъяты способы с Дурносовым сражаться,
Мы с жопами должны подале уплетаться.

Фарнос

Не думаю я с ним в ебливу брань вступить,
Но хитростью потщусь упругость притупить.
Когда кто победить врага сил не имеет,
То в крайности обман и лесть чинить довлеет.
Не те удашливы в сражении прямом,
Кто силою разит, но кто велик умом.
Сколь силен был Самсон, известно всей вселенной,
Но хитростью жены своей был побежденной.
Кто б как ни силен был, да если разум худ,
Бесплоден столько же, как будто хуй без муд,
Как было б естество ни толсто, ни велико,
Упругость можно стерть и сделать так, как лыко,
Лишь хитрость малую к тому употребить,
То будет хуй хоть брось или хоть отрубить.
Позволь лишь мне, а я отмщеньем уж ласкаюсь.

Долгомуд

Препятствуй, как ты мнишь, я в ето не вплетаюсь,
Но прежде ты узнай от дочери моей,
Намеренье твое угодно ль будет ей.
Но се она…

Явление 3

Те же и Миликриса.
Фарнос

Княжна, я должен известиться,
Могу ли склонностью твоей к себе я льститься,
Желаешь ли со мной вступить в законный брак,
Или прельстил тебя Дурносова елдак?

Миликриса

Не обвиняй меня, Фарнос, виной ты тою:
Еще я не пленна Дурносовой биткою,
Хоть он ее всяк час, гордяся, мне сулит,
Да мой родитель мне склониться не велит.

Долгомуд

Ты, княжеская дочь, быть должна горделива,
Не так, как подлая бывает девка члива,
Которую за грош нахальник всяк валит,
А оттого в шенте нередко и болит.

Миликриса

Коль знатною биткой моя жизнь зачалася,
То льзя ль, чтоб я кому без брака в блуд далася?
Не может огнь в шенте моей никто разжечь.

Фарнос

Княжна, я не о том начать имею речь,
С горячностью всегда дроча хуй, как дубину:
Определи, прошу, княжна, мою судьбину,
Надеждой льститься ль мне тебя в замужство взять?

Долгомуд

У нас положено, чтоб был Фарнос мне зять,
Я вместо слов муде в залог дал в той надежде.

Миликриса

Ко мне не заглянул почто под юбку прежде,
Почто толь суетно Фарноса тем ласкал
И в обязательство толикое вступал?
Не дам в красе ничьей я омочиться снасти
И девой сниду в гроб, не прикоснусь сей сласти.

Долгомуд
(Фарносу)

Принужу дщерь свою я быть тебе женою,
Лишь князя упреди.

(Миликрисе.)

Поди, княжна, за мною.

Отходят.

Явление 4

Фарнос
(один)

В штанах моих, увы! багряна плешь бледнеет,
Хладеет в жилах кровь, хуй страждет, леденеет,
Немеет естество, отрады нет нигде,
О рог, о длинный рог, о толстые муде!
На что красавицей, княжна, ты в свет родилась?
И ах! на что ты мне безмерно полюбилась,
Что я любовь в себе бессилен одолеть?
Не со сто ль раз других я принимался еть —
Но что ж? — лишь плоть моя тем только истощилась,
А страсть любовная нимало не смяхчилась.
О как я беден днесь и как мой случай лих:

Котору еть хочу, ах! ей не я жених.
От страсти плешь моя, как рыба о лед, бьется,
А та без жалости Дурносову сдается,
Которому всю честь претолстый знак дает.
Пускай же с толстотой злодей сей пропадет;
Пока свет солнечный сиять на небе станет,
Елдак его вовек с сего часа не встанет!
Спешу исполнить то.

(Отходит.)

Явление 5

Дурносов и Секелия.

Дурносов

Удобно место здесь,
Где беспрепятственно свершить брак можно весь,
Благоприятствует сама судьба теперя,
Лишь нет одной княжны, лежащей, разщеперя
Пресладостную щель, котору мне почать.
Потщись, Секелия, ты брак наш окончать,
Уговори княжну.

Секелия

Уговорить не штука,
Да только знаешь, князь, кака ей будет мука?
Не лутче ль мне сперва задор твой утолить,
Чтоб ярость ту в меня изволил ты пролить?
Я за княжну свою готова быть в напасти,
Не можешь произвесть сим разом в ней ты сласти,
Какую б исподволь возмог в ней произвесть.

Дурносов

Престань, Секелия, пустые враки плесть,
Ничья краса теперь елдак мой не прельщает.

Секелия

Но Миликрисе страх склониться запрещает,
Величиной ствола распорется шентя,
Тогда в нее пихай все, что ни подхватя.
Я зрю то и сама, что ей твой знак не в меру,
Ей лутче дать сто раз с усами гренадеру.
Но ежели уже сему союзу быть,
И неминуемо в княжну ты должен вбить,
Твой сильный жар ствола теперь мне то являет,
Так вот о чем княжна тебя, князь, умоляет:
Когда ты ей вонзить направишь свой кинжал,
То прежде чтоб к губам несильно ты прижал
И в ярости своей хоть мало удержался,
Но в ней бы произвесть жар прежде постарался,
Иль лутче можешь ты свой знак ей в руку дать,
А сам своей рукой у ней побаловать.
Немного в деле сем минут у вас продлится,
И сама крепкая девица соблазнится,
А нежели княжна, нрав коей мне знаком:
Она пленна давно твоим, князь, елдаком.

Дурносов

Я все твои слова приемлю за отвагу,
На ложу брачную до тех пор с ней не лягу,
Доколе не пролью в шенте ее я кровь
И не сберусь опять к пиханью с силой вновь.
Вот как я предприял.

Секелия

Еще я позабыла
Сказать вам, чтоб сперва не так ей больно было,
И чтоб вы на себя последний взяли труд
Побольше чем-нибудь хуй смазати до муд —
Пихаться с тем легко и мериновым скалом,
И узки сапоги вить смазывают салом.

Дурносов

Я все уж способы потщусь употребить,
Дабы сколь будет льзя, в княжну полегче вбить.

Секелия

Княжна, узнав о сем, сама дать будет рада.

Дурносов
(вынимая из кармана помаду)

Вот у меня со мной с духами есть помада,
Котору щегольки трудятся покупать,
А я ее сей час без денег мог достать.
Что ж долго нет княжны?…

Секелия

Я к ней идти потщуся
И без нее, мой князь, к тебе не возвращуся.

(Отходит.)

Явление 6

Дурносов
(один)

Теперь потребно мне, потребно прибодриться,
Уже я чувствую: мой тайный уд ярится,
Уже муде трубят в торжественну трубу,
Мне чудится в мечте, как будто я ебу.
Но в самый етот жар как некто плоть снедает,
Как нечто тайное мудами обладает,
Вдруг станет хуй, как рог, вдруг тотчас опадет,
И будто как беды он превеликой ждет,
При дверях сладости сгибаясь унывает,
Или пред радостью со всеми так бывает?
Нет страху мне ни в чем, препятствия уж нет,
Исполню я, что мне…

(Намазывает помадой свой ствол.)

Но се княжна идет!

Явление 7

Дурносов, Миликриса и Секелия.
Дурносов

Дражайшая княжна, ужели ты готова
Вступить со мною в брак, исполнить данно слово?
Ужели я могу сей день торжествовать,
Ужели можешь мне красу свою отдать?
Ужель дозволишь внутрь взойти всего приятства?
Я учинил, что мне…

Секелия

Уж нет ни в чем препятства.

Дурносов

Сколь сильно яростью плененный уд мой тлел,
Сколь никаких на то я мастей не жалел,
Оранжем, розою и цедрою прямою,
А на прикрасу той помазал и гуньбою —
Зри, как от мастей сих моя сияет плешь.

Секелия

Князь, времени не дли, скорей себя, князь, тешь.

Дурносов

Дражайшая княжна

Миликриса

Нет казни сей мне злее.

(Падает в руки Секелии.)
Секелия
(Миликрисе)

Княжна, ах! ободрись.

(Дурносову.)

Хоть ты будь, князь, смелее.

Дурносов

Смяхчи, княжна, мой ствол, смяхчи сурову часть.

Миликриса
(опомнясь)

Я не могу никак в твою предаться власть,
Когда красу брегу, я честная девица,
А как лишусь, то что я буду?

Секелия

Молодица.
Но что о суетном напрасно толковать?
Спеши скорей, княжна, спеши скорее дать
И вечным как-нибудь союзом сопрягися.

Дурносов

Склонись, дражайшая, потешиться склонися
Прохладой сладкою в задоре елдаку,
Дабы не предуспеть мне сим к хуерыку
И чтоб не испустить без действия потока,
Предупреди, княжна, сего жестокость рока,
Меня в облегченье хоть етим одолжи,
Своею ручкою немножко подержи,
А я моей рукой к твоей шенте прижмуся.

Миликриса
(противясь ему)

Ах, нет, мне стыдно то, рукой я не примуся,
Мне лучше ввек терпеть.

Секелия

Князь, времени не дли,
Будь храбр и снасть свою насильно ей ввали.

Дурносов

Жестокая, не мучь, не мучь меня, склонися,
Взгляни хоть раз, взгляни, хоть пальцом дотронися.

Миликриса

Не льсти себя, мой князь, надеждою пустой,
Я дева, ты — герой, к тому ж и холостой,
Итак, удобно ль мне с тобою так растлиться?
Дочь Долгомудова вовек не посрамится!

Дурносов

Каким ударом ты, драгая, мя разишь,
И коль жестокою напастью мне грозишь,
Какую за любовь готовишь муку злую,
Чтоб я с горячности впихнул теперь в иную.
В другу теперь впехну в задоре сем жестоком,
Не будешь ли на то ревнивым зреть ты оком,
Как я к иной теперь отважусь под подол,
В иную ущемлю перед тобой свой ствол, —
Заплачешь, может быть, тронувшись сим уроном,
Но уж не возвратишь в себя елдак мой стоном.

Миликриса
(Секелии тихо)

Что мне в сем случае, Секелия, начать?

Секелия

Советую скорей то делом окончать,
Чтоб непрерывною любовью вас связало,
А времени к тому осталось очень мало.

Дурносов
(про себя)

Что ж трачу я часы полезные вотще?
Спешу исполнить то…

(Хочет идти.)
Секелия
(его удерживая)

Помедли, князь, еще.

Дурносов

Нет, намеренья я сего не отлагаю,
Исполню здесь: в тебя, Секелия, впехаю.

Секелия

Я недостойна, князь, для случая такова.
Но вот шентя — вонзай — перед тобой готова.

Подымает себе подол, Дурносов наставляет в нее хуй. Миликриса, с торопливостью схватя его за хуй, подходит к себе.

Миликриса

Жестокий, удержись… О, как нещастна я!

Дурносов

Не ты нещастлива — нещастна плешь моя.

Миликриса

Не спорю больше я с своею лютой частью.

(Падает в руки к Секелии, а та подымает ее подол.)

Вот щель моя: вонзай и утолись сей сластью.

Дурносов лишь только наставляет свой хуй, в то самое время он опал.

Дурносов
(дрожайшим голосом)

Что сделалось?.. Увы!

Миликриса
(приходит в отчаяние)

О рок! о случай злой!
К чему меня склонил к погибели такой?

Дурносов

Колико ты, судьба, мне ниспослала лиха!

Секелия

Что сталось, князь, скажи нам.

Дурносов
(с фурией и скрипя зубами)

Невстаниха.

Секелия*(закуся палец)*

Вот бедственный случай.

Миликриса

Что есть сей казни злее?
Увы, дражайший князь!

Секелия*(/Ьурносову)*

Дрочи, дрочи скорее,
Жар утолить в княжне хоть мало порадей.

Дурносов*(трясет хуй и с плачем говорит)*

Нет способа вздрочить, похимистил злодей.
О, раздраженны враг! отмстить тебе мне нада,
Подействовала так Фарносова помада!

Явление последнее

Те же, Долгомуд и Щелкопер.

Щелкопер

Что вижу я, княжна, о стыд, о казни строги!
Какою страмотой наполнились чертоги!

Долгомуд

Со удивлением я зрю на сей позор.

Миликриса
(бросается к отцу и становится на колени)

Мой отче, отврати от недостойной взор!

Долгомуд

Забудь природу ты или забудь то скало,
Которое навек уже как лыко стало.

Дурносов
(про себя)

О как злодей мой уд обезоружил вдруг!

Долгомуд
(Миликрисе)

Готовься к браку ты, Фарнос тебе супруг,
И уж Дурносова не тщися видеть боле.

Миликриса

Последую теперь твоей, родитель, воле.

(Вставши и подошед к Дурносову.)

А ты, о князь, прости, забав нам час протек.

Дурносов
(с плачем)

Прости, дражайшая, прости, княжна, навек!

Щелкопер

Великий Долгомуд, хоть способ ты имеешь,
Но поздно уж теперь Фарносу сим радеешь.

Долгомуд

Что сделалося с ним?

Щелкопер

Скончался уж Фарнос.

Долгомуд

Каким то случаем?

Щелкопер

Пришел сперва понос,
Час целый мучился, штанов не подтыкая,
Кряхтел, стонал, рыгал, «Беда, — ворчал, — какая»,
И только лишь сей боль немного унялся,
Он с силою своей еще не собрался,
Как вдруг другой бедой тот час его сразило
И в бездну, как в шентю, хуй дряхлый погрузило.
Он сильной яростью к прекрасной дщери тлел,
Но как ее уеть надежды не имел,
То похоть удержать свою как ни старался,
Но из ствола его ручьем ток проливался.
Не сей был его ток, прохлада что в любви,
Но что случается от похоти в крови.
Раздулася его в минуту бедна потка,
Не помогла ему в сем случае и вотка:
Чем жарче рделась плешь, тем был сильнее ток,
Я за плешь ухватил — в крови весь стал платок.
Весь дом наполнен стал тогда великим криком,
«Увы! — вопил Фарнос — Я стражду хуерыком.
Мне приключило то жестокую напасть,
Что к Миликрисе я имел любовну страсть».
Нас способ излечить един тогда сказали:
С кобылой сделать блуд. К кобыле лишь предстали,
Я подмостил его, кобыле хвост загнул,
Но, о жестокий рок! Фарнос лишь чуть-чуть ткнул,
Как та кобыла вдруг шарахнулась, вздрогнула,
Со всей жестокостью что мочи есть лягнула.
Он пал, вдруг поражен, со стоном рок кленя
И тут в последний раз взглянул он на меня.
«Ты, — мне он говорил, — не плачь и ободрися,
Сему хуерыку виною Миликриса,
Однако ей скажи, что я ее простил».
И с этим словом дух последний испустил.

Миликриса
(с плачем)

Нещастнейший Фарнос, я и тебя лишилась!

Долгомуд

Лишился друга я, и часть его свершилась.

Миликриса

О день, горчайший день, источник лютых бед,
Князь вечно погублен, Фарноса больше нет!
Пожри всей лютостью меня живую, бездна!
Рази, губи: мне жизнь без ебли бесполезна!

Конец трагедии

Дополнения

A. Piron. Ode a Priape*

Foutre des neuf garce de Pinde
Foutre de l'amant de Daphne
Dont le flasque vit ne se guinde
Qu'a force d'etre patine;
Cest toi que j'invoque a mon aide,
Toi qui dans les cons, d'un vit roide,
Lance le foutre a gros bouillous;
Priape, soutiens mon haleine
Et pour un moment dans ma veine
Porte le feu de tes couillous.

Que tont bande, que tont s'embrasse
Accourez Putins et Ribauds
Que vois-je, ou suis-je, la douce extase
Les Cieux n'ont pas Pobjet si beaux.
Des couilles en bloc arrondies
Des cuisses fermes et bondies
Des bataillons de vits bandes
Des culs rondes sans poils et sans crottes
Des cons, des tettones et des mottes
D'un torrent des foutres inondes.

Restez adorables images,
Restez a jamais sous mes yeux
Soyez l'objet de mes hommages
Mes Legislateurs et mes Dieux,
Qu'a Priape on eleve un Temple
u jour et nuit Ton vous contemple,
Au gre des vigoreux Fouteurs
Le foutre y servira d'offrandes
Les poiles de couilles de guirlandes
Les vits de sarificateurs

Aigle, Baleine, Dromadaire,
Insecte, animal, homme, tout
Dans les Cieux, sous Геаи, sur la terre,
Tous nous annonce q'on fout;
L'on foutre tombe comme grele,
Raisonnable ou non, tout s'en mele
Le con met tout les vits en rut;
Le con du bonheur est la voie
Dans con git tout la Joie
Mais hors de con point de salut.

Quoique plus gueux qu'un Rat d'Eglise
Pourvu que mes couillous soient chauds
Et que le poil de mon cul frise
Je me fut du reste en repos.
Grandes de terre on se trompe
Si Ton croit que de votre pompe
Jamais je puisse etre jaloux
Faites grands bruit, vives au large
Quand j'enconne et que je decharge
Ai-je moins plaisir que vous.

Que Tor, que l'honneur vous chatouille
Sots avares, vains conquerans
Vivent les plaisirs de la couille
Et foutre les biens et les rangs.
Achilles aux rives du Scamandre
Pille, detruit, met tout en cendres
Cest n'est que feu, que sang, qu'horreur,
Un con paroit, passe-t-il outre?
Non, je vois bander mon jean-foutre
Le heros n'est plus qu'un Fouteur

De Fout la fable fourmille
Le Soleil fout Leucothoe
Cynire fout sa propre fille
Un Taureau fout Pasiphae

Pygmalion fout la statue
Le brave Ixion fout la nue
On ne voit que foutre couler
Le beau Narcisse pale et bleme
Brulant de se foutre lui-meme
Meurt en tachant de s'enculer.

Socrate, dires-vous: ce sage
Dont on vante l'esprit divin
Socrate a vomi peste et rage
Contre le sexe feminin
Mais pour cela le bon Apotre
N'en n'a pas moins foutu qu'un autre
Intrepretons miens ses lemons,
Contre le sexe il persuade,
Mais sans le cul d'Alcibiade
Il n'eut pas tant medit des cons.

Mais voyons ce brave Cynique,
Qu'un bougre a mis an rang des chiens
Se branler gravement la pique
A la barbe des Atheniens
Rien ne l'emeut, rien ne l'etonne
L'eclair brille Jupiter tonne
Son vit n'en est point demonte
Contre le Ciel sa tete altiere
Au bout d'une courte carriere
Decharge avec tranquilite

Cependant Jupin dans l'Olympe
Perce des culs, boure des cons,
Neptune au fond des eaux y grimpe
Nymphes, Syrenes et Tritons;
L'ardent fouter de Proserpine,
Semble dans sa couille divine
Avoir tout le feu d'enfers
Amis, jouons les memes farces,

Foutons tant que les cons des Garces
Nous foute enfin Tame a l'envers.

Tysiphone, Alecto, Megere
Si Ton foutoit encore chez vous
Vous Parques, Charon et Cerbere
De mon vit vous tatierez tout.
Mait puisque par un sort barbare
On ne bande plus au Tenare,
Je veux y descendre en foutant,
La mon plus grand tourment sans doute
Sera de voir que Pluton foute
Et de ne pouvoir faire autant

Redouble done tes infortunes
Sort, foutu fort, plein de rigeur
C'est n'est qu'a des ames communes
A qui tu peux foutre malheurs.
Mais la mienne que rien n'alarme
Plus ferme que le vit d'un carme
Se rit des maus present, passe
Qu'on m'abhorre, qu'on me deteste
Que m'importe, mon vit me reste
Je bande, je fous, c'est assez.

А. Пирон. Ода Приапу*

Ебать девять парнасских шлюх,
Ебать любовника Дафны,
Чей вялый хуй не поднимется,
Пока его не вздрочат.
Только тебя зову я на помощь,
Тебя, коий посреди пизд красным хуем
Бросаешь густые пузыри заебин,
Приап! поддержи мой дух
И на миг в мои жилы
Вдохни жар твоих муд.

Пусть все встает, пусть все пылает,
Спешите, бляди и блядуны.
Что я вижу? где я? о сладкий восторг!
На небесах нет такого прекрасного предмета.
Муде, туго округлившиеся,
Ляжки, крепкие и задранные,
Полки вставших хуев,
Круглые зады, без волосков и пятен,
Пизды, титьки и секеля,
Орошенные током заебин.

Останьтесь, восхитительные картины,
Останьтесь навеки перед моим взором,
Будьте предметом моих жертвоприношений,
Моими законодателями и моими божествами.
Пусть Приапу воздвигнут храм,
Где день и ночь вас будут созерцать
По воле могучих ебак;
Заебины будут там служить приношениями,
Волосы с мудей — гирляндами,
Хуи — жрецами.

Орлы, киты, верблюды,
Насекомые, животные, люди, все
На небесах, под водой, на земле,
Все возвещает нам, что ебется.
Заебины падают, как град,
Все разумное и лишенное разума смешивается.
Пизды встречают хуи, истекая.
Пизда есть путь к счастию,
В пизде заложена вся радость,
Вне пизды нет благополучия.

Пусть я беден, как церковная мышь,
Но пока мои муде горячи,
И пока завивается волосок на заду,
Мне нет дела до остального.
Великие мира заблуждаются,
Если полагают, что их пышность
Может вызвать во мне зависть;
Поднимайте великий шум, живите роскошно,
Когда я вставляю и когда кончаю,
Получаю ли я меньше наслаждения, чем вы?

Пусть вам льстят золото и почести,
Жадные глупцы, тщеславные завоеватели.
Да здравствуют услады мудей,
И ебать богатства и чины!
Ахилл на брегах Скамандра
Рубит, уничтожает, все обращает в прах,
Кругом огонь, кровь, ужас;
Появляется пизда — проходит ли он мимо?
Нет, я вижу, вздымается ствол,
И герой превращается в ебаку.

Предание изобилует ебаками:
Солнце ебет Левкофею,
Кинир ебет свою дочь,
Бык ебет Пасифаю,

Пигмалион ебет статую,
Доблестный Иксион ебет облако,
Только заебины текут,
Прекрасный Нарцисс, бледный и потускневший,
Сгорая желанием выебать себя,
Умирает, пытаясь вставить себе в зад.

Сократ, скажете вы, этот мудрец,
В котором почитают божественный дух,
Сократ изрыгал ярость и проклятия
На женский пол,
Но при всем том добрый проповедник
Ебался не меньше других;
Давайте лучше усвоим его уроки,
Он убеждает нас против женщин,
Но без задницы Алкивиада
Он не презирал бы пизд так сильно.

Но взглянем на этого доблестного киника,
Оборванца, поставленного наравне с собаками,
Бросающего горькие насмешки
В бороды афинян.
Ничто не волнует его, ничто не удивляет,
Молния сверкает, Юпитер мечет гром,
Его хуй не поднимается,
Его надменная плешь
В конце своего короткого поприща
Извергается в небеса.

В то время как Юпитер на Олимпе
Пронзает зады, вваливается в пизды,
Нептун в глубине моря лезет туда же
Нимфам, Сиренам и Тритонам;
Пылкий ебарь Прозерпины,
Кажется, вместил в своих мудах
Все пламя ада.
Друзья, станем играть те же фарсы

И ебаться, пока пизды шлюх
Не выебут наши души наизнанку.

Тисифона, Алекто, Мегера,
Если у вас еще ебутся,
Вы, Парки, Харон и Цербер,
Все попробуете моего хуя.
Но поскольку из-за варварской судьбы
За Тенаром уже не встает,
Я хочу спускаться туда, ебясь,
Там самым большим моим мучением, без сомнения,
Будет видеть, как ебется Плутон,
И не мочь делать то же самое.

Удвой же твои удары,
Судьба, сильно выебанная и исполненная строгости,
Только обычным душам
Ты можешь причинить несчастье,
Но не моей, которую ничто не пугает,
Которая тверже хуя кармелита;
Я смеюсь над прошедшими и настоящими бедами,
Пусть мной ужасаются, пусть меня презирают,
Какое мне дело? мой хуй со мной;
Он встает, я ебу, и этого довольно.

В. Рубан. Ода в похвалу любви*

Утеха смертных и отрада,
Любовь, веселостей всех мать!
Приятность жизни и прохлада,
Тебя хочу я воспевать:
Тебе воздвигну храмы многи
И позлащенные чертоги
Созижду в честь твоих доброт,
Усыплю путь везде цветами,
И лирными тебя стихами
Почту, богиня всех красот!

Парнасски музы с Аполлоном,
Подайте мыслям столько сил,
Чтоб нежным непрерывным тоном
Я Имн любови возгласил.
Уже мой дух в восторг приходит,
Дела ее на мысль приводит
С приятностью и красотой.
Я вижу древних лет теченье,
Я зрю, в каком была почтенье
Она, когда цвел век златой.

Природа ею населяет
И все и кажду света часть,
Любовь повсюду обитает
И всех умы берет под власть;
Где взор ее ни устремится,
Свирепый Нерон усмирится,
Оставит храбрость Ахиллес,
При ней философ умолкает,
Скупой пред нею чив бывает,
И варвар льет потоки слез.

Юпитер, небо оставляя,
Снисходит для нее на дол;
И бренны виды принимая,
Влюбясь в прекрасный смертных пол,
Натуры чин преобращает,
В одну-две ночи он вмещает;
Альмина как в нем кровь зажгла:
Из бога стал Амфитрионом,
И к ней приходит в виде оном,
К чему его любовь вела.

Плутон, плененный Прозерпиной,
Идет из ада для нее:
Глубокою Нептун пучиной
Не защищен от стрел ее.
Пленивши Дафна Аполлона,
С блестящего низводит трона;
Узря ее он в первый раз,
Всю крепость сил своих теряет,
Во угожденьи мер не знает,
Возносит к ней плачевный глас.

Я зрю Ироев прежних веков,
От коих мир весь трепетал,
Зрю тех не сытых человеков,
Для коих свет казался мал:
Все были ей одной подвластны,
Щасливы ею и нещастны;
Все властию ее одной
На верьх Олимпа поднимались
И в преисподню низвергались
Ее всемощною рукой.

Чрез храбрость, мужество, иройство
Был славен древний Геркулес;
Души его велико свойство
Из многих зрим его чудес:

Его необычайна сила
Всех в страх и трепет приводила,
Пока любови он не знал:
Любовь в нем лютость утолила,
Из тигра агнцом претворила,
Омфалы пленником он стал.

Везде любви примеры зрятся,
Где только смертные живут,
Везде ей олтари курятся,
Везде ей жертвы воздают:
На Весте, Осте, Норде, Юге
И в жарком и в холодном круге
Ее зрим дивны чудеса!
Но ежели любовь прервется,
То вся природа возмятется,
Падут с землею небеса,

Стихотворения и переводы И. Баркова

Ода на всерадостный день рождения…*

Ода на всерадостный день рождения Его Величества благочестивейшего Государя Петра Феодоровича, Императора и самодержца всеросийского и проч. и проч. и проч.

Восстань, Россия, оживляйся,
Оставь в сей день печаль твою,
Отерши слезы, утешайся,
Петрово рождество пою,
Великого монарха внука;
Прочь вся сердечна боль и мука,
Дух томный, бодро воспряни,
Воздав усердный долг богине,
Которой мы лишившись ныне,
В тумане ясны видим дни.

Се зрим сияющего в славе
Героя храбра и отца,
И крепости его державе
Желаем вечной от творца;
Да будет оная толика,
Петрова милость сколь велика,
Сколь к подданным любовь ясна.
Елисавете в том подобен,
Монарх наш кроток, щедр, незлобен,
О всех печется, как она.

Великий Петр на то родился,
Чтоб, вечно славой восхищен,
Весь свет делам его чудился;
А ты, монарх, к тому рожден,

Чтоб, россов тишину с блаженством
Твоим умножив долгоденством,
Врагам был страшен, как и дед.
Благополучны мы тобою,
Хоть к вечному прешла покою
Великая Елисавет.

Подверженны пременам, твари
Живут и кончат бытие;
Но те бессмертны государи,
Которых славно житие.
Мы жизнь летящу человека
Не мерим долготою века,
Но славою полезных дел;
Коль паче славны и велики
Те чтутся на земли владыки,
О коих промысл сам радел.

Потщился бы дела представить
Петра Великого я здесь;
Но по достоинству прославить
Бессилен дух, слаб разум весь.
Вожди в войнах неустрашимы,
От древних бывши возносимы,
Прияли божескую честь;
Что, если б Петр жил в оно время,
За тяжкие труды и бремя
Какой могли б хвалой вознесть?

Истории мужей преславных
Заслуги в вечность предают;
С Петром иметь не могут равных,
Что все бесстрастно признают.
Он после дел своих чудесных
Сияет во странах небесных,
Затмив языческих богов.
В созвездии с ним дщерь едином,

Украсив небо новым чином,
Российских просветят сынов.

Щедрот храм, милости, любови
Воздвигнем оным божествам
В сердцах к Петровой верных крови,
Которые являли нам.
Ко алтарям их светозарным
С воспоминаньем благодарным
Предпримем мысленный наш путь.
Там, жертвуя душам блаженным,
Докажем сердцем сокрушенным,
Что скорбь пронзила нашу грудь.

Пронзила, обновивши раны,
Которые в слезах несли,
Как, роком горестным попранны,
К Петрову гробу мы текли.
По долгой нашей с ним разлуке
Воскрес герой в прехрабром внуке;
Ликуй, Россия, восплещи!
С весельем, юные и стары,
Приять щедрот обильны дары
Потщитесь к трону притещи.

Крепка и щедра вдруг, десница
Защитит всех и сохранит,
И око быстро не на лица,
Но на сердца людей воззрит;
Ущедрит купно и прославит,
И падших от земли восставит
Чрез милость, правоту и суд,
Даст образ правды чрез законы
И всё исполнит без препоны,
В чем принял Петр великий труд.

Премудрых дел твоих в початках

Мы образ зрим и дух Петров;
Един устав во всех порядках
Ты с ним, монарх, хранить готов.
Хранишь и делом исполняешь,
И подданных любовь питаешь,
Которою к тебе горят.
Всех мысли и сердца стремятся,
Чтоб с верностью повиноваться,
И всех уста благодарят.

Се пред исправными полками
Тебя зрю в поте и труде;
Но отягченного делами
На кротком вижу вдруг суде.
Искусства там примеры редки,
Здесь живо милосердны предки
В щедротах вобразились нам.
Отринув строгую неволю,
Влил ревность чрез счастливу долю
К усердной службе всем рабам.

Труд удивления достоин,
И милость всех честняй похвал!
Един монарх судья и воин,
Един в двух лицах просиял.
Петра великого геройством,
Щедротой, кротостью, спокойством
Являешь ты, Елисавет.
Натура чудо днесь открыла,
В тебе слиянны, два светила
Дают России больший свет.

Объятым страшной мглой печали,
Открылась ясность нам в ночи,
Когда пресветлы воссияли
От твоего венца лучи,
Весна среди зимы настала,

Заря багряна облистала
И облачный прогнала мрак.
Как после дней ненастных летом
Всё греет солнце ярким светом,
Так твой живит нас в скорби зрак.

Приятного краснейший крина
Цветет и спеет грозд младый;
С Петром найдет Екатерина
В нем все сладчайшие плоды.
Как жатель, собирая класы,
На зиму новые припасы
Готовит и питает дом, —
Россия так не оскудеет,
Доколе внук Петров владеет
С возлюбленным его плодом.

Чудяся, видит, восхищенна,
В нем быстрый ум и свет наук;
Ее надежда несомненна,
Что в Павле будет дед и внук.
Чрез остроту природы сила
В цветущей юности открыла,
Что может произвесть собой:
С наукой обще добродетель
Неложный россам есть свидетель,
Что мудрый будет он герой.

Надежда наша есть не тщетна,
В желаниях мы зрим успех;
Твоя к нам милость неисчетна,
Источник, боже, всех утех.
Сложив печали тяжко бремя,
Храни вовек Петрово племя,
Как деда с дщерию хранил.
Красуйся, Петр с Екатериной,
Что сей дражайший день причиной

Российского блаженства был!

«Не пользу сатир я хвалами возношу…»*

Не пользу сатир я хвалами возношу,
Но милостиво труд принять в покров прошу,
Когда нет ничего на свете толь худова,
В чем к пользе не было б служащего ни слова.
Находит нужное во всячине пчела,
Чтоб для себя и всех составить мед могла:
Иному польза, смех милей другому хлеба;
Двояка в сатирах содержится потреба:
Злых обличение в злонравии и смех,
В котором правда вся, без страха, без помех,
Как в зеркале, чиста представлена народу.
Дают ту сатирам все честные свободу,
У коих всё лице наруже, пятен нет;
Злонравный лишь один то дерзостью зовет.
Когда любовные стихи увеселяют,
Что в нежные сердца соблазны вкореняют,
Не могут через то противны людям быть,
о каждый похвалу тем тщится заслужить,
о двадцать раз в стихах напишет вздохи, слезы, —
не зная, что одни сто раз твердятся грезы,
Лишь только виден в них приятных слов прибор.
Хоть щеткою бы кто, хоть веником мел сор,
Но всякий бы сказал, что с полу сор сметает;
Так точно и слова любовник размножает,
А сила в множестве содержится одна.
Сатирику от муз свобода та дана,
Чтоб племя исправлял чрез умный смех развратно,
Лишь тщетно б об одном не говорил стократно.
Лишила вольности политика в наш век,
Чтоб не был укорен на имя человек,
Как в древни времена то делали пииты,
Чрез коих всякого пороки въявь открыты.

Не только ж в книгах злых значатся имена,
Но и поступка их народу знать дана,
Затем, что действом их пороки представлялись,
Дабы охотнее от оных воздержались.
Бумажка ничего не сделает у нас,
Хотя бы страсти в ней описывать сто раз,
Лишь видя в ней себя порочный, как в зерцале,
Вдруг бросит, побежит он сам смеяся дале.
Когда и строгостью нельзя глупца унять,
То может ли такой стыд с совестию знать?
Примером могут им служить такие лица,
Которых к честности вела творца десница,
Изящностию всех украсила доброт
И добродетелью прославила их род;
А милость нашея защитницы и сила
В сердцах их оную сугубо утвердила,
И, в безопасный взяв Россию всю покров,
Хранит и милует, законы вводит вновь.
Вы ж, исполнители премудрых повелений,
Даете образ, как избегнуть преступлений
И добродетельно на свете людям жить,
Чтоб общей матери могли угодны быть.
Счастливей для меня тем будут и сатиры,
Когда не презришь ты Горациевой лиры.

Его Сиятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову…[*]

Его Сиятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову, ее Императорского Величества лейб-гвардии конного полку подполковнику, генералу-адъютанту, действительному камергеру, Канцелярии опекунства иностранных президенту и разных орденов кавалеру, милостивому государю всеусердное приветствие

Монархам паче всех любезна добродетель;
Живой пример в тебе зря, всяк тому свидетель,
Которым вящще всех побуждены сердца,

Чтоб так, как милостям монаршим нет конца,
Преуспевали ввек их верность и заслуга.
Хотя ж все превзойти пекутся в них друг друга,
Но силам смертных есть и всем трудам предел;
Затем усердность чтим не меньше славных дел.
Кто храбр, тот отвратить на брани силен бедство,
А остроумный — в том подать герою средство;
Коль случая кому явить то в мире нет,
Тот долг заслуг своих усердством наведет,
Таким, каким твой дух к монархине пылает,
Какое всяк тебе подобный изъявляет.
Но прелесть ли богатств и чаянье ль честей
Заслуги матери влекут являть своей?
Любовь, щедроты, суд прав, милости едины
Долг налагают сей рабам Екатерины.
Не славой и она пленялася венца,
Искавши наших бедств с опасностью конца;
К отечеству любовь ее, тогдашня жалость
Заслуг к ней подданных доказывают малость.
Дай новы способы, великий муле, к тому,
Чтоб следовал народ примеру твоему.
Но похвалы плодить — терять напрасно речи,
И действует тут лесть, не разум человечий.
За верность честь приял ты нову вместо мзды;
Всяк да хранит твои, кто льстится тем, следы.

Сатира VIII книги первой Горация[*]

Приап[89]

Пень фиговый я был сперва, болван бесплодный;
Не знал и мастер сам, к чему б я был пригодный,
И скамью ли ему построить иль божка?
Приапа сделала художная рука.
С тех пор я, став божком, воров и птиц пугаю;

Имея в правой жердь руке, тех отгоняю,
Стращаю наглых птиц лозою от плодов,
Чтоб, роя семена, не портили садов,
На Эсквилйнском[90] вновь пространстве насажденных,
Где трупов множество бывало погребенных.
На те места рабы товарищей своих,
Из хижин вынося, бросали там худых.
То было общее кладбище бедной черни:
Скончавший Номентан жизнь в мотовстве и зерни,
И Пантолав, кой был известный мот и шут[91],
Как тот, так и другой лежат зарыты тут.
Обширность места вся на плите означалась[92],
И вдоль и поперек в пределах заключалась,
И было сверх того иссечено на ней,
Безродный что голяк зарыт в могиле сей.
А ныне может жить в Эсквилах всяк по воле,
На холме в ясни дни гулять и ровном поле.
Печальный всюду вид дотоле зрелся там,
И кости лишь по всем валялися местам.
Не столько птицы тут досадны мне и воры,
Сколь яд волшебниц злых, шептанья, наговоры,
Которыми они тревожат дух людей.
Нельзя никак прогнать прелютой язвы сей:
Как скоро солнце зрак, скончав бег, скроет в понте,
Блудящая луна взойдет на горизонте,
Сбирают зелия и кости для вреда.
Я видел, как пришла Канидия туда[93],
Вся растрепав власы, в нелепости безмерной,
И препоясана была в одежде черной,
И ноги зрелися босые у нея.
Вдруг после страшного с Саганою вытья,
Являя с ужасом бледнеющие хари,
Драть землю начали ногтьми волшебны твари,
И зубом растерзав потом они овна,
На коем черная везде была волна,
Кровь в яму испущать ископанную стали,
Чтоб духи собрались и им ответы дали.

Личины ими две туда ж принесены,
Которы сделаны из воску и волны;
Последняя была сильняе первой многим,
Хотевшая карать мученьем слабу строгим.
Из воску сделанна стояла перед той,
Как рабским образом терпящая рок злой.
Едина Гекату на помощь призывала,
Другая лютую Тизйфону склоняла[94].
Змеям подобны те и адским зрелись там,
И самая луна разделась, зря сей срам,
И скрылась, чтоб таких не видеть злодеяний.
А если лгу, глаза пусть выклюют мне враны,
И пусть достануся на всякий я позор,
Чтоб Юлий, Педиат, Воран ругался вор[95].
Что ж все упоминать проказы злых явлений,
Как, проницательно жужжа, с Саганой тени
Плачевный делали и чуткий звук в ушах,
Который всякому навел бы сильный страх,
Как волчью морду те злодейки хоронили[96],
И с нею вместе зуб змеи в земле зарыли,
Как, растопившись, воск умножил пламя вдруг
И как я, видя то, сих устрашил подруг?
Отмстил, пресекши тех с делами фурий речи:
Сколь громко лопает воловий иль овечий,
Когда надут пузырь и сильно напряжен,
Столь громко фиговый расседшись треснул пень.
Тем сделался конец волшебству их и злобе;
Канидья бросились с Саганой в город обе.
От треску выпали все зубы вон у той,
У сей спал с головы парик ее большой,
И ядовитые из рук упали травы.
Довольно было тут и смеха и забавы,
Когда б кто на сие позорище смотрел,
Премного бы, чему смеяться, тот нашел.

Стихотворения, приписываемые И. Баркову

Сатира на Самохвала*

В малой философьишке мнишь себя великим,
А чем больше мудрствуешь, становишься диким.
Бегает тебя всяк: думает, что еретик,
Что необычайны шутки делать ты обык.
Руки на лоб иногда невзначай закинешь,
Иногда закусишь перст, да вдруг же и вынешь;
Но случалось так же головой качать тебе,
Как что размышляешь иль дивишься сам себе!
Мог всяк подумать тут о тебе смотритель,
Что великий в свете ты и премудр учитель.
Мнение в народе умножаешь больше тем,
Что молчишь без меры и не говоришь ни с кем;
А когда тебя о чем люди вопрошают,
Дороги твои слова из уст вылетают:
Правда, скажешь — токмо кратка речь твоя весьма —
И то смотря косо, голову же заломя.
Тут-то глупая твоя братья все дивятся
И, в восторг пришедши, жестоко ярятся:
«Что б когда такую же голову иметь и нам,—
Истинно бы нашим свет тогда предстал очам!»

«Пронесся слух: хотят кого-то будто сжечь…»*

Пронесся слух: хотят кого-то будто сжечь;
Но время то прошло, чтоб наше мясо печь.
Безбожника сего всеместно проклинают,
И беззаконие его все люди знают:
Неизреченный вред закону и беда —
Обругана совсем честная борода!
О лютый еретик! против чего дерзаешь?

Противу бороды, и честь ее терзаешь!
Как ты сеешь яд?
Покайся, на тебя уже разверзся ад;
Оплакивай свой грех, пролей слез горьких реки,
Когда не хочешь быть ты в Тартаре вовеки.

О вы, которых он
Прогневал паче меры,
Восстав противу веры
И повредив закон!
Не думайте, что мы вам созданы на шутки;
Хоть нет у нас бород, однако есть рассудки:
Не боги ведь и вы,
А яростью своей не человеки — львы,
Которые страшней разверста адска зева.
Спаси, о боже, нас от зверского их гнева.
Забыли то они, как ближнего любить;
Лишь мыслят, как его удобней погубить,
И именем твоим стремятся только твердо
По прихотям людей разить немилосердо.

Сатира на употребление французских слов в русских разговорах*

Великость языка российского народа
Колеблет с рвением неистова погода.
Раздуты вихрями безумными голов,
Мешая худобу с красой российских слов,
Преславные глупцы хотят быть мудрецами,
Хваляся десятью французскими словцами,
И знание себе толь мало ставят в честь,
Хоть праведно и тех не знают произнесть.
Природный свой язык неважен и невкусен;
Груб всяк им кажется в речах и неискусен,
Кто точно мысль свою изображает так,

Чтоб общества в словах народного был смак;
Где слово приплетешь некстати по-французски,
Изрядно скажешь ты и собственно по-русски,
Но не пленяется приятностью сей слух,
На нежность слов таких весьма разумный глух.
Не заплетен отнюдь язык наш в мыслях трудных,
Коль громок в похвалах, толь силен в тяжбах судных.
Любовный нежно он изображает зной,
Выводит краткость въявь, закрыту темнотой.
Каким преславный Рим превозносился словом,
Такою кажет нам Россию в виде новом.
Каков был Цицерон в витийстве знаменит,
Так в слове греческом Демосфен плодовит.
Возвысили они своих отечеств славу,
Принявши честь себе слыть мудрыми по праву.
Примеру многие последуя сему,
Желают быть у нас за образец всему:
Надменны знанием бесплодныя науки,
На ветер издают слов бесполезных звуки,
Где показать в речах приятный вкус хотят,
И мудрость тем открыть безумию спешат.
Заслуги ль к отчеству геройски выхваляют,
Мериты знатные стократ усугубляют,
За склонность ли кому сей род благодарит,
Не благодетель тот ему, но *фаворит*.
Не дар приемлет — что ж? — дражайшие *презенты*,
И хвалят добрые не мысли — *сантименты*.

Надгробная надпись[*]

На сем месте, вот, лежит Авктор, знаменит добре,
Коего скосила смерть бывшего уж не в поре,
Да и потрудившись в прозе словно как в стишках.
Мимо всяк идущ здесь, дельно знай, а не в смешках,
Что глумил он юных лет во маковом цвету,
И, уж мужем ставши быть, презрил мира суету.

Кончив больно труд велик, сиречь «Аргениду»,
Возгремел, в точь как Омир, вдруг «Тилемахиду».
Скачущ дактиль, нежн хорей, ямб громк, ипостасен,
Да и самый анапест им же стал быть красен.
Распростившись с музами, скрылася его уж тень
В те места, где оныя млекотечный ждал Роллень;
Из него повыжав он древней красоты весь сок,
От того оставил нам преполезный всем кусок.
Уже ты опочил со праведными духи,
Который заглушал всех умных вздором слухи;
Но видно, что грехов избавил нас Господь,
Что глупых не видать ни басенок, ни од.

Эпиграмма на красоту чрез Баркова*

Есть главна доброта, красой что названа,
И, без сомнения, та с неба подана.
Какой она талант пред прочими имеет,
То непостыдно всяк сказать сие посмеет.
Хотя и без ружья, но бранней она всех,
Над храбрыми берет всегда она свой верх.
Разит не тело та, но ум она разит,
Невидимо стрелы жестокия перит.
Хоть ран не делает, но, муча, грудь снедает,
И острыя умы без милости терзает.
Свирепство перед ней младенцом становится
И словом уж нельзя от ней обороniться.
Закрыв разве глаза и прочь от ней бежать
И никогда ее в уме не представлять.
То можешь невредим быть телом и душею
И также пред творцем чист совестью своею.

Эпиграмма любовная чрез Баркова*

Играя мальчики желают ясна ведра,
Прекрасно дав тебе лице народа щедра,
В меня влияла страсть желать твои красы,
Те после солнца ждут прохладныя росы.
Я после как бы твой взор узрел, свет мой милы,
Тот час бы мысли все откинул прочь унылы
И милости росы твоих бы ожидал.
Но ныне знай и верь, что дух мой воспылал,
Зажженной красотой твоей, зажженной взглядом.
Как в жаркой день к ключам бежит пастушка с стадом,
Или в кустарниках спешит себя укрыть,
Отраду там себе желая получить,
Так тщусь и я себя скрыть от любовна зною:
В твоих красах ищу прохладнаго покою,
К которому влечет мысль токмо естество
Сладчайший бы покой явило вещество,
Когда бы только нам был общий, а с любезной
Без коей одному быть может ли полезной?
Мы будем жить в одном веселии с тобой,
Щастливым я тобой, ты чтома будешь мной.

Приложения

Рукописная и печатная история Баркова и барковианы

Произведения барковианы были в условиях России принципиально непечатными в силу существовавших цензурных законов и распространенных нравственных понятий. Статус подобной литературы в европейских странах сложился иным, что обусловливалось не столько состоянием общественной морали, сколько чисто лингвистическими различиями: известной «специфичностью» русской матерной лексики на фоне более нейтральных коннотаций подобных слов в других языках. Хотя, конечно, в России имели место и более пуританское отношение к печати, и несравненно большие цензурные строгости. Причем в XIX в. они стали гораздо сильнее, чем в XVIII, и даже переиздание ряда произведений современников Баркова спустя столетие вызывало трудности и ограничения из-за «нескромности содержания» этих, по теперешним представлениям, невиннейших книг. Так, когда в 1886 г. известный собиратель и букинист П. Шибанов решил переиздать первую часть романа М. Д. Чулкова «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины» (СПб., 1770), то цензор специально оговорил, что разрешается лишь малотиражное издание, не для свободной продажи: «Печатается без перемен, число экземпляров 300 — все нумерованные только для антикваров»; потом и такой тираж показался чрезмерным, и последовало новое цензурное заключение: «Брошюра эта может быть напечатана лишь в двухстах экземплярах. К. Воронин, № 22, 29 января 1886»[97] Еще более нетерпимой цензура XIX в. была к современным поэтам. На этот счет известно множество курьезов, особенно про печально знаменитого А. И. Красовского с его излюбленной резолюцией «полезнее запретить». Почти любое упоминание в стихах молодой женщины могло быть сочтено цензором безнравственным. Пояс считался слишком фривольной частью дамского туалета, ибо его можно развязать, а поэтому в стихах говорить о поясе было предосудительно — и примеры таких запретов известны.

В таких условиях тексты барковианы были достоянием лишь рукописной литературы. Встречались примеры более или менее явных барковианских аллюзий в печатной поэзии, как, например, использование Державиным одного из «сонетов» в своем анакреонтическом стихотворении «Шуточное желание». Но эффект строился в данном случае на соотнесении авторского текста именно с заведомо непечатным — хотя и известным читателю — источником. Зрелый Державин наверняка воздержался бы от подобной переработки, если бы откровенно неприличный «сонет» был включен в общий поэтический ряд. В условиях же исключительно «подпольного» бытования барковианы тут имело место не обычное литературное «состязание», а некая игра, основанная на своеобразном озорстве: литературный текст отсылал к тому, что лежит за пределами литературы, т. е. чего как бы и нет, но что присутствует в ином культурном измерении. В этом заключалось лукавое озорство державинских стихов. Еще более наглядно данный принцип обыграл Рубан, поместив в своем журнале переделку «Оды пизде». Эта публикация имела смысл лишь при условии ее правильной интерпретации: читатель должен был понимать, что перед ним известное барковианское стихотворение, «замаскированное» под печатную литературу. Самостоятельного художественного значения «Ода в похвалу любви», в отличие от «Шуточного желания», не имела, а представляла собой условный знак, намек не непристойные стихи[98]. Интерес публикации был в том, что печатное отсылало к непечатному.

Случаи же публикации текстов непосредственно барковианы в русской печати XVIII–XIX вв. нам неизвестны. Правда, в архиве неутомимого библиографа С. Д. Полторацкого сохранился листок с загадочной записью. Он находится в подборке выписок об И. Баркове. Данная запись датирована Полторацким «Брехово. 8/20 сент. 1832» и гласит: «Барков. Свед<ения?>. Дом был на Девичьем поле; управитель у него Крупицын, Алексей Алексеич. — Напечат. его произвед<ения> с портретом, кот. мне подарен Шул<ыгиным?> в 1829, а книжку печатную он — сжег; об<язательно?> достать; равно 6 рукописн<ых> тетрадей и книжку, напечат. в его типографии, О браках, перев<од из> Вольтера»[99].

В точности объяснить смысл этой записи затруднительно, не совсем ясно, о каком Баркове идет речь и он ли имел дом на Девичьем

поле (чем «срамной поэт» Иван Барков никогда похвастаться не мог), что за книга была издана, а потом сожжена? Может быть, что-то здесь удастся прояснить, но, возможно, наш главный персонаж к этому уничтоженному изданию отношения не имеет, хотя факт такой не исключен.

Других сведений о возможных нелегальных русских изданиях «нецензурного» Баркова в XIX в. у нас нет.

Между тем сакраментальность имени Баркова была столь сильна, что интерес к его фигуре настойчиво искал своего разрешения в печати, и во второй половине XIX в. половинчатый выход был найден: произведения Баркова стали появляться в печати, правда, это были не «главные», не истинно знаменитые — пусть понаслышке — тексты. Публикаторы пошли двумя путями: во-первых, вспомнили о вполне «литературных» сочинениях Баркова — академического переводчика, издававшихся в XVIII в., а во-вторых, началось введение в научный оборот приписывавшихся ему рукописных полемических произведений, не относящихся к непристойной барковиане.

Согласно свидетельству Я. Штелина (см. с. 33 наст, изд.), полемические стихи Баркова уже с начала 1750-х гг. распространялись в достаточно большом количестве. Однако обращение позднейших исследователей к рукописной литературе показало, что его имя фигурирует лишь в связи с единичными текстами. Более того, остался неизвестным корпус произведений, соответствовавших бы штелинскому определению «на глупости новейших русских поэтов». Одно из ранних конкретных указаний на наличие атрибутируемых Баркову стихов в рукописном сборнике XVIII в. содержится в заметке П. П. Пекарского, сопровождавшей его публикацию эпиграммы на Шишкина и пародии на Сумарокова, автором которых был назван Ломоносов. В этом, датируемом примерно 1770-ми гг., сборнике «различных стихотворений, по большей части неудобных к печати», ряд текстов был подписан именем Баркова[100]. Что это за тексты, Пекарский не сообщил, но есть основания думать, что среди них были и не относящиеся к «Девичьей игрушке», а примыкающие к известной полемике 1757 г. вокруг «Гимна бороде» Ломоносова. Вероятно, на тот же самый сборник Пекарский ссылается и в биографии Ломоносова, где уже указывает, какие два стихотворения в принадлежащем ему (Пекарскому) сборнике приписаны Баркову: это «Пронесся слух…» и

«О страх! о ужас! гром!» Из neploro стихотворения цитируется 7, а из второго 18 (с пропусками трех слов) строк[101].

В наиболее изученном уже в XIX в. казанском сборнике «Разные стиходействия», куда вошел и полемический цикл о бороде (но тут имя Баркова не упоминается), поэту приписан один текст: «Баркова Сатира на Самохвала», представляющий собой пародическое осмеяние Тредиаковского. В развернутой характеристике сборника, данной А. Н. Афанасьевым, это произведение лишь упомянуто[102], а напечатано оно было уже в нашем веке Е. А. Бобровым, который писал в сопроводительной заметке:

«Имя Ивана Семеновича Баркова невольно вызывает в историке русской литературы грустное чувство. Один из даровитейших современников Ломоносова, Барков и свое дарование, и отличное знание русского языка <…> разменял на писание стихотворных мерзостей, циничных до последнего предела, которые самую фамилию Баркова сделали именем нарицательным и неудобно упоминаемым.

Разумеется, „Девичья игрушка“ (так в некоторых списках именуется собрание мерзостей Баркова) никогда не будет напечатана. <…> А между тем Барков писал не одну *барковщину.* Из одной рукописи XVIII века мы извлекаем любопытную сатиру Баркова на Самохвала, по-видимому, какого-то ученого педанта, служившего вместе с Барковым при Академии Наук. Из сохранившихся анекдотов о Баркове известно, что он отличался даром большого остроумия, доходившего до дерзости. Эти качества Баркова и его способности к беспощадному персифляжу вполне сказываются и в приводимой нами его сатире, как кажется, писанной с натуры. Избранный мишенью остроумия геллерт с педантическими ухватками обрисовывается как живой и в очень забавном виде»[103].

Е. А. Боброву (специально не занимавшемуся литературой середины XVIII в.) конкретный адресат сатиры остался неизвестен; научный анализ этого стихотворения Баркова и его участия в перепалке вокруг «Гимна бороде» был сделан П. Н. Берковым[104]. С тех пор заметный вклад в разработку данной темы внесла Г. Н. Моисеева, первоначально занимавшаяся Барковым в связи с его участием в научных трудах Ломоносова. В одном из сборников, составленных историком Г. Ф. Миллером, ею были обнаружены четыре стихотворения, атрибутируемые Баркову: «Сатира на

Самохвала», «Сатира на употребляющих французские слова в русских разговорах» и две «Эпиграммы»[105]. Тексты эпиграмм практически впервые вводились в научный оборот, сатира же «на употребляющих французские слова» была известна исследователям и ранее, так как она включена в казанский сборник «Разные стиходействия», правда, без подписи, и окончательных аргументов в пользу авторства Баркова по отношению к ней сейчас нет.

Хотя все эти публикации носили в основном научный, историко-литературный характер, но порой в них проскальзывал подтекст обращения к скандально известному имени, как это видно в заметке Е. А. Боброва.

Еще большую роль играла непристойная слава Баркова при массовых изданиях его «казенных» произведений[106]. Замысел такого издания возник в конце 1850-х гг. у неизвестного почитателя творчества поэта. По не совсем ясным причинам он не был осуществлен, хотя подготовительная работа в значительной степени была проделана. В ЦГАЛИ сохранилась тетрадь большого формата в пестром красном переплете из картона; она открывается материалами к готовившемуся изданию книги Баркова[107]. На первом листе наклеен портрет поэта с гравюры Афанасьева, второй лист содержит титульное заглавие и оглавление:

Вакханалический певец
Иван Семенович Барков
(с приложением его портрета)
Барков

1. Ода на рождение государя императора Петра III……. стр.
2. Лик (так!) Героев (драма), перев. с итальянского…….. стр.
3. Басни Федра, перев. с латинского ……. стр.
4. Сатира Горация «Тантал», перев. с латинского……. стр.
5. Стихотворение (приложенное при издании Сатир Г<орация>) стр.

Внизу — дата: «<Нрзб.>18.1858».

Но работа над материалами продолжалась и после 1858 г.

Далее в тетради следует очерк «Иван Семенович Барков» (л. 3-11, снабженный рядом примечаний, л. 12–16), после чего на л. 16-16об. помещен «Список напечатанных сочинений и переводов Баркова» (с указанием на отраженность изданий в каталогах Сопикова и Смирдина, со ссылкой на заметку С. Яковлева о «Мире героев» и с перечнем шести источников (словари и «Пантеон российских авторов» Карамзина), где упоминается Барков). После этого (на л. 17–45) находятся переписанные и даже частично отцензурованные[108] тексты произведений. Тут помещены «Ода» 1762 г., «Мир героев», две басни («Лисица и виноградная кисть», «Волк и ягненок», последняя вместе с латинским текстом), жизнеописание Федра, жизнеописание Горация и сатира «Тантал» с примечаниями.

Таким образом, книга по намеченному плану была составлена, но почему-то (из-за нехватки средств, из-за возникших цензурных препятствий?) не вышла. Между тем вступительный очерк представляет определенный интерес. В нем давались наиболее полные для своего времени биографические сведения о Баркове и характеристика его «вакханалических» произведений, были даже процитированы краткие выдержки из них (л. 5об.-6); автор также щедро высказывал свои соображения как о личности сочинителя, так и о его творчестве. Считаем нелишним подробно привести здесь эти материалы.

Главным источником сведений о Баркове для неизвестного составителя послужили не словари Новикова, Евгения Болховитинова и заметка Карамзина, которые были тоже использованы, а некая рукопись, о которой он в сноске рассказал следующее: «Года 4 тому назад, будучи в Москве, я купил случайно на Смоленском рынке рукописную тетрадь в 4-у; на заглавном листе ея был выставлен 1775-й год; писана же она была, как мне теперь помнится, почерком екатерининского времени. Почти половину ея занимали стихотворения весьма неприличного содержания и принадлежащие, большею частию, как то было видно из подписей под ними, Баркову; за стихотворениями следовало что-то вроде записок; озаглавлены оне, как помню, были так: „Жизни моея путешествие, или Знакомства и дружества с некоими из великих мужей“. Затем следовало оглавление лиц, вошедших в эти

записки. Самые записки, как помню, начинались Ададуровым (оне были разделены на главы; каждая глава заключала в себе одно какое-нибудь лицо, об котором автор и говорил сообразно тому, сколько знал; так что одна глава заключала в себе 1/2 стр., а другая — до 10). Не придавая тогда, по молодости, никакого значения этой рукописи, я выписал стихотворения Баркова из нее и все, что об нем было сказано в „записках“, заинтересовавшее более или менее меня, конечно переиначив слог записок на свой лад, и уехал из Москвы, оставив рукопись валяться вместе с другими тетрадями и книгами в моем сундуке, стоявшем незапертым на чердаке. Возвратившись опять чрез два года в Москву, я, к сожалению моему, уже этой рукописи в сундуке не нашел; несмотря на все мои усиленные поиски, она исчезла. Куда она девалась, не знаю; очень легко, что человек или горничная употребили ее для своих нужд. Это сведение о знакомстве Баркова с Ломоносовым[109] выписано мной, в числе других интересных подробностей о его жизни, оттуда».

Несмотря на точное (вплоть до «сундука») воспроизведение классического условного приема «найденной рукописи», особых оснований сомневаться в правдивости этого рассказа нет, тем более что восходящие к этому источнику сведения, используемые в тексте очерка, являются верными. Утраченная тетрадь, вероятно, была заполнена человеком, близким к Академии наук, о чем свидетельствует круг знакомств и осведомленность ее старого хозяина, отраженные в приложенном к стихам словаре «великих мужей». Эти материалы были использованы составителем невышедшей книги в биографической части вступительного очерка. Как и все, писавшие о Баркове, он не мог игнорировать «много устных анекдотов», однако наряду с ними чуть ли не впервые ссылался на документы времен учебы и службы поэта, привел текст постановления о его увольнении из Академии в 1766 г. (л. 9об.).

В этом же очерке содержался и пассаж о непристойных произведениях Баркова: «Вакханалические стихотворения Баркова преимущественно состоят из насмешек и пародий на сочинения Сумарокова и <…> Василия Кирилловича Тредьяковского. Все эти стихотворения до высшей степени циничны; несмотря на то, однако ж, местами в них видны проблески истинного таланта; большую известность из гих приобрела трагедия в 5 действиях «Милыя

желанья, или Красна смерть на…». Здесь на сцену выводятся некоторые из членов человеческого тела, представляющие из себя, каждый, как бы отдельную личность… Чтоб дать понятие о размере, каким написана вся трагедия, приводим из нее следующие два стиха:

О, вы пространные <муде>,
Которых и в подсолнечной не сыщется нигде![110]

К молодым произведениям Баркова принадлежит следующее оригинальное, хотя и не лишенное опять-таки циничности — без нее он уже не мог обойтись: она была для него конек! — двустишие, посвященное какой-то кухарке Агафье:

Надгробной просишь ты, любезная Агафья:
Ляг! мертвой притворись! — я буду эпитафья!»

Завершая очерк, неизвестный автор решительно высказался за необходимость издать в России непристойные произведения Баркова: «Заканчивая наш краткий очерк, так небогатый — сознаемся — подробностями жизни этого замечательного человека, мы считаем должным сказать, что нам кажется совершенно непонятным то предубеждение, какое у нас, в России, существует против вакханалических сочинений Баркова. — Отчего их не печатают?.. Кому оне могут — если бы были напечатаны— принести хоть какой-нибудь вред?.. Сочинения вакханалические Баркова могут только подействовать на человека, у которого вкус уже весьма и весьма развращен; а такой человек и без сочинений Баркова найдет себе всегда много пищи. Что же касается того, что в них часто встречаются названия **неприличные,** как их принято называть, то на это можно ответить: отчего же у нас считается **приличным** упоминать о **голове,** о **ногах,** о **руках,** а о других членах человеческого тела, не менее их благородных — не менее их служащих на пользу каждого человека, — считается **неприличным?..** Пора бы бросить эти глупые предрассудки — пора бы расстаться со всем старым!.. Новое нас дожидается, старое просится на покой — и скоро ли мы не будем заставлять дожидаться одного, а другое не уволим?.. Или лучше — чем все вперед да вперед

— повернуться назад и шашком, по пословице „тише едешь, дальше будешь“, доплестись по дедовской дорожке к до-петровскому времени?..

Если же для кого сочинения Баркова уж так невыносимы по своей непристойности, что он не может не только их читать, но далее и видеть, то — если бы оне были напечатаны — и не покупай их: вольному воля… а если, проходя мимо книжного магазина, случилось бы увидать их в выставке такому господину, то потрудитесь, М. Г., только голову в сторону отвернуть — труд, я полагаю, небольшой!..

А между тем сочинения вакханалические Баркова, переходя в рукописях из рук в руки, все более затериваются, и мы лишаемся, все более, фактов для оценки этого, опять повторяю, замечательного человека, который имел истинный талант, но погубил его, избрав ложную дорогу в жизни!.. Бог знает еще, что заставило Баркова сделаться горькой пьяницею и развратником — может быть, та же судьба, облеченная в какого-нибудь золоченого истукана, преследовала его, мучая по своей прихоти, — и попивал он, несчастная жертва людской глупости, шел в кобак и там за чашей зелена вина в объятиях падшей женщины, не менее, может быть, его несчастной, забывал свое горе… И вот ему, отуманенному винными парами, грезилась иная, славная, привольная жизнь… грезилось ему, что он властелин всего мира, все поклоняется пред ним… кругом его несметные богатства… а падшая женщина обращалась в первую красавицу— она ласкает его, и сколько неги, святости в ея ласках — и все ему завидуют… но просыпался — и та же опять невеселая действительность окружала его… вместо красавицы пред ним была отвратительная пародия на женщину, которую сами же люди довели до этого скотского состояния… Разочарование было огромное… И в это-то время, может быть, назло действительности-разочаровательницы, он брал перо и писал хвалебную оду всему его окружающему…»

Может быть в несколько упрощенном виде, но эти рассуждения верно отразили те новые социальные и отчасти нравственные представления, которые складывались у русской «прогрессистской» интеллигенции 1860-х гг. Характерно сопоставил интерес к «развратному» с принципами разночинского мировоззрения Ф. Н. Глинка; 26 декабря 1862 г. он писал М. П. Погодину из Твери: «Тревога ходит по земле; да коли б одна тревога, а то разврат, и самый гнусный,

гуляет по улицам. Читали ль Вы петербургскую клубничку? — Хуже барковщины! — И это еще ничего перед развратом мысленным! Вот один проповедует, что внутренность свиньи одинакова с внутренностью человека; значит: человек — свинья! — Другой пошел еще далее: лягушка, говорит, есть тот же человек, только недозрелый.

Надменный нигилизмом век,
Кому святое все игрушка, —
Твердит, что человек лягушка
И что лягушка — человек!!! —

А ведь семинаристы и гимназисты так и ловят налету эти учения: у них это все „прогресс“!»[111]

Восприятие барковской традиции в кругах русской разночинной интеллигенции середины XIX в. — особая тема[112]; для нас важно отметить наметившееся стремление к «реабилитации» Баркова, причем не с точки зрения «искусства», а главным образом как близкий разночинцам социальный тип, «униженный и оскорбленный XVIII в.», своеобразный Раскольников-литератор прошлого столетия. Этот образ (не имеющий ничего общего с действительностью) будет подхвачен и «углублен» уже в середине нашего века (см. в статье Андрея Зорина в наст, издании). Эта же тенденция сказалась и в статье при отдельном издании Баркова, причем ее положения во многом созвучны рассмотренному неизданному очерку.

Подготовленная неизвестным книга избранных текстов «приличного» Баркова не была издана, но в 1872 г. появился сборник «Сочинения и переводы И. С. Баркова. 1762–1764 гг. С биографическим очерком автора». Издан он был в Петербурге, в типографии В. С. Эттингера, и имел явно коммерческий расчет.

Книге был предпослан очерк, представлявший собой попытку создать биографию поэта на основе анекдотических преданий, не последнее место, о чем мы уже говорили, занимала и рефлексия по поводу социально-психологического типа Баркова. Автор очерка выстраивает и хронологию творчества поэта (при этом «продлевая» его жизнь на целое десятилетие), эволюция которого рисуется как

переход от «официальных» произведений к «барковщине». Приведем текст этого очерка, опустив пассаж с характеристикой Сумарокова.

> Едва ли найдется в истории литературы пример такого полного падения, нравственного и литературного, какое представляет И. С. Барков, один из даровитейших современников Ломоносова. Ни Альфред де Мюссе, ни Эдгар По не могут идти в сравнение с ним. Его <не>напечатанные произведения ни сколько не похожи на произведения подобного рода от Марциала до маркиза де Мазада <т. е. Сада>. В них нет ни эротических, возбуждающих образов, ни закоренелой цинической безнравственности, занятой системами разврата и теориями сладострастия. В них нет ни художественных, ни философских претензий. Это просто кабацкое сквернословие, сплетенное в стихи: сквернословие для сквернословия. Это хвастовство цинизма своей грязью.
>
> Этим наиболее известен Барков.
>
> Но у него есть произведения первой молодости, произведения вовсе не такого характера. Из этих произведений мы узнаем, что он обладал довольно большими литературными способностями. Ничего не было бы удивительного, если бы этот способный человек спился с кругу: у нас и теперь гибнет много способных людей, а в прежние годы почти все, сколько-нибудь даровитые люди, как будто в силу какой-то тяжелой необходимости, бросались в этот омут и нередко погибали в нем, не сделавши того, что в силах были сделать. Костров и Аблесимов тоже спились, но не так низко, как Барков. Не заключает ли причина этого падения печального, трагического элемента? — Кто знает, может быть этот человек, с несомненным дарованием, искал себе дела по способностям, так же, как искали и не находили его много русских людей. Кто знает, может быть, делая переводы по заказу академии, искажая Несторову летопись по приказу немца-начальника, Барков томился жаждою другой деятельности. Жажда не была утолена. Разочарованный, убитый, он видит один исход: потопить

тоску своего неудовлетворенного стремления в вине. Пьяница чувствует на себе презрение общества, понимает, что это общество само не заслуживает ничего кроме презрения. Он платит тою же монетою. — Вы презираете меня за то, что я грязен, говорит он, — посмотрите, я еще грязнее, чем вы думаете, презирайте меня, сколько душе угодно, я не боюсь вас. Погиб, так погиб. Он с болезненной злостью начинает сам преувеличивать свои недостатки, хвалится ими, в пику ходячим правилам общественной нравственности и приличий.

Насколько верно это наше предположение — библиографические <!> сведения о Баркове ничего не отвечают нам.

Мы знаем только, что литературная деятельность его началась около 1762 года, и что он умер в 1778 году. Все его произведения, не носящие на себе того характера, представителем которого служит в нашей литературе он сам, были написаны им около 1762-63 годов. К этому времени относятся его переводы с латинского и итальянского и несколько оригинальных статей. Барковщину он начал писать уже позднее. Первоначальным мотивом этих произведений, по всей вероятности, было желание подтрунить над сумазбродным А. П. Сумароковым, над которым было в моде смеяться в то время. <…>

Его трагические безделки есть довольно меткие пародии (перевороты, как тогда говорили) на ходульно-торжественные трагедии Сумарокова. В этих трагических безделках герои говорят такими же длинными возвышенными стихами, как у Сумарокова, о самых непристойных и низких предметах.

Нечего и говорить, какое впечатление производили на самолюбивого и раздражительного Сумарокова эти безделки! Тогда водилось, что литератор прежде всего читал свое произведение в гостиной какого-нибудь знатного барина и, только перечитав свое произведение в нескольких домах, предавал его тиснению. Нередко случалось, что после чтения ужасающих сцен в трагедиях Сумарокова Барков вынимал из

кармана свою безделку и, к великому скандалу российского Расина, тешил холостую компанию своей сквернословной пародией.

Все эти пародии до сих пор еще сохранились в рукописях многих полуграмотных любителей, заучивающих наизусть все произведения подобного рода, уже потому одному, что оне запрещенные. Кроме пародий у Баркова есть еще множество стихотворений, пользующихся громадной известностью, каковы: «Подай-ка, Сенька, миску», «В задорной юности моей», «Жила девица Катерина» и проч. [113] Кроме того множество приапических стихотворений других авторов приписываются Баркову. Самые несообразные анегдоты рассказываются про него. Все они задевают одну черту характера: дерзкую, поражающую находчивость.

О смерти Баркова предание говорит, что он окончил жизнь самоубийством, оставив по себе записку: «Жил грешно и умер смешно».

Один анегдот об нем, за достоверность которого можно сколько-нибудь ручаться, показывает, что он не чужд был стремлениям подшутить довольно дерзким образом. Раз ему академия поручила какой-то перевод, и при этом он получил довольно дорогой экземпляр того сочинения, которое следовало перевести. Спустя долгое время и после многих напоминаний, Барков все уверял, что книга переводится, и, наконец, когда к нему уже начали приставать довольно серьезно, он объяснил, что книга действительно переводится из кабака в кабак, что сначала он ее заложил в одном месте, потом перевел в другое и постоянно озабочивается, чтобы она не залеживалась подолгу в одном месте, а переводилась повозможности чаще из одного питейного заведения в другое.

Больше мы ничего не знаем о Баркове.

В сборник были включены материалы из четырех отдельно изданных книг: «Житие князя Антиоха Дмитриевича Кантемира», предпосланное «Сатирам…» Кантемира, отредактированным

Барковым, переводы драмы «Мир героев», сатир Горация, басен Федра, двустиший Дионисия Катона и составленное Барковым «Житие Федрово».

Издание отрецензировал казанский библиограф П. П. Васильев, указавший на три не включенные в книгу работы Баркова: «Ода» Петру III (в конце XIX в. экземпляра этого издания не было в Публичной библиотеке в Петербурге, и оно оказалось недоступным даже С. А. Венгерову при составлении антологии «Русская поэзия»), «Летописец Несторов» и «Переводы с Латинского и Шведского языков». Вначале рецензент охарактеризовал сложившуюся литературную репутацию Баркова: «Иван Семенович Барков пользуется на Руси большею известностию как автор многих рукописных стихотворений, проникнутых крайним цинизмом и известных под названием барковщины. И несмотря на то, что со смерти Баркова протекло без малого сто лет (он ум. в 1778 году)[114], его рукописные стихотворения и по настоящее время ходят в множестве списках (!), возбуждая сочувствие в неразвитой среде нашего общества»[115].

Издание 1872 г. заметного общественного резонанса не вызвало. Большее значение имели публикации С. А. Венгерова: его статья о Баркове в «Критико-биографическом словаре», небольшая подборка переводов в «Русской поэзии»[116] и собрание разнообразных материалов о нем в 5-м выпуске той же антологии (СПб., 1895). Публикация Венгерова послужила основой для целого ряда стереотипных брошюр, рассчитанных на то, чтобы привлечь внимание покупателей скандально известным именем автора. Под заглавием «Сочинения Ивана Баркова. Писателя времен Екатерины» в начале XX века у разных издателей вышли книжечки объемом в 12–16 страничек[117]. Здесь были перепечатаны статья Венгерова и тексты из 4-го выпуска «Русской поэзии» (две федровы басни и пять двустиший Дионисия Катона). Никакого самостоятельного значения данные издания не имели, лишь тиражируя статью Венгерова.

Очерк Венгерова знаменателен тем, что в нем впервые в русской печати приведены довольно обширные рассуждения о непристойной барковиане с апелляцией к конкретным рукописям, хотя и без каких бы то ни было цитат и пересказов. Но все же конкретный историко-литературный анализ подменен разговором о национальной

нравственности русских, не к выгоде для них. Барков, по мысли ученого, явил собой «просто выражение низкой культуры его времени» и одновременно «кульминационное выражение» характерной «невоспитанности русской».

В 1920-1930-е гг., отталкиваясь от характеристики Венгерова, исследователи стремились наметить пути собственно литературоведческого изучения Баркова. Правда, конкретные штудии в основном уступали место декларациям, за разработку которых взялись лишь спустя десятилетия новые поколения ученых[118]. Что касается послереволюционных десятилетий, то тут следует отметить главу «Академический переводчик и срамной поэт Иван Барков» в книге Т. Грица, В. Тренина и М. Никитина «Словесность и коммерция» (М., 1929), где была предпринята попытка «концептуального» подхода к явлению барковианы с опорой на теоретические положения русских формалистов (концепции литературного быта и литературной эволюции, пародирования как историко-литературного явления и т. п.). Иначе к изучению темы подошел известный пушкинист М. А. Цявловский в связи с исследованием поэмы («баллады») Пушкина «Тень Баркова». Выясняя ее литературную традицию, Цявловский чуть ли не впервые извлек из рукописных сборников тексты барковианы и подготовил их к печати в качестве иллюстраций и параллелей к «Тени Баркова». Однако законченное в 1935–1936 гг. исследование Цявловского, предназначавшееся для академического издания Пушкина, издано не было[119].

Интерес к барковиане был и у другого выдающегося ученого, специалиста по русскому XVIII в., Г. А. Гуковского[120], которому, вероятно, принадлежит честь и первого публикатора в подцензурной печати подлинного барковианского (что не означает «барковского»!) текста.

О публикаторских намерениях Гуковского некоторое представление дает его переписка с редакцией «Литературного наследства»[121]. Уже в первом письме к И. С. Зильберштейну, обсуждая возможности публикации материалов. XVIII — начала XIX в., Гуковский намечает две темы: «подпольной стиховой литературы», включающей политическую и литературную сатиру, и второго комплекса, который «касается другого крыла подспудной поэзии — эротики, от Баркова до Лонгинова. В наст<оящее> время,

как известно вероятно и Вам, М. А. Цявловский издает кое-что из Баркова и псевдо-Баркова. Конечно, такое издание, как, напр., Л. Наел., не может иметь дела с прямой порнографией; но хорошо было бы, вообще говоря, тем или иным способом ввести в научный оборот сведения о поэтах и поэзии, некогда игравших огромную роль в литературной жизни, а ныне вовсе неизвестных даже специалистам» (л. 1об.-2; письмо от 23/IX 1931 г.). В следующем письме, от 1 октября, планы Гуковского уже конкретизировались: в числе материалов вольной поэзии он называет «непристойные стихи об Анне Ивановне» (л. 6). Именно они по тексту одного из сборников ИРЛИ были с пропусками ряда слов опубликованы в подборке «Подпольная поэзия 1770-1800-х годов», подготовленной Гуковским совместо с В. Н. Орловым[122]. Судя по ответам редакции, особого интереса барковианская тема у «Литературного наследства» не вызвала; однако Гуковский продолжал предлагать: «Можно бы дать еще, напр., поэму полупохабную (без „слов“ заборных) из псевдо-барковианского наследия» (29/1 1935 г., л. 151об.). Но редактор и тут охладил пыл исследователя, разъяснив, что «этой статьей или публикацией сборник должен открываться, следовательно, она должна быть в достаточной мере выигрышной. Псевдобарковская поэма явно сюда не подойдет…» (31/1 1935 г., л. 152). Судя по всему, подспудное изучение данной темы в литературоведении того времени велось, о чем свидетельствуют указания комментаторов на помощь их коллег в работе с рукописями «непристойных» текстов.

Последующие случаи публикации (также с купюрами) текстов бар-ковианы в Советском Союзе связаны с изысканиями Г. П. Макогоненко. Ряд цитат был приведен в его статье «Враг парнасских уз», а в издание двухтомника «Поэты XVIII века» вошла «Ода кулашному бойцу»[123].

И лишь в последний год барковиана XVIII в. появилась на страницах «официальной» печати, но эта тема выходит за рамки нашего краткого исторического обзора.

Другое дело — русская «потаенная» и нелегальная зарубежная печать XIX–XX вв. В ней барковианские тексты были представлены давно, но из-за слабой изученности и доступности этого материала давать цельный обзор и тут преждевременно; остановимся лишь на нескольких эпизодах[124]. «Персональные» сборники стихов Баркова в

нелегальной печати XIX в. нам неизвестны, правда, в подробно разбиравшемся уже очерке из несостоявшегося издания «Вакханалический певец» имеется указание в скобках: «В Германии издана книжка, собственно кажется в Дрездене, некоторых вакханалических стихотворений Баркова»[125], но следов данного издания обнаружить не удалось.

Под именем Баркова книги стали выходить за пределами России в XX в. Все это была, конечно, не подлинная барковиана, а более или менее поздние образцы обсценной поэзии. Наиболее известный среди них — поэма «Лука Мудищев», напечатанная как сочинение Баркова в Париже в 1969 г., затем неоднократно переиздававшаяся (в том числе в Лондоне: «Флегон Пресс»). В том же лондонском издательстве в 1981 г. была опубликована небольшая поэмка «Пров Фомич», тоже приписанная Баркову и сопровожденная вступительной заметкой, составленной А. Флегоном по материалам статьи Г. П. Макогоненко; эта публикация была подписана «Г. П. Макогоненко, доктор филологических наук, профессор Ленинградского университета», хотя к изданию советский ученый имел отношение не большее, чем сам Барков. В Тель-Авиве издательство «Рассвет» начало серию «Памятники русской поэзии XVIII века» книгой «И. С. Барков. Утехи императрицы»[126]. Все перечисленные тексты написаны не менее, чем спустя столетие после смерти «Баркова И. С», а скорее всего, все они (возможно, кроме «Луки») — поэтический продукт уже нашего века. Ссылки на ряд неизвестных нам изданий обычно таковы, что и не вызывают особого желания немедленно с ними ознакомиться. Например, в издающейся в Риге С. Князевым газете «Sex-Hit» заметка о Баркове, предваряющая публикацию приписанной ему «описательной поэмы» (жанровое обозначение наше. — Я. С.) «Письмо к сестре», заканчивается библиографическим указанием: «„Сочинения и переводы“ его изданы в Санкт-Петербурге в 1872 году под редакцией А. С. (!) Венгерова. Издание сильно искажено опущенными местами. Полное собрание непечатных произ<ведений?> без купюр и искажений вышло в Риге в 1932 году»[127]. Вероятно, именно из этого издания и черпается «барковское» наследие редактором газеты.

В 1986 году в Японии был отпечатан сборник «Венок Венере. Русские нецензурные стихотворения», где собраны материалы

любительских списков второй половины XIX в. (о типе этой продукции и ее изготовителях кратко говорится в исследовании М. А. Цявловского). Открывается книга, естественно, подборкой «И. С. Баркова». Более удивительно, что первый текст на самом деле барковианский — «Ода пизде» («О! общая людей отрада…»). Такая «нечаянная удача» не является результатом специальных усилий редактора, а отражает структуру изготовлявшихся на продажу массовых сборников XIX в., в которых удержались и единичные произведения «Девичьей игрушки».

Эта поздняя рукописная традиция совершенно не изучена, хотя предварительные наблюдения показывают, что состав текстов тут характеризуется большей устойчивостью, чем можно было бы предполагать, а следовательно, поддается типологизации. Изучение процесса селекции произведений, произвольности их атрибуций, текстуальных новаций и случаев произвольной контаминации различных сочинений может дать любопытный материал для анализа массового вкуса и законов бытования литературы в этой специфической тематической области. Но выводы здесь преждевременны.

Не была проведена и серьезная работа по изучению ранних (XVIII — начало XIX в.) списков барковианы. Указания типа «разные, многие рукописи», «один из многих списков» и т. п. использовались не только первыми авторами, писавшими о Баркове (Новиков, Евгений Болховитинов и др.), но и учеными на протяжении всего XIX в. Ссылки на конкретные сборники появляются уже тогда, когда хорошие ранние списки становятся редкостью. С. А. Венгеров зафиксировал две изученные им рукописи, попутно охарактеризовав общее положение дел: «В настоящее время <…> полные списки встречаются очень редко, и те, которые попадаются, писаны много лет тому назад, обыкновенно в начале нынешнего столетия. Гораздо чаще можно натолкнуться на отдельные пьесы, причем, однако же, следует отметить, что слава „барковщины“ так велика, что Баркову сплошь да рядом приписываются вещи, которые совсем ему не принадлежат. Стоит только вспомнить, что Барков умер в средине прошлого столетия и уже по одному языку не трудно будет распознать, что значительная часть скабрезных стишков, попадающих в секретные тетрадки с его именем, им и писаны не могли быть.

В нашем распоряжении были два чрезвычайно полных списка. Один из Публичной библиотеки — в 1814 г. принесенный ей в дар библиотекарем Поповым. Заглавие его „Девическая игрушка, или Собрание сочинений г. Баркова“. Другой список относится к 1802 году»[128].

Список Публичной библиотеки помещен и в «Библиографии» упоминавшейся коллективной книги «Словесность и коммерция» (М., 1929).

В дальнейшем в научных исследованиях и изданиях находим отсылки к следующим рукописям: из собрания Модзалевских, из библиотеки Института книги, документа и письма (в настоящее время находится в ИРЛИ: особое хранение, оп. 2, № 4) и ИРЛИ[129]. Г. П. Макогоненко и А. А. Морозов пользовались одним и тем же сборником ИРЛИ[130]. Привлекался исследователями и сборник, хранящийся в библиотеке Казанского университета[131]. В самое последнее время стали появляться публикации, основанные на учете нескольких рукописных источников, но настоящей систематизации рукописного свода барковианы произведено не было. Между тем это начальный необходимый этап изучения барковианы как явления литературы и культуры своего времени; без этой работы любые исследования будут покоиться на весьма шатких исходных основаниях. Как совершенно справедливо указал В. П. Степанов, конкретизация выдвинутых научных гипотез в настоящее время «наталкивается на полную неизученность барковианы в типологическом, историко-культурном и собственно историко-литературном отношении (круг авторов, их литературная позиция, атрибуции, связь с сатирической традицией и т. п.)»[132]. Поэтому к настоящему изданию мы сочли необходимым приложить краткое и предварительное описание основных изученных нами списков ранней барковианы, чтобы оно могло послужить исходной точкой для более полного и детального исследования данной рукописной традиции[133].

Никита Сапов

Обзор рукописных сборников барковианы

КАЗАНСКИЙ СПИСОК (КАЗ.)

Рукопись хранится в Отделе редких книг и рукописей Казанского университета, № 2383.

Сборник представляет собой рукопись в лист, 107 архивных листов; состоит из нескольких тетрадок со старой нумерацией; без переплета и титула, который, вероятно, утрачен. Бумага с филигранью «Pro patria», с эмблемой и девизом, на правой стороне — литеры «GR». Точно идентифицировать филигрань не удалось; возможно, соответствует № 341 в таблице Клепикова-Кукушкиной, т. е. бумага 1753 г. (см. Сборник статей и материалов БАН СССР по книговедению. Л., 1965), но может быть и более позднего производства. Рукопись является одной из наиболее ранних; вероятная датировка: 1760-е — начало 1770-х гг. Канцелярская скоропись нескольких почерков, одним из которых в тексты других писцов внесена правка, устраняющая искажения. Целый ряд текстов списан неисправно, со многими погрешностями.

В настоящее время первоначальный порядок рукописи нарушен, ее листы расположены хаотично; начальная композиция может быть восстановлена по сохранившимся оглавлениям и на основании старой нумерации листов.

Сборник состоял из четырех частей; 1–2 и 3–4 имели сплошную нумерацию листов — видимо, сборник был разделен на два тома, по две части в каждом. Том первый насчитывал 90 листов, том второй — 149; таким образом, всего было около 240 листов текста, т. е. в настоящее время сохранилось менее половины объема рукописи.

Сборник открывался «Приношением Белинде», затем следовало оглавление первой части (л. 2-58; оглавление сохранилось полностью, отсутствуют л. 14–30, 34–43); л. 60–90 составляли часть вторую (имеется оглавление; отсутствуют л. 83–90). Хуже сохранился второй том; оглавлений его частей нет. Имеется фрагмент начала третьей части со старой нумерацией л. 1-29 и два фрагмента из последней, четвертой, части, имеющие старую нумерацию л. 108–115 и л. 140–

149. На обороте последнего листа запись: «Конец IV части и всей книге».

Часть 1-я имеет строгую жанровую композицию: последовательно расположены 13 од, 21 басня, 23 эпиграммы, 9 мадригалов, 16 надписей, 6 портретов, 4 эпитафии, 11 «заготовок», 14 песен.

Часть 2-я начинается циклом «о бороде» (6 текстов), затем следуют произведения средней формы (оды «Описание утренней зари», «Исповедь монаха»; «Торжествующая баханка», «Разговор Любожопа с Любо-пиздом», «Суд у хуя с мудами» и т. д.), а также «Поэма на победу при-яповой дочери» («Сражение между хуем и пиздою о первенстве»); на этом сохранившаяся часть текстов кончается; затем шел цикл стихотворений против подьячих: «Стансы на происхождение подьячего», «Покаяние подьячего» и «Надгробная надпись подьячему». Завершали эту часть четыре «лекарства» («рецепты»), две «вывески» (в том числе и атрибутируемая обычно А. Нартову «Вывеска к Роленовой Истории»), «Надпись рыжему», «Объявление» и стихотворение «Зоил».

Часть 3-я начиналась «Речью Фомину понедельнику», затем шли две оды, 3 басни, «Сатира. Пойманной соловей», 4 эпистолы, 4 эклоги, элегия, 10 загадок, 5 надписей, 46 билетов, прозаическое «Писмо, принадлежащее к Гимну пьяной голове» В. К. Тредиаковского, 18 эпиграмм, стансы, 19 сонетов и три «рецепта порошку от угрей». Окончание этой и начало 4-й части неизвестно: между л. 29 и 108 (по нашему предположению, второй пагинации) — лакуна почти в 80 листов. Вероятно, сюда входили произведения из цикла, посвященного Ивану Даниловичу (на л. 14 об. — начало «Писма от Ваньки» к А. В. и Е. А. Олсуфьевым) и, возможно, какие-то драматургические произведения.

Ряд произведений в сборнике имеет подписи; по числу подписанных текстов этот список представляет наибольший интерес из всех, изученных нами. Так как целые фрагменты его не сохранились, то можно предполагать, что и там были атрибутирующие пометы (они даны только после текста произведения, а в оглавление не вынесены). Как правило, подписи представляют собой анаграмму фамилии, составленную из согласных. Подписи имеют произведения полемического цикла вокруг «Гимна бороде», открывающие вторую часть сборника (М. Лмнсв, В. Трткв, А. Смркв; «Гимн бороде над

бородами» («Не Парисов суд с богами…») подписан И. Бркв, т. е. Барков, но вопрос авторства остается не решенным; данный текст включен в «Полное собр. соч.» Ломоносова как «приписывающийся» ему). Много подписей и в части 1, в разделе од: Ода I подписана Амнсв (м. б. Лмнсв? — Ломоносов), Ода II — Члкв (Чулков), Ода XI — Бракв; тексты ряда од отсутствуют. В ч. 2 поэма (см. у нас «Сражение между…») подписана С.Г.Б. (Сочинение Господина Баркова), стихотворение «На актрису» Срквъ (Сумароков), «Стихи целке» — Бр (Барков?), «Суд у хуя с мудами» — А. Авв (?). Во фрагменте из ч. III имеются две подписи: под эпистолой «Приапу» Ф. Ммнв (Мамонов) и прозаическим «Письмом, принадлежащим к гимну пьяной голове» — В. Трдквск (Тредиаковский).

СПИСОК ГПБ-1

Рукопись хранится в ГПБ. Архивного шифра не имеет. Инвентарный номер 736/29. Поступила в библиотеку в 1929 г. Представляет собой книгу большого формата в ветхом и сильно испорченном переплете без нумерации листов. Имеет два титула. Один: «Своевольный Парнас, или Разные стихотворения». Другой: «Девичья игрушка, или Разные стихотворения, собранные для чтения от скуки». На первом титуле две владельческие записи разными почерками. Одна, тою же рукой, что заголовок: «Книга сия принадлежит Гвардии П.П.П.М.Г.». Три первые буквы, вероятно, должны быть расшифрованы как Преображенского Полка Поручику (Прапорщику, Полковнику). Две последние представляют собой инициалы, не поддающиеся идентификации. Другая позднейшая запись на той же странице: «Сия книга Устюского помещика Левонтья Яколича». Внизу второго титула «выходные данные»: «В С. Петербурге в 1777 году». На внутренней стороне задней обложки и прилегающем листе многочисленные чернильные и карандашные пометы и рисунки, скорее всего, рукой Левонтия Яколича. Среди них рисунок бюста Анакреона, запись «Ефим Васильич Еремеев из мехового ряду имеет две лавки», денежные расчеты и др.

Рукопись выполнена на бумаге разных сортов. Часть ее, вероятно, российского производства с воспроизведением иностранных филиграней: лев с мечом в короне, человек в шлеме с топориком в частоколе, надписей Pro Patria, Cz Honig, GR под короной, не поддается

безусловной датировке. Другая — ярославской мануфактуры Саввы Яковлева с филигранями ЯМСЯ и медведем с топориком в руках в щите, скорее всего, сделана в конце 1760-х — начале 1770-х гг. Дата 1777 год, возможно, обозначает первичное оформление рукописи, переписка которой началась раньше. В этой связи обращает на себя внимание отсутствие имени Баркова в заглавии сборника и даже отсутствие обозначения «Девичья игрушка» на первом титуле. Первые тексты сборника переписаны каллиграфическим почерком и сопровождаются виньетами, рисованными теми же чернилами. Рукопись, по-видимому, сброшюрована отчасти беспорядочно, и между текстами, написанными одним почерком, оказывается значительное количество пустых листов и стихотворений, занесенных другой рукой, вероятней всего, рукой Левонтия Яколича, которому можно предположительно атрибутировать значительную часть текстов, не имеющих соответствия в других списках. Время заполнения этой части сборника определяется здесь записью тем же почерком «Avril 1789».

Важнейшей особенностью списка является проведенная по тексту, написанному каллиграфическим почерком, правка, сделанная скорописью XVIII в. Правка эта не столько устраняет описки, число которых в списке невелико, сколько дает иные варианты и чтения. При этом как нижний, так и верхний слои текста имеют соответствия в других списках. Безусловно, владелец рукописи сверял доставшуюся ему копию с другим списком, находившимся в его распоряжении. Вместе с тем однозначно соотнести нижний и верхний слои правки с другими известными нам списками сегодня не представляется возможным. Тою же рукой, которой внесена правка, под рядом текстов обозначены авторы. Ода II подписана с < очинил > Чулков и тою же рукой на полях записаны стишки «Ручьями ты на нас», адресованные здесь ему же, Ода III «Приапу» и поэма «На победу Приаповой дщери» («Сражение… о первенстве») подписаны Сочинение Г<осподина> Б<аркова>, ода X «На день рождения» — сочинения А<дама> А<лсуфьева>, письмо Приапу — с<очинил> Ф. Мамо<нов> (Дмитриев-Мамонов). Имеют подписи и тексты, не вошедшие в настоящее издание. «Стансы на происхождение подьячего» и «На актрису Д.» подписаны «Сочинения А<лексан-дра> С<умарокова>», а иной, сравнительно с публикуемым здесь, текст «Оды прошедшей

молодости» сопровождается припиской: «Кажется не окончена и нет 6 стихов. Сочинена говорят Н. А. Замятиным». Одно из стихотворений, которое мы приписываем Левонтию Яколичу, «Ода к мудам», содержит ряд авторских примечаний. В частности, сочинитель делает сноску к имени Пирон, указывая: «Пирон, стихотворец французский, сочинивший оду Приапу, мною переведенную». Перевод этот, кроме двух строк, приведенных здесь же, неизвестен. В этой же оде содержится и любопытное упоминание о Баркове (см. вступ. статью, с. 8).

Сборник открывается «Приношением Белинде». Затем следуют оды (кроме XII и XVI), басни (по тексту наст, издания), «разные пьесы», элегии (I–VI), эпистолы, рецепты, прозаические тексты: «Последнее завещание одного ебаки», «Церемониал его погребения» и «Слово надгробное». Отметим здесь же не вошедшее в настоящее издание послание «К Другу на Тр. (?)», не встречающееся в других списках, связанное с «ива-но-даниловичевским циклом» и представляющее собой подражание сатирам А. Попа. Затем сюда вставлены двадцать два текста, часть из них предположительно почерком Левонтия Яколича. Из них в наст, издании публикуется только «Рондо на ебену мать», попадающееся и в других ранних списках. После них вновь идут стихотворения, переписанные тем же почерком, что и начало сборника: сонеты, эпиграммы, надписи, портреты, эпитафии, загадки и песни. К четырнадцати песням, переписанным одною рукой, подверстаны еще четыре, записанные другим почерком и не встречающиеся в прочих списках. Завершается сборник написанным той же рукой, что и последние песни, фрагментом оды «К музам я не прибегаю…».

В целом сборник ГПБ-1 является наряду с Каз. наиболее ранним и важнейшим в текстологическом отношении. Здесь обнаруживаются все произведения, включенные в настоящее издание за исключением пьес, двух од и нескольких совсем мелких стихотворений. По-видимому, и композиция основной части сборника отражает раннюю стадию формирования ядра «Девичьей игрушки».

СПИСОК ГПБ-2

Рукопись хранится в ГПБ, шифр — Q XIV-14. Озаглавлена «Девичья игрушка, или Сочинения Баркова». Представляет собой

книжку небольшого формата на 144 л. в зеленом переплете. Выполнена на иностранной бумаге с филигранями: «Sibille van Ketel» и «Wassenbergh», а также щитом с изображением рожка и буквами GR под щитом. На титульном листе сборника запись: «Сия книга принесена в дар Публичной Библиотеке помощником библиотекаря Поповым в 1814 г.». Даритель, несомненно, Дмитрий Прокофьевич Попов (1780–1864), сотрудник библиотеки и преподаватель греческого языка в Петербургском университете. По-видимому, подарок был приурочен к официальному открытию библиотеки в 1814 г. и, возможна, в то же время был изготовлен настоящий список, восходящий, однако, судя по его составу, к значительно более раннему источнику. Рукопись написана одним, весьма разборчивым, возможно, писарским, почерком, но содержит ряд искажений и пропусков, типичных для механической переписки.

Рукопись делится на три части. Первая открывается «Приношением к Белинде» и драмой «Ебихуд». Затем следуют тринадцать од (отсутствуют оды IX и XV, оды XI и XVI перемещены во вторую часть. При этом при нумерации од в списке № 8 пропущен. Вероятно, здесь должна была стоять ода «Кулашному бойцу», напечатанная в настоящем издании под № IX), девятнадцать загадок и 36 эпиграмм, из которых 14 (№ 1–9 и 17–21) не имеют отношения к барковиане и принадлежат А. Сумарокову.

Во второй части помещены 2 рецепта, 13 басен и портреты, билеты, надписи и ряд стихотворений, не имеющих здесь жанрового обозначения, но входящие в других списках в разделы «Песни» («Ай-ай-ау, о-хти-хти»), басни («Покаяние», «Неудачное искушение»), оды («Стихи отцу Галактиону», «На рождение пизды»), эпиграммы («Ссора», «Ебли-вая вдова» и др.). Здесь же помещены опыты прозаической барковианы: своеобразный прозаич. акростих (текст, приобретающий непристойный смысл при чтении левой части страницы до вертикального сгиба) «Наставления застарелого хуя», не встречающийся в других списках, а также «Последнее завещание одного ебаки» и «Церемониал его погребения», которые, напротив, пользуются в списках XVIII в. довольно широким распространением (Усп., ГПБ-1 и др.). Завершает вторую часть «Символ веры Ванюшки Данилыча».

Третья часть состоит из поэмы «Сражение…», стихотворения «Справедливый суд» («Суд у хуя с мудами»), элегий (IV–VII) и эпистол. Стоит отметить, что эпистолы «ивано-даниловичевского цикла» выделены в особую жанровую рубрику «Письма». Здесь помещена также не принадлежащая барковиане эпистола «На разлучение с винною дешевизною» («Мясистому волу»), которая в рукописных сборниках XVIII в. иногда атрибутируется Н. Н. Веревкину.

В целом сборник, невзирая на свое сравнительно позднее происхождение, представляет интерес продуманной, возможно, редакторской композицией и строго отобранным составом, восходящим почти исключительно к ранним образцам барковианы. Существенно, что в отличие от большинства других списков он не был изготовлен для личного пользования составителя, но предназначался для чтения и хранения в библиотеке.

СПИСОК ГПБ-3

Рукопись хранится в ГПБ. Шифр — Q XIV-109. Изготовлен в середине XIX в. в Публичной библиотеке. Представляет собой книжку в красном переплете, на бумаге с золотым обрезом. Полностью повторяет ГПБ-2, включая ошибки и пропуски, с добавлением во вторую часть популярной в позднебарковианской традиции стихотворной комедии «Лестное желание», написанной, вероятно, в первой трети XIX в.

СПИСОК Б. А УСПЕНСКОГО (УСП.)

Рукопись находится в собрании Б. А. Успенского.

Список представляет собой рукопись в позднейшем переплете, всего 189 листов; писана одним почерком, скорописью XVIII в., на бумаге 1784 г. Первые листы рукописи утрачены и восполнены машинописью. Отсутствуют титул, заглавие, оглавление. Разделения текста на части нет.

Список содержит весьма полный набор текстов раннего корпуса барковианы; выдержана строгая жанровая композиция. Подписи или атрибутирующие пометы отсутствуют.

Первый раздел — оды (14 текстов), затем следуют «Еклоги» (5), «Елегии» (7), поэма, «Епистолы» (7), две идиллии, сатира, «Разговор»;

потом идут 27 «притч», 15 «басен», 19 «загадок», 4 «дифирамба», 9 эпиграмм (распределение произведений между эпиграммами, баснями и притчами довольно условно); после этого— 12 «епитафий», 5 мадригалов и 5 «сонетов», столько же «рецептов», 14 «надписей», подборки «портретов» и «билетов», 10 песен. Завершают сборник разрозненные произведения: «Станс к Б.Е.М.», прозаическое «Последнее завещание», «Надгробная», «Слово надгробное», «Реэстр натуральным вещам», «Житие раскольника…» (известный памфлет на «Аввакумовского Скитника», приписывавшийся А. В. Олсуфьеву, Д. И. Фонвизину, М. Д. Чулкову), «Разговор в царстве мертвых» между Меркурием, Хароном, Миносом и Душою. Три последние прозаические текста к барковиане никакого отношения не имеют. Завершает сборник «Трагедия» (т. е. «Дурносов и Фарнос», но заглавие тут отсутствует).

СПИСОК ЦГАЛИ-1

Рукопись хранится в ЦГАЛИ, ф. 74, оп. 1, ед. хр. 2.

Сборник представляет собой 85 разрозненных листов, ранее, вероятно, сплетенных в тетрадь. Края листов недавно реставрированы, на л. 1–5 текст с левого нижнего края листа частично поврежден. Рукопись одного почерка — скоропись XVIII в. Сохранилась старая сплошная нумерация листов: 2-86, т. е. утрачен л. 1; возможно, он содержал оглавление сборника; отсутствует также и титул. Часть листов с филигранью «ПХ», «1785», что дает возможность ориентировочно датировать рукопись второй половиной 1780-х гг.

Основное содержание сборника — тексты ранней барковианы; жанровая композиция разрушена, подписей или иных указаний на авторство нет. Исправность списков хорошая.

Вначале идут оды № 3, 1, поэма «Сражение между хуем и пиздою…», «Разговор Любожопа с Любопиздом», затем 7 сказок и басен (№ 7, 9, 12–16 по нашей нумерации), далее 6 эпиграмм, а через лист вписаны еще 4 «пристойные» эпиграммы, после чего следуют «Послание к слугам…» Д. И. Фонвизина (под заглавием «Рассуждение о свете») и 3 текста полемического цикла «о бороде», между которыми помещено стихотворение «Справедливый суд». Далее —13 мелких текстов (эпитафии, загадки и т. п.), потом «Дурносов и Фарнос», затем 3 произведения «олсуфьевского цикла» об Иване Даниловиче

(несколько далее помещен другой, расширенный, вариант «Символа веры»). В конце сборника находятся ода № 4, элегия № 4, «Письмо от хуя к пизде» и ответ на него и некоторые другие тексты, после чего — драма «Ебихуд», а за ней ода № 14 (неполный текст), без отступа переходящая в сатирическое послание А. С. Хвостова, обращенное к Фонвизину (44 строки), которым и заканчивается сборник; л. 85об. остался незаполненным. Из числа «небар-ковианских» текстов в сборник еще входит «Величание», вариант известной сатиры на С. Г. Домашнева (см.: Русский архив, 1872, № 10).

СПИСОК ГБЛ-1

Рукопись хранится в ОР ГБЛ, ф. 218, № 502; поступила в 1954 г. от А. А. Кенеля.

Сборник в позднейшем переплете, II и 85 архивных листов. Начало утрачено, по сохранившейся старой нумерации сборник начинается с л. 50. Бумага Красносельской бумажной фабрики 1790 г., заполнен сборник в конце XVIII в. Основная часть сохранившегося текста (л. I — 82об.) вписана двумя почерками, с л. 83 — позднейшие приписки.

На корешке переплета вытеснено золотом «Барков. Стихи». На л. 1 магазинный штамп «Редчайшая». К сборнику подклеено письмо со штампом книжного магазина В. Г. Готье (л. I–II), адресованное собирателю Г. В. Юдину: «Москва. 26 ноября 1884 г. Господину Юдину в Красноярске.

Милостивый государь! Честь имею уведомить Вас, что на днях нам предлагали рукопись стихотворений Баркова. Цену назначают 150 руб. Мы просили ее не продавать до получения Вашего ответа. Рукопись писана рукою прошлого столетия, начинается с 50-го листа <…> и оканчивается 131. Содержит следующие стихи <…> и множество других. Формат ее 4° в переплете. Покорнейше прошу поторопиться ответом. Остаюсь <…> за В. Г. Готье Н. Капцов».

Основная часть текстов представляет собой произведения ранней барковианы, объединявшихся в корпус «Девичьей игрушки». Строгая жанровая композиция нарушена, но остаточная циклизация сохранена. Тексты не очень исправны, но тем не менее дают ряд важных чтений и вариантов.

Начинается сохранившаяся рукопись окончанием прозаической сказки, представленной во фрагментарной записи в «Заветных сказках» А. Н. Афанасьева (№ 5) и в полном варианте известной по сборнику Д. С. Зеленина «Великорусские сказки Пермской губернии» (Пг., 1914, № 70, вариант, с. 568). Далее идет притча «Приключение Француза с монахом, или чернцем», еще три текста басенно-новеллистической окраски (№ 9, 12, 15 по нашей нумерации «басен и притч») помещены ближе к концу сборника (л. 49об.-53), основная часть басен (8 текстов) сгруппирована в середине под общим заголовком «Разные басни».

На л. 3-10 вписаны две оды «Бахусу» и «Тряхни мудами, Аполлон…», за ними следуют три «песни» (№ 11, 14 и «Прекрасна цель биль-дюг, краса неизреченна…»), после чего — ода № 4, затем эпиграмма, элегия № 3, поэма «Сражение между хуем и пиздой о первенстве» (полный текст с подписью «Сочинения Г. Баркова» и отсылкой: «К сему принадлежит поема „В дом ебли собрались…“ на 115 листу»; указанный текст по архивной нумерации занимает л. 66-71об., он не встречается в основных списках ранней барковианы и, вероятно, написан в последнюю четверть XVIII в. в сборник вписан вторым из двух начальных почерков), «Разговор Любожопа с Любопиздом» (лишь 18 строк). Еще две оды (№ 13 и 9) находятся соответственно перед баснями и в самом конце основного текста сборника. После басен под общим заголовком «Элегия. Разные приключения» помещены три элегии: № 4–6. Собраны в циклы семь эпитафий, из которых лишь одна — барковианская (№ 2), тринадцать эпиграмм и столько же надписей, шесть портретов, сорок «билетов». Включены в сборник пять произведений полемического цикла «о бороде», причем в один текст объединены не только «Пронесся слух…» и «Отрекся миров ты и мира», как в известных казанских списках, но и «Переодетая борода» В. К. Тредиаковского. За этим циклом следует подборка из четырех стихотворений, объединенных тематически и — есть все основания полагать — принадлежащих одному автору. По ряду признаков их можно приписать литератору А. М. Брянчанинову (ум. в 1786 г.), товарищу и родственнику М. Н. Муравьева. На л. 72–78 — поэма «олсуфьевского цикла» «Осквернённый Ванюшка Яблошник» (сокращенный текст с пропусками). На л. 83-85об. — позднейшие добавления: стихотворения

«Фортуна», «Ебёна мать», «Кант», загадки; вписано, вероятно, в начале XIX в., в несколько приемов, разными почерками; последним из них в конце рукописи записано: «Писана < т. е. книга > Барковым. Цена 205 хуйов и пять пизд».

СПИСОК С-С

Рукопись хранится в ОР ГБЛ, ф. 622, к. 2, ед. хр. 1; поступила в составе коллекции Н. П. Смирнова-Сокольского.

Сборник представляет собой тетрадку малого формата в бумажной обложке, 39 листов. На л. I — владельческая запись «Густав Мерлин», на обороте первого листа: «Девичья игрушка; принадлежит Г. М. 1792 года, ноября 10 чис<ла>». Кроме основного, владельческого, почерка в сборнике имеется ряд записей другого лица. Вся тетрадь заполнена примерно в одно время.

На обороте обложки — карандашная запись Смирнова-Сокольского: «Один из списков эротических сочинений И. Баркова. — Объединялись обычно под названием „Девичья игрушка“. Этот список 1792 года. — В свое время расходились по рукам в огромном количестве (Словесность и коммерция. М., 1929)».

Первый владелец и переписчик сборника — обрусевший немец Густав Мерлин, был в военной службе.

Многие списки дают дефектные и искаженные варианты текстов; почерк небрежный, часты исправления (отдельные тексты можно принять за черновые, но это, вероятно, следствие исправления сделанной записи по другому списку, считавшемуся переписчиком «более точным», ср. л. 7 «Похвальные стихи хую» и др.).

В сборник включены главным образом малые жанры барковианы; строгой систематизации в порядке записей нет; атрибутирующие надписи отсутствуют.

Открывается сборник рядом небольших «приличных» текстов («Апреля первое число», загадки (загадка вторая, л. 3об. — похабная), эпиграммы, в том числе А. П. Сумарокова, «Стихи на Ломоносова»), затем, начиная со стихотворения «Неудачный отказ», идут тексты барковианы. Наиболее крупные произведения: оды № 1, 4, 10 и три строфы более поздней оды «Директор полный над елдою…», озаглавленной тут «Ода Бузнику». Кроме оды № 10 из «олсуфьевского цикла» в сборник включены «Символ веры» и нечасто встречающаяся

«Надпись к портрету Ивана Даниловича» (есть также в списке ГИМ). Еще в сборник вошли две элегии (№ 5, 6), две басни, песня № 2, озаглавленная здесь «Триумф», стихотворение «Целка». Основную массу текстов составляют эпиграммы, эпитафии, надписи и прочие мелкие формы. Ряд их объединены в циклы: под названием «Похвальные оды» помещено 8 из числа традиционных «надписей», сгруппированы 6 портретов, три рецепта. По всему сборнику рассредоточены 10 эпиграмм, полдесятка эпитафий и надгробий. Есть трехстишие на французском языке (л. 32); «Письмо» на л. 15об.-17 написано рифмованной и отчасти ритмизованной прозой. Завершает сборник подборка текстов мелких «речевых» жанров: «сонетов» и т. п. В конце — запись: «Конец. Аминь».

В собрании Н. П. Смирнова-Сокольского (ОР ГБЛ, ф. 622, к. 1, ед. хр. 22) хранится сборник «Скромные сочинения», принадлежавший Г. Г. Кушелеву (1790-е гг.), содержащий разрозненные тексты барковианы (в том числе 2 списка «Дурносова и Фарноса», с указанием авторства Баркова). Тетрадь 81 лл., списки Кушелева и разных лиц, есть черновые наброски.

СПИСОК ОС

Рукопись хранится в ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5499.

Представляет собой «часть III» «Остафьевского сборника», составленного кн. А. И. Вяземским. Там же, ед. хр. 5498, частично сохранилась первая часть с более полным оглавлением, написанным внуком первого владельца П. П. Вяземским, из которого следует, что списки различных стихотворений, главным образом «политического содержания и похабного», А. И. Вяземский объединял в группы под литерами русского алфавита, и «под буквой О» находились «Сказки, Елегия и притчи все похабного содержания», «под буквой П поэма при письме в стихах такого же содержания, что и предыдущий №, „Поэма в четырех песнях Ванюшка Яблошник“, ему же и посвящена <…>. Под буквой же П находятся кроме поэмы и другие стихотворения, относящиеся до Ваньки Данилыча». ОС (ед. хр. 5499) и представляет собой часть собрания «под буквой О». Это тетрадь, заполненная скорописью XVIII в. (явно не Вяземским), 21 лист; есть старая постраничная нумерация 1-45, на л. 1 теми же чернилами, что и старая нумерация, сверху проставлена буква «О». Тетрадь озаглавлена П. П.

Вяземским «Остафьевс-кий сборник», ч. III, им же составлено оглавление, подклеенное к обороту обложки, в нем тексты имеют номера с 25 по 37. Список плохой исправности, много неверных прочтений.

В сборник вошли пять басен (№ 3, 12–16 по нашей нумерации), четыре эпиграммы, эпитафия, рецепт, элегии № 1, 2. Завершающая подборку «притча» «Госпожа и волосочесатель» имеет подпись: «Сочинена господином Адалимовым». Тексты дают ряд вариантов, учтенных в нашей работе.

Как указывает нумерация произведений, это лишь фрагмент некогда обширного комплекса барковианы.

СПИСКИ ЦГАЛИ, ед. хр. 3-14

Сборники, собранные в ЦГАЛИ, ф. 74, оп. 1, ед. хр. 3-14, со стихотворениями и единичными прозаическими текстами «непристойного» содержания; начало XIX в. (1820-е гг.) — середина XIX в. В часть сборников входят тексты ранней барковианы.

ЦГАЛИ, ед. хр. 14 — тетрадь небольшого формата, в переплете с кожаным корешком, на котором вытиснено: «Творения Баркова. 2». 83 л., 158 стр. старой нумерации, на ненумерованной стр. 161 — содержание. Титул — «Творения Баркова. Часть вторая». Начало XIX в. Входят списки «Дурносова и Фарноса», «Ебихуда», Елегии V, Письма к Ивану Даниловичу, портретов, Оды XI и трех эпиграмм.

ЦГАЛИ, ед. хр. 11, 12, 13 — три тетради, заполненные одним почерком, в каждой по 22 л. На обложках: «Сочинения Баркова № 1 (№ 2, № 3)». Перед текстами — оглавления. Бумага 1812 г. Тетради включают произведения ранней барковианы, расположенные без определенной композиции и дополненные рядом позднейших текстов (особенно их много в ед. хр. 13. Включают ряд од, элегий, разных «пиес», в ед. хр. 12 — два драматических произведения: «Ебихуд» и «трагедия в трех действиях» «Васта», относящаяся явно к началу XIX в.

ЦГАЛИ, ед. хр. 3-10 —восемь тетрадей, от 15 до 20 л., большого формата; каждая имеет заголовок: «Сочинения Баркова. Тетрадь 2-я (ед. хр. 4 — тоже „2-я“, далее: 5-*я*, 6-я, 7-я, 9-я, 10-я, 11-я)». В конце ед. хр. 10 («тетради 11-й») запись: «Конец Баркова». Это — собрание коммерческих списков, изготовлявшихся для продажи. Тетрадки

включают массовую порно-эротическую поэзию, главным образом 1830-х — середины XIX в.; помещены и отдельные тексты ранней барковианы, произведения Пушкина, Лермонтова, Языкова, обычно в довольно искаженном виде; для увеличения общего объема ряд текстов повторяется в разных «тетрадях».

СПИСОК ГИМ

Рукописи хранятся в Отделе письменных источников ГИМа. Шифр: ф. 17, оп. 2, ед. хр. 631–634. Они принадлежали известному археологу Алексею Сергеевичу Уварову (1828–1864), сыну министра просвещения С. С. Уварова. Представляют собой четыре книжки малого формата в одинаковых коричневых переплетах, озаглавленные «Сочинения Баркова», ч. I–IV. Списки изготовлены в начале XIX в. на бумаге без водяных знаков. В первую часть вошли «Приношение Белинде», 14 од, из которых две, «Утро» («Латонин сын еще с Фетидой забавлялся») и «На день рождения» («Какое чудное явленье»), не зарегистрированы в других списках. Кроме того, здесь помещены элегия VI, «Письмо к Приапу», два сонета под заглавием «Стансы» и редко встречающиеся тексты: «Надпись на Ванькин портрет» и «Стихи к хую и пизде». «Письмо Приапу» и находящаяся рядом «Ода Приапу», последняя, вероятно по ошибке, подписана: Ф. Мамонов. Других указаний на авторство в сборниках нет. Главное место во второй части занимают трагедии «Дурносов и Фарнос» и «Ебихуд». Кроме них здесь помещены Элегия V, портреты, ода XI, одна эпистола А. Олсуфьева и три эпиграммы: одна барковианская и две пристойные эпиграммы, соответствующие № 8 и 9 в ГПБ-2. Третья часть включает в себя 5 эпитафий, 18 эпиграмм, надписи, рецепты, 10 басен, три эпистолы из «ивано-даниловичевского цикла», билеты, эпистолы I и II, а также прозаич. «Последнее завещание одного ебаки» и «Церемониал его погребения». Последняя часть занята исключительно двумя драматическими произведениями: первая пьеса «Беседа нощная, или Русские в Риме», представляющая собой, как установил В. П. Степанов, пародию на пьесу П. С. Потемкина «Русские в Архипелаге», написанную в 1770-е гг., и вторая — комическая опера «Осмеянные ебаки в двух действиях», датированная в списке 1 ноября 1790 г. Список ГИМ, несмотря на свое позднее происхождение, содержит ряд существенных чтений и вариантов, а кроме того, он представляет

интерес, поскольку в нем отложились ряд произведений ранней барковианы, оставшихся за пределами основного корпуса «Девичьей игрушки».

СПИСКИ ИРЛИ-1, ИРЛИ-2

К сожалению, рукописи, хранящиеся в ИРЛИ (шифры спец. фонд, оп. 2, ед. хр. 4 и спец. фонд, оп. 2, ед. хр. 5), остались для нас недоступными. Мы получили возможность лишь бегло познакомиться с их оглавлениями. ИРЛИ-1 (ед. хр. 4) представляет собой книжку среднего формата в зеленом переплете на бумаге ярославской мануфактуры 1795–1798 гг. ИРЛИ-2 — два тома большого формата в переплетах, изготовленные в 1820-1830-х гг. Основное значение списков ИРЛИ состоит в том, что ими пользовались все исследователи барковианы от С. А. Венгерова до Г. П. Макогоненко. Список ИРЛИ-1 носит заглавие «Девичья игрушка, или Сочинения Баркова», ИРЛИ-2 — «Девичья игрушка, или Полное собрание эротических, приапических и цинических стихотворений Ивана Семеновича Баркова, знаменитого русского песнопевца в сих родах пиитических произведений и бывшего переводчика при императорской Академии Наук». Оба сборника организованы по традиционным жанровым рубрикам. Так, список ИРЛИ-2 делится на четыре раздела. В первый — лирические стихотворения — входят оды и песни, во второй — эпические стихотворения — поэмы, притчи и сказки, в третий— драматические стихотворения — пьесы, разговоры и сцены, в четвертый— смешанные стихотворения — эпистолы, идиллии, билеты, эпиграммы, акростихи и рецепты, загадки, эпитафии и экспромты. Учитывая, что значительная часть текстов барковианы обладает лишь жанровыми обозначениями, а заглавия других текстов крайне неустойчивы, по оглавлению достаточно трудно составить представление о реальном содержании сборников. Вместе с тем обращает на себя внимание их значительный объем и полнота. Здесь содержится большая часть текстов, составляющих основное ядро «Девичьей игрушки» и значительное число произведений, не встречающихся в других сборниках барковианы. Среди последних отметим оды «На торжественный день пришествия души подьячего во ад», которую активно цитирует Г. Макогоненко, и «Невским гарнизонным солдатам», текст, не имеющий обсценного характера и

фигурирующий в рукописных сборниках XVIII в., оперу «Дрочильщик» — пародию на «Точильщика» Н. И. Николева (1783) и многое другое. Особый интерес представляет содержащееся в ИРЛИ-2 «Предисловие собирателя», ознакомиться с которым нам не удалось. Составители выражают надежду, что в дальнейшей работе над материалом доступ к спискам ИРЛИ будет им предоставлен.

Составители были бы признательны за указания на любые не учтенные здесь списки барковианы XVIII в. и помощь в ознакомлении с ними.

Сокращенные обозначения упоминаемых архивохранилищ

ААН — Архив Академии наук. Петербургское отделение (С.-Петербург).

ГБЛ — Гос. библиотека им. Ленина. Отдел рукописей (Москва).

ГИМ — Гос. Исторический музей. Отдел письменных источников (Москва).

ГПБ — Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Рукописный отдел (С.-Петербург).

ИРЛИ — Институт русской литературы Академии наук (Пушкинский Дом) (С.-Петербург).

ЦГАДА — Центральный гос. архив древних актов (Москва).

ЦГАЛИ — Центральный гос. архив литературы и искусства (Москва).

Комментарии

Настоящее издание представляет собой первую попытку научного издания «Девичьей игрушки», разумеется, не решающую всех проблем, связанных с этим обширным и, невзирая на публикации последних лет, еще не исследованным массивом русской поэтической культуры XVIII века. О «полной неизученности барковианы в типологическом, историко-культурном и собственно историко-литературном отношении» писал в «Словаре русских писателей XVIII века» В. П. Степанов. Поэтому данный сборник представляет собой скорее начало освоения этого многообразного материала и первичное введение его в оборот, чем итоги, пусть даже предварительные, такого освоения.

В основе состава и композиции книги лежит выдвинутая составителями гипотеза о возможности реконструкции первоначального ядра «Девичьей игрушки». Дело в том, что проведенный анализ ранних списков барковианы (см. статью «Обзор рукописной барковианы XVIII века») показывает: практически все они (за исключением отчасти ГПБ-2, безусловно, ГПБ-3) изготавливались любителями подобной литературы для собственного пользования. Соответственно, переписчики были мало озабочены полнотой и аутентичностью состава и верностью текста. Они легко могли выкидывать не заинтересовавшие их произведения и добавлять что-то от себя. Действительно, просмотренные списки существенно разнятся по составу и композиции. Вместе с тем, и это, пожалуй, самое существенное, исходный корпус текстов в основном поддается реконструкции. При том, что ни один из перечисленных нами списков не восходит к другому и не повторяет другой, большая часть входящих в них произведений повторяется, по крайней мере, в пяти-шести списках. Эта близость друг к другу вариантов «Девичьей игрушки» становится особенно наглядной, если сопоставить их с копиями XIX века, в которых те же стихотворения произвольно перемешаны с более поздними, не обнаруживающими между собой никакого соответствия. Таким образом, если отсеять из ранних списков тексты, встречающиеся лишь один-два раза, то можно осторожно утверждать,

что оставшееся будет более или менее близко к первоначальному ядру «Девичьей игрушки».

Существенный элемент структуры большинства барковских сборников составляет их четкое жанровое деление. (Только в списке ЦГАЛИ оно отсутствует, и все стихотворения идут там вперемешку.) При этом жанровые представления переписчиков были весьма условны, и логику отнесения тех или иных произведений в соответствующие рубрики понять подчас совершенно невозможно. Более того, одни и те же произведения сплошь и рядом оказываются в разных списках в различных жанровых отделах. Не говоря уж о таких малоразличимых жанрах, как басня и притча, здесь путаются оды и эклоги, мадригалы и эпиграммы. Однако общее стремление переписчиков к рубрикации остается неизменным. В этой псевдосистематичности сказывается, конечно, влияние поэтики классицизма с его стремлением к универсализму и всеохватности, сочетающейся с тенденцией к расчленению, к таксономической строгости, к подчинению пестроты мира рассудочно выработанной иерархии с ее сетью координат и категорий.

В связи с этим составители сохранили в настоящем издании деление текстов по жанрам, представляющее собой, по существу, единственную возможность их систематизации. Нами выделены основные жанровые рубрики, более или менее регулярно проходящие через различные списки «Девичьей игрушки» и сохраняющие более или менее (см. выше) устойчивый состав: оды, поэмы, эпистолы, элегии, эпиграммы, надписи, портреты, билеты, эпитафии, сонеты, рецепты, загадки, песни, драмы. Басни и притчи сведены в одну рубрику. Тексты, систематически встречающиеся в барковиане, но не имеющие четкого жанрового приурочения, сведены в рубрику «Разные пиесы». Жанровые разделы, встречающиеся окказионально (эклоги, идиллии, мадригалы, дифирамбы и др.), не выделяются, а включенные в них произведения печатаются в рубриках, где они обнаруживаются наиболее часто, или в «Разных пиесах». В целом композиция настоящего сборника в наибольшей мере ориентирована на самые ранние источники: ГПБ-1 и Каз., однако учитывает и другие списки.

Особо следует сказать о текстах, не вошедших в настоящее издание. Сюда не включены произведения, периодически включавшиеся в бар-ковские сборники, но не имеющие прямого

отношения к барковиане: стихотворения, связанные с «Гимном бороде» Ломоносова, некоторые эпиграммы Сумарокова, Державина, «Послание к слугам» Фонвизина и др. Не вошли и обсценные стихотворения «На актрису Д.» и «Происхождение подьячего», по-видимому, принадлежащие А. Сумарокову и резко отличающиеся от основного массива барковианы. Эти произведения должны составить отдельную публикацию. Также существенно вытеняется на общем фоне «Сочинений Баркова» так называемый «ива-но-даниловичевский цикл», связанный с кружком А. Олсуфьева и разнообразно представленный в некоторых списках «Девичьей игрушки» (см. вступительные статьи). Из этого цикла в настоящем издании представлены только три стихотворения, встречающиеся практически во всех списках «Девичьей игрушки» и составляющие неотъемлемую часть соответствующих жанровых рубрик. Это ода «На день рождения Та<тья-ны> Ива<новны>», элегия «На отъезд в деревню Ванюши Данилыча» и «Символ веры Ванюшки Даниловича». Во всех списках стихотворения эти помещаются отдельно от других произведений, связанных с именем Ивана Даниловича. Не включены в данное издание и опыты прозаической барковианы, по-видимому, находящиеся за пределами первоначального ядра «Девичьей игрушки».

В некоторых списках «Девичьей игрушки» отдельные стихотворения подписаны, что не может служить окончательным основанием для атрибуции, но, по крайней мере, свидетельствует о наличии устойчивой традиции. Из стихотворений, вошедших в настоящее издание, с именем Баркова традиционно связываются «Ода III „Приапу“» и поэма «Сражение между хуем и пиздою о первенстве». Данные литературных полемик середины XVIII века (см. биографический очерк) дают возможность с большой долей уверенности приписать ему также трагедию «Дурносов и Фарнос». «Ода II „Пизде“» часто приписывается М. Д. Чулкову, а «Письмо Приапу» — Ф. Д. Дмитриеву-Мамонову. (Подробней об единичных атрибуциях см. в комментариях к отдельным жанрам.) Что до остальных текстов, то не подлежит сомнению, что значительная их часть сочинена Барковым, однако предложить сегодня сколько-нибудь серьезные критерии для их выделения из общего массива не представляется возможным.

При издании «Девичьей игрушки», естественно, не может не встать вопрос о выборе текста. Отсутствие автографов или хотя бы прижизненных списков не позволяет решить его сколько-нибудь определенным образом. Во всех без исключения известных нам рукописях текст испорчен порою до полной невразумительности. В этой связи представляется целесообразным опереться на подход, который был бы основан на принципах не столько литературной, сколько фольклорной текстологии. Если, как уже говорилось, можно попытаться на основе различных источников реконструировать исходный состав, то таким же способом возможно идти в направлении реконструкции исходного текста. По-видимому, первым критерием должен быть формальный: варианты, сохраняющие рифму и размер, предпочтительней, чем их разрушающие. На второе место следует поставить содержательный критерий: осмысленное чтение предпочитается бессмысленному. Затем по степени значимости идет количественный показатель: вариант, встречающийся в трех-четырех списках, обладает большей достоверностью, чем зафиксированный лишь однажды. И наконец, при прочих равных условиях следует прибегать к хронологическому критерию — выбирать чтения, содержащиеся в более ранних списках.

Разумеется, следует иметь в виду, что полученный таким образом сводный текст представляет собой всего лишь исследовательскую реконструкцию, основанную на контаминации — приеме, не пользующемся популярностью в современной текстологии. Однако практическая работа по подготовке данного издания показала, что вышеописанный способ — единственный, позволяющий получить текст, почти свободный от откровенной бессмыслицы и искажений, нарушающих стихотворную форму. Конечно, при выборе вариантов должны быть начисто исключены как вкусовые предпочтения, так и произвольные конъектуры. Кроме того, этот подход может иметь право на существование только до тех пор, пока не обнаружена сколько-нибудь авторитетная рукопись «Девичьей игрушки». Таким образом, тексты настоящего издания реконструированы в основном на основании четырех списков: ГПБ-1, Каз., Усп. и ЦГАЛИ-1. Чтения других списков учитывались выборочно, когда основные не давали согласованного и осмысленного решения.

Избранный составителями текстологический принцип, основанный на реконструкции, заведомо исключал попытки сколько-нибудь систематически воспроизвести графику и пунктуацию подлинника. Любые усилия такого рода привели бы не к сохранению специфических элементов текста, но к увековечиванию ошибок переписчиков, каждый из которых был еще к тому же неграмотен по-своему. Соответственно, орфография и пунктуация приближены к современным нормам — сохранены лишь отдельные, наиболее устойчивые написания, передающие колорит эпохи.

В дополнениях к основному корпусу «Девичьей игрушки» мы публикуем оригинал и подстрочный перевод «Оды Приапу» французского поэта А. Пирона, ставшей источником не только обеих одноименных од «Девичьей игрушки», но и многих других произведений обсценного рода в России, а также «Оду в похвалу любви» В. Г. Рубана, служащую эвфемизированной переработкой «Оды I. Победоносной героине…». Кроме того, в книге приводятся образцы стихотворений и переводов И. Баркова, как предназначенных для печати, так и распространявшихся в рукописях, но не имеющих обсценного характера.

Комментарий к отдельным произведениям, публикуемый в настоящем издании, сделан по необходимости кратким. В него входят сведения о встречаемости соответствующих произведений или жанров в различных списках, источниках текста, сведениях об авторстве и др. Варианты и разночтения, а также источники цитат и перифраз не приводятся.

За помощь в розыске необходимых в работе материалов составители приносят благодарность В. Н. Сажину, Б. А. Успенскому, А. Б. Устинову.

И последнее. Обращение к материалу подобного рода принято обычно оправдывать апелляцией либо к его особой культурной значимости, либо к характеру решаемых исследовательских задач. Составители не видят необходимости прибегать ни к той, ни к другой стратегии. Место, которое занимает барковиана в истории русской словесности, несомненно, но достаточно ограничено. С другой стороны, абсолютная неосвоенность этого пласта позволяет на настоящем этапе лишь ввести его в оборот и осуществить первичную обработку, оставляя систематический научный анализ и осмысление на

будущее. Вместе с тем, и об этом следует сказать с полной определенностью, составители не считают, что публикация по существу неизвестных текстов, вызывающих сегодня как читательский, так и исследовательский интерес, требует каких бы то ни было объяснений и оправданий.

Приношение Белинде[*]

Данное предисловие, написанное как бы от лица составителя «Девичьей игрушки», занимает в ее композиции важнейшее место, объединяя различные произведения и жанры в одну книгу. Оно содержит также указание на принадлежность сборника разным авторам. Печатается по ГПБ-1, сверенному с ГПБ-2 и Каз. Встречается также в ИРЛИ-1 и ИРЛИ-2.

Белинда — имя героини поэмы А. Попа «Похищение локона» (1711). Поэма была впервые переведена на русский язык в 1748 г. и напечатана в 1761 г. под заглавием «Похищенный локон волосов».

Оды[*]

Как и в литературной иерархии середины XVIII в., в жанровой системе барковианы ода занимала центральное место. Разделом од обычно открывались барковианские сборники; это положение нарушается лишь к 1790-м гг., ср. С-С, ГБЛ-1 (правда, неизвестно, чем в последнем случае были заняты первые 50 листов). В основных сборниках выделяются главная подборка одических текстов (12 произведений в Каз., 14 в Усп., 15 в ГПБ-1, 13 в ГПБ-2 и т. д.) и ряд произведений жанра, помещенных отдельно от нее; если сборник имеет разделение на части, то и эти оды обычно тяготеют к началу очередной части (ср. оды в начале ч. 2 и 3 Каз.). Состав одического раздела, в том виде, в каком он представлен в настоящем издании, сформировался в 1750-1760-е гг. и более или менее устойчиво переходил из сборника в сборник. Большей вариантивно-стью отличалась композиция раздела, но и тут наблюдались свои закономерности, анализ которых мы попытались реализовать в предлагаемом расположении текстов, не повторяя структуру какого-то определенного списка, но выстраивая некий инвариант.

Три главных сборника — Каз., Усп., ГПБ-1 — открываются двумя одами, обращенными к «пизде»; оба текста восходят к знаменитой

приапической оде А. Пирона и представляют собой своеобразное поэтическое состязание. Вероятно, исходной была Ода I, традиционно приписываемая И. Баркову и эвфимизированная В. Рубаном. Ее можно рассматривать как один из главных и «отправных» текстов ранней барковианы.

Автор Оды II рассматривался как «соревнователь» в обработке той же темы; выступивший в качестве «арбитра» литератор-современник вынес свою оценку спора (не в пользу Оды II) в «Похвальных стансах…», которые традиционно следуют после текста оды. Практически все рукописи автором Оды II согласно называют М. Д. Чулкова (1734?-1793), плодовитого литератора, много писавшего в сатирических и бурлескных жанрах. Ода II либо прямо подписана его именем (С. Чулков — ГПБ-1, Члкв — Каз.), либо оно указано в стихах, обращенных к автору. В ГПБ-1 рядом с «Одой похвальной автору…» записан такой «сонет»:

Ручьями ты на нас,
Как [чашкой][134] невской квас,
Кастальской льешь воды,
Премудрый о Чулков!
За все ж твои труды
Ста три тебе хуёв.

Между тем в основных списках Ода I подписи не имеет; исключение составляет Каз.; но тут она подписана не именем Баркова, а весьма любопытной криптограммой «Амнсв»; если первое «А» прочесть как «Л», то подпись с несомненностью указывает на Ломоносова; ничего невероятного в этом нет, но определенные утверждения невозможны без дополнительных данных.

Тематически и функционально к первым двум одам близка третья, «Приапу» (в Каз. она идет 10-й, в Усп. и ГПБ-1-4-й, в ГПБ-2 —3-й). Ее список ГПБ-1 атрибутирует Баркову («Сочинение Г. Б.»), в Каз. ее текст не сохранился, и неизвестно, был ли он и как подписан. ЦГАЛИ-1 и ИРЛИ демонстрируют выдвижение этой оды на первый план: тут она открывает собой сборники. Текст оды тоже отчасти (хотя в меньшей степени, чем Оды I) (восходит к А. Пирону, но

знаменательно сохранение пироновского заглавия как указание автора на прямую преемственность по отношению к одному из основополагающих произведений европейской традиции. «Ода Приапу» также вызвала поэтическое состязание (см. Оду XIII); есть свидетельства, что «соревнователем» выступил И. П. Елагин (1725–1793). М. Н. Лонгинов сообщал о рукописи XVII в., в которой параллельно были записаны версии «Оды Приапу» Баркова и Елагина (см.: Русская поэзия, т. 1, вып. IV. СПб., 1894, с. 719). Но если с некоторой уверенностью Баркову можно приписать Оду III, то является ли именно Ода XIII елагинским текстом, сказать затруднительно. Маловероятной представляется подпись под этой одой в ГПБ-2: «Ломоносов». К данным двум одам примыкает и «Письмо Приапу», помещенное нами (как и в ряде списков) вместе с «епистолами». В рукописях (Каз., ГПБ-1) его автором называется Ф. И. Дмитриев-Мамонов (1727–1805) (подписи «Ф. Ммнв», «С. Ф. Мамо»).

И. Баркову списки атрибутируют еще Оду XI (подпись в Каз. «Бркв»). Вероятно, его авторская активность в данном жанре была большей. В. П. Степанов указал, что «из поэтических вещей традиция и литературное предание прочно связывают с его именем оды — „Приапу“ (…), „Кулачному бойцу“, „Бахусу“ и „К любви“ <т. е. Ода 1>» (Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л., 1988, с. 60). Что касается оды «Бахусу», то кроме различных списков барковианы она представлена в казанском сборнике «Разные стиходействия» (помещена там под № 44), вобравшем материалы стихотворных полемик 1750-х гг.

Особо следует сказать об Оде X. Обычно включаясь в жанровые разделы сборников в числе од, она тематически относится к бытующему в составе барковианы циклу текстов, связанных с Иваном Даниловичем Осиповым (так называемый «олсуфьевский цикл», см. о нем в статьях к настоящему изданию). Эти произведения в значительной части принадлежат А. В. Олсуфьеву и своим происхождением связаны с группировавшейся вокруг него дружеской компанией. К циклу кроме данной оды относятся: публикуемые нами «Символ веры Ванюшки Данилыча», элегия «На отъезд в деревню Ванюшки Данилыча», а также «Осквернённый Ванюшка Яблошник. Поэма в четырех песнях», четыре эпистолы (в том числе к Олсуфьевым от лица Ваньки), «Надпись к портрету Ивана

Даниловича». Ядро произведений написано, вероятно, самим Олсуфьевым (ряд текстов подписан его инициалами и анаграммой: АА; Манда Вефуслав, т. е. Адам Алсуфьев).

Ода XIV представлена в списках двумя разными редакциями текста: более обширной (публикуемая нами) в Усп., ЦГАЛИ, ед. хр. 11 и др. и более краткой в ГПБ-2; текст в ГПБ-1 сначала дает чтение второй редакции, а затем выправлен и дополнен по первой редакции.

Для ряда од наблюдаются колебания в жанровых дефинициях по различным спискам. Оды V и VI как оды представлены в Каз.; в ГПБ-2 они контаминированы в один текст («ода 14»), в ГПБ-1 первоначально разные оды, затем они объединены по образцу ГПБ-2; в Усп. они помещены среди «Еклог» (4 и 5; Ода VI озаглавлена при этом «Бордель»). Ода XVII в Усп. — притча 22 «Исповедь».

Варьируются в списках и варианты заглавий произведений.

Публикуемые тексты представляют собой сводную редакцию, ориентированную в основном на чтении Каз., ГПБ-1 и ЦГАЛИ-1.

Сражение между хуем и пиздою о первенстве[*]

Текст представлен в Каз. и ГПБ-1 (в обоих списках под заглавием «Поема на победу Приаповой дочери»), в Усп. (под заглавием «Поема»), в ЦГАЛИ-1, ГПБ-2, ГБЛ-1 (во всех трех под принятым у нас заглавием). Подписи: Каз.: «С. Г. Б.», ГПБ-1: «Сочинение Г. Б.», ГБЛ-1: «Сочинения Г. Баркова».

Епистолы[*]

Тексты во всех сборниках даны парно. Входят в Каз., Усп., ГПБ-1, ЦГАЛИ-1, ГПБ-2, ГИМ. В число «епистол» также иногда включаются от 1 до 4 текстов «олсуфьевского цикла»; в ГПБ-2 эти последние выделены особо под рубрикой «Письма». О «Письме Приапу» см. в комментарии к Одам; текст «Письма» представлен в Каз., Усп., ГПБ-1, ЦГАЛИ-1, ГИМ.

Елегии[*]

Последовательность текстов принята вслед за Усп., где данный раздел включает наибольшее число произведений (т. е. семь), только «олсуфьевская» элегия «На отъезд в деревню…» переставлена в конец (в Усп. она идет под № 5). В Каз. основной цикл завершает 4 часть (5

элегий), а в ч. 2 отдельно помещена «Елегия IV»; в ГПБ-1 сгруппированы все шесть текстов, но в ином порядке; в ГПБ-2 — 4 текста, включая «олсуфьевский»; в ЦГАЛИ-1, ГИМ и С-С отдельные тексты не сгруппированы; в ГБЛ-1 текст № 3 помещен особо, а № 4–6 объединены под общим заглавием «Элегия. Разные приключения».

Басни и притчи[*]

Композиция этого раздела воспроизводит отдел «Басни» ГПБ-1. Очень близка по расположению текстов (включен 21 номер) подборка в ч. 1 Каз. Сильно сокращен отдел «Басен» в ГПБ-2, ГИМ и ГБЛ-1 (соответственно 13, 9 и 8 текстов). В Усп. наиболее запутанное композиционное расположение, т. к. произведения произвольно разнесены по рубрикам «Притчи» и отдельно «Басни», причем и там и там они соседствуют с эпиграммами.

В изученных списках известен лишь один случай подписанного басенного текста: в ОС «притча» «Госпожа и волосочесатель» (т. е. № 3) помечена: «Сочинена господином Адалимовым».

Заглавия произведений в списках варьируются.

Епиграммы[*]

Расположение текстов данного раздела воспроизводит композицию основного цикла «Епиграмм» ГПБ-1; не включена лишь последняя, 31-я эпиграмма, «Муж был лишен жены…», вписанная в сборник позже, причем текст ее в значительной степени неисправен. По ГПБ-1 приводятся и заглавия, а в случаях их отсутствия они даются в ломаных скобках по другим сборникам.

Все данные тексты имеются в Каз. (два цикла: в ч. 1 и во фрагментарно сохранившемся втором томе), хотя и в другом композиционном расположении (однако и тут видна заметная близость этих источников). 25 текстов представлены в ГПБ-2 (главным образом, в ч. 1 и 4 текста — в ч. 2) и 23 — в Усп., но здесь они распределены по разным жанровым рубрикам: эпиграммы, притчи, басни, мадригалы и «дифирамбы»; 18 эпиграмм составляют цикл в ГИМ. Тексты № 1, 4 5, 7, 15, 18, 21, 24 представлены в ЦГАЛИ-1, № 2, 6, 9, 10, 16–18, 21, 28 в ГБЛ-1, № 1, 4, 24 в ОС, № 1, 4, 5, 11–13, 15, 22, 24 в С-С. В поздних списках ЦГАЛИ тексты этого корпуса представлены единично: № 19 (ед. хр. 14), № 24 (ед. хр. 10), № 29 (ед. хр. 4).

Надписи[*]

Наибольшее количество текстов данной группы собрано в Каз. и ГПБ-1 (по 16 надписей), в Усп. и ГПБ-2 — по 14, в ГБЛ-1 и ГИМ — по 13. У нас воспроизводится композиция Усп. и ГПБ-2 с добавлением № 15, который в Усп. помещен в разделе «притчи» («Пелаге-ины затеи»), но в Каз. и ГПБ-1 дан как надпись; в ЦГАЛИ-1 и ГИМ этот текст находится среди эпиграмм. В Каз., кроме основной подборки, еще пять надписей помещены в ч. 3.

Портреты[*]

Набор текстов в данном цикле постоянен в разных списках; по существу, его можно рассматривать как один текст.

Билеты[*]

Из основных списков лишь в ГПБ-1 и ЦГАЛИ-1 нет большой подборки билетов. Примерно совпадает главный корпус текстов в Каз., Усп., ГПБ-3, ГБЛ-1; в сокращенном виде представлен в ГИМ (18 номеров).

Епитафии[*]

Отличительной чертой подборок эпитафий в различных списках является обильное включение «пристойных» текстов (например, эпитафий Сумарокова, сатирических эпитафий картежникам и откупщикам и т. п.); так, из 12 эпитафий, представленных в Усп., лишь 5 являются «барковианскими», именно такой набор из пяти текстов дан в ГПБ-1 (в Каз. — 4 эпитафии); к ним в нашем цикле добавлен № 6 по ЦГАЛИ-1.

Сонеты[*]

Сонеты выделены в особую жанровую рубрику в Усп. (5 текстов), ГПБ-1 (7); в ЦГАЛИ-1 сгруппированы 4 текста, относящиеся к этому жанру, и озаглавлены «Здоровье при столе»; в Каз. два «сонета» значатся в оглавлении ч. 2, но их тексты не сохранились, а в уцелевшем фрагменте ч. 3 находятся еще 19 «сонетов». В С-С и ряде других списков есть отдельные произведения этого же типа.

В настоящей подборке публикуются сначала сонеты, представленные в ГПБ-1, Усп. и ЦГАЛИ-1, а затем они дополняются текстами из Каз.

В ГПБ-1 среди позднейших приписок помещены три «сонета», которые не имеют ничего общего с аналогичным жанром барковианы, родственным мелким речевым жанрам народного и скоморошьего творчества (поговорки, прибаутки и т. п.), но представляющие собой правильную литературную форму; при этом они отличаются весьма низким художественным уровнем. Приводим первый из них:

Когда полез я в целку, полез в нее ярился!
Как лез в нее, влекомы в узиньку мандишку,
Тогда я не хотел переводить в себе отдышку.
Входя был яр, зубов ее я не страшился.
Влез! познал еблю! везде себя совал!
Из всех сил тогда я учал пизду еть,
Всю сладость пожелал тогда же я иметь,
Но никак тово тогда я не достал!
А как потом зашлось и сладость приходила,
Но крепость от меня тогда уж отходила!
Теперь приходит слабость и гонит меня вон!
Но как же то ни горестно, а вон из ней иду!
Что я в пизде был, то кажется как сон!
И в знак той сладости млечной [тогда] ток пустил в пизду!

Рецепты[*]

Композиция раздела повторяет Усп. В Каз. цельная группа «рецептов» не выделена, в ч. 2 (тексты не сохранились) помещены 2 «лекарства» (№ 1 и 3 по Усп.), а в ч. 3 —«рецепты порошку от угрей»; в ГПБ-1 цикл «лекарств» состоит из двух текстов: № 3 и 4; в ГПБ-2 — тоже два «рецепта»: № 1 и 3; по одному «рецепту» представлено в ЦГАЛИ-1, ГИМ и ГБЛ-1.

Первые четыре рецепта являются акростихами, «ключевые» слова складываются из начальных букв строк. № 5, вероятно, первоначально не принадлежал к этому циклу и был присоединен к нему позднее (ср. в Каз.).

Загатки[*]

Композиция раздела повторяет Усп. и ГПБ-2; сокращенные циклы (по 11 текстов) представлены в Каз. и ГПБ-1. В начале С-С помещена и такая «загадка»:

Кадушка я, вверх дном стою
И не касаюсь полу.
По произволу
Трудяся, женщины утробу всю мою
Набьют себе припасом,
Живым наполнят мясом.

(пизда)

03016

В основных сборниках песни сгруппированы в циклы (исключения: ЦГАЛИ-1, ГПБ-2, ГИМ): Каз. — 14 песен, ГПБ-1 —14 песен и еще 4 текста из позднейших дополнений, Усп. — 10 песен, цикл ГБЛ-1 включает три песни. Сравнение составов этих циклов позволяет сказать, что уже на раннем этапе формирования барковианы сложился основной цикл из 14 песен (это совпадающие по составу и композиции подборки Каз. и ГПБ-1), который затем подвергался разрушению и пополнению новыми текстами; при этом есть случаи перемещения произведений в иные жанровые рубрики. Из 10 песен Усп. первые 8 соответствуют основному циклу (их расположение по принятым у нас номерам: 11, 14, 13, 12, 10, 2, 7, 1), а 9 и 10 — это «Отец Галактион» (в настоящем издании Ода XI) и «Я на нынешней неделе…». Песни 3, 4 основного цикла в Усп. объединены в один текст: «Идиллия 2» (это объединение принято и в ГПБ-2, но заголовок там «Песня»), В большой подборке песен в сборнике ИРЛИ 18 текстов, но из них лишь три относятся к числу 14 «основных».

Публикуются 14 песен «основного цикла».

Суд у хуя с мудами[*]

Данное произведение в различных списках имеет два основных варианта заглавия: под принятым у нас оно помещено в Каз. (здесь оно подписано трудно расшифровываемой анаграммой А. Авв) и ГПБ-1 (в разделе «Разные пиесы»); под заглавием «Справедливый суд» входит в ЦГАЛИ-1, ГПБ-2 и Усп. (здесь дано как «Притча IX»).

Разговор любожопа с любопиздом[*]

Под принятым заглавием в ЦГАЛИ-1, Каз., ГПБ-1 (в разделе «Разные пиесы»), ГПБ-1 (текст неполный); под заглавием «Разговор 1. Жополюба с Пиздолюбом» в Усп.

Торжествующая баханка[*]

В Каз. и ГПБ-1 (в разделе «Разные пиесы») с пометой «переведено с арабского», явно мистифицирующей; в Усп. дано как «Идиллия 1».

Неудачный отказ[*]

Текст входит в Каз., Усп. («Еклога II»), С-С, ЦГАЛИ, ед. хр. 12; в ГПБ-1 дан без заглавия.

Целка[*]

Текст входит в те лее сборники, что и предыдущий. В Каз. и Усп. — в числе «эклог», под заглавием «Невинная целка».

Символ веры Ванюшки Данилыча[*]

Произведение принадлежит к «олсуфьевскому циклу» (о его составе см. в комментарии к Одам); оно известно по разным спискам в двух редакциях, первой, более обширной, и второй, сокращенной. Первый вариант представлен в ГПБ-1 (под заглавием «Символ раскольника»), Усп. и ЦГАЛИ-1, на л. 70–74 (под заглавием «Символ Никиты Данилыча Распопы»); второй вариант также приведен в ЦГАЛИ-1 (л. 59об.-61, под принятым у нас заглавием), в ГПБ-2 и в С-С. Публикуем первый, более обширный вариант. В ГПБ-1 он помещен в разделе «Разные пиесы».

Ебена мать[*]

Это стихотворение более позднего происхождения, чем основной корпус «Девичьей игрушки». В ГПБ-1 оно находится среди текстов,

вписанных в сборник позднее (конец 1780-х гг.?); печатается по этому источнику с учетом ГБЛ-1, где также находится среди позднейших приписок; представлено также в ЦГАЛИ, ед. хр. 3, 13. В ГПБ-1 и ЦГАЛИ, ед. хр. 13, озаглавлено «Рондо на Ебена мать», в ЦГАЛИ, ед. хр. 3 — «Рондо», в ГБЛ-1 — «Ебена мать». В ГБЛ-1 отсутствуют 3 и 4 строфы. Французское жан футр — jean-foutre, разговорное «дурак», «олух»; в ГБЛ-1 эта строка читается: «У немцев der, die, das, у нас…» Заглавное выражение и его модификации и в конце XIX в. представлялись характернейшим речением русского разговорного языка, о чем свидетельствовал в словарной статье о Баркове С. А. Венгеров: «А излюбленное трехэтажное словечко наше, которое составляет такую прочную „категорию“ русской общественной жизни, что борьба с ним принадлежит к числу постоянных задач сельской церковной проповедни. В старину так даже церковные соборы против него воевали. Щедрин в свою поездку по Волге только и слышал, что это слово, которое стоном стояло в воздухе» (Критико-биографический словарь… т. 2. СПб., 1891, с. 153). Сравни один из «анекдотов», записанных на полвека раньше П. И. Миллером: «Поп советовал на исповеди мужику не говорить ебена мать, а употреблять: едрена мать. — Оно и людям не обидно, — прибавил поп, — и на ебена мать похоже» (ГБЛ, ф. 661, к. 1, ед. хр, 7, л. 2).

Ебихуд[*]

В основу текста пьесы положен список ЦГАЛИ-1, уточненный по ГБЛ-2, ГИМ, ЦГАЛИ, ед. хр. 14 и 12. Жанровый подзаголовок дан по ЦГАЛИ, ед. хр. 14 в ГБЛ-2 (как и в ЦГАЛИ, ед. хр. 14) текст разбит на два действия, первое из восьми явлений, второе из шести явлений, начинается с 4-го явл. 2-го действия. Заглавие в ЦГАЛИ, ед. хр. 12: «Ебихуд, или Мстительность брата. Драмма в трех действиях. Сочинен <н>ая в 1750-м году». В ЦГАЛИ-1 тексту предпослано обращение «К читателю»: «Я надеюсь, что благосклонный читатель простит мне, что я употребил в сей драме мало употребляемую литеру io <т. е. „ё“>, но она в сочинении сего вкуса необходима».

Дурносов и Фарнос[*]

Текст печатается по сводной редакции Усп., ЦГАЛИ-1, ГИМ и ЦГАЛИ, ед. хр. 14. Несколько различаются заглавия списков: в Усп.

оно вовсе отсутствует и в качестве заглавия выступает жанровый заголовок: «Трагедия»; в ГИМ и ЦГАЛИ, ед. хр. 14 (как и в сборнике ИРЛИ) пьеса называется «Дурносов и Фарносов»; второе имя в заглавии тут явно грамматически и фонетически унифицировано с первым, хотя в самом тексте героя зовут Фарнос, чего и требует ритмическая структура стиха. Пьеса была включена и в Каз., но там сохранилось лишь ее окончание, так что ни заглавие, ни жанровые обозначения неизвестны. В Усп. текст разделен на пять действий, что согласуется с нормой русской трагедии XVIII в. (и в частности с «Синавом и Труво-ром» А. П. Сумарокова, отчасти пародируемым в «Дурносове и Фарносе»), но при этом нарушаются внутренние пропорции пьесы, поэтому нами сохранено деление на три действия.

A. Piron. Ode a Priape[*]

А. Пирон. Ода Приапу[*]

Текст оды печатается по изданию «Oeuvres in edites de Piron» Londres, 1779. Алексис Пирон (1689–1773) — французский поэт и драматург. Его избрание во Французскую академию не было утверждено королем из-за скандальной славы «Оды Приапу». В своей оде Пирон соединил традицию античной приапеи, стихотворных обращений к богу плодородия и сексуальной мощи с традицией французской эротической поэзии. Ода Пирона стала своего рода символом об-сценной поэзии. Она послужила непосредственным источником ряда од «Девичьей игрушки» (№ I, II, III, XIII, XV и др.) и в целом явилась образцом для авторов барковианских сочинений. Вместе с тем авторы русских переложений Пирона уходили от его текста очень далеко. В их сочинениях существенно ослаблены фривольно-эпикурейские мотивы французского поэта и усилено грубо-эротическое звучание. Огрубляющий эффект перевода усилен разницей в стилистическом колорите, который имеют во французском и русском языках обсценные слова.

Публикуемый подстрочник выполнен нами с учетом принципов передачи соответствующей французской лексики в текстах, вошедших в настоящее издание.

В. Рубан. Ода в похвалу любви[*]

Печатается по: Старина и новизна, состоящая из сочинений и переводов прозаических и стихотворных, издаваемых почастно В. Р<убаном>, СПб., 1773, ч. 2, с. 190–192. Смысл этой публикации был раскрыт Н. С. Тихонравовым, описавшим экземпляр «Старины и новизны», принадлежавший в свое время известному собирателю XVIII в. П. К. Хлебникову (позднее его собрание перешло к С. Д. Полторацкому), который со слов самого Рубана внес в текст атрибутирующие и поясняющие пометы и, в частности, указал, что данное произведение — ода И. Баркова, «исправленная и дополненная позволительнейшими выражениями В. Рубаном» (данные приведены в неоконченной статье Тихонравова о В. Г. Рубане (1742–1795) для не вышедшего в свет «Словаря воспитанников Московского университета». — См.: Русская поэзия, СПб., 1897, т. 1, вып. VI, с. 342). Стихотворение представляет собой переделку Оды I. Приведенный в нашем издании текст Оды I на две строфы больше рубановской переделки; кроме того, в этом барковианском источнике нет соответствия с последней строфой («Везде любви примеры зрятся…»). Очевидно, Рубан располагал редакцией, несколько отличной от известных нам (на что указывают и отдельные расхождения «нейтральных» лексико-синтаксических конструкций), впрочем, различия эти невелики.

Ода на всерадостный день рождения…[*]

Впервые — отдельным изданием: СПб., 1762; печатается по: Поэты XVIII века, Л., 1972, т. 1. с. 172–176. Ода посвящена мужу Екатерины II, императору Петру III (Федоровичу) (1726–1762), в конце декабря 1761 г. взошедшему на престол, а в июле 1762 г. свергнутому своей женой. День его рождения был 10 февраля. Отдельные факты и предположения о роли этой оды в судьбе Баркова см. в биографическом очерке в настоящем издании.

"Не пользу сатир я хвалами возношу…"[*]

Впервые — предпослано переводам Баркова «Квинта Горация Флакка сатиры или беседы…». СПб., 1763, с. 5; печатается по тому же источнику, что и предыдущее, с. 176–178. Книга переводов посвящена Г. Г. Орлову (1734–1783), фавориту Екатерины II, одному из активных

участников дворцового переворота 1762 г.; к нему же обращено и данное стихотворение.

Его Сиятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову…[*]

Печатается по тому же источнику, что и предыдущее, с. 187–188, где опубликовано впервые по списку ИРЛИ начала XIX в. В списке к стихам имеется подпись: «Вашего высокографского сиятельства всепокорнейший и всенижайший слуга Иван Барков».

Сатира VIII книги первой Горация[*]

Впервые — Квинта Горация Флакка сатиры… СПб., 1763, с. 58; печатается по тому же источнику, что и предыдущее, с. 178–181. Подстрочные примечания принадлежат Баркову.

Сатира на Самохвала[*]

Впервые опубликовано Е. А. Бобровым в «Известиях Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук», 1906, т. XI, кн. 4; печатается по тому же источнику, что и предыдущее, т. 2, с. 371–372. Пародируется направленная против М. В. Ломоносова басня В. К. Тредиаковского «Самохвал» (вольный перевод басни Эзопа), включенная в его «Сочинения и переводы», т. 1. СПб., 1752.

"Пронесся слух: хотят кого-то будто сжечь…"[*]

Впервые полный текст опубликован П. Н. Берковым в его книге «Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765». М.-Л., 1936, с. 235–236; печатается по тому же источнику, что и предыдущее, с. 400–401. Стихотворение написано в защиту Ломоносова в ходе полемики вокруг «Гимна бороде» (1757); об обстоятельствах полемики и авторстве Баркова см. в указанной книге Беркова.

Сатира на употребление французских слов в русских разговорах[*]

По сборнику «Разные стихо-действия» опубликована в указанной книге П. Н. Беркова, с. 141–142; с учетом списка ЦГАДА, где стихотворение приписано Баркову, опубликовано Г. Н. Моисеевой в кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика В. В. Виноградова. Л., 1971, с. 73; печатается по сводному тексту по тому

же источнику, что и предыдущее, с. 394–395, где авторство Баркова отведено исходя из анализа места сатиры в контексте полемики 1750-х гг. вокруг «Эпистолы» И. П. Елагина, сторонником которого написано данное стихотворение, в то время как Барков принадлежал скорее к враждебной партии литераторов.

Надгробная надпись[*]

Впервые опубликовано: Новые ежемесячные сочинения, ч. 6, 1786, декабрь, с. 65; печатается по: Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.). Л., 1960, с. 96. Первая публикация сопровождалась письмом неизвестного, сообщившего, что эти стихи сочинил «студент» Академии Наук «Б.», что все исследователи единодушно расшифровывают как «Барков». Стихотворение представляет собой пародию на В. К. Тредиаковского, переводчика «Аргениды» (1751), «Тилемахиды» (1766) и многотомных историй Шарля Роллена.

Эпиграмма на красоту чрез Баркова[*]

Эпиграмма любовная чрез Баркова[*]

Впервые опубликованы по спискам ЦГАДА Г. Н. Моисеевой в кн.: Искусство слова. М., 1973, с. 62–63; печатаются по этой публикации. В списках в обоих заглавиях в конце добавлено: «чрез Баркова».

Словарь устаревших слов

Баста — в карточной игре ломбер туз треф

баханка — искаж. вакханка

берца (берцо) — голень

бешмет — стеганый татарский полукафтан

бузник — человек, изготавливающий и продающий бузу, хмельной напиток из заквашенной овсяной муки и проса

Волвянка— съедобный гриб, близкий к рыжику

ворвань — жидкий рыбий жир

выписка — краткое изложение документа, распростр. в XVIII в. термин канцелярск. производства

Глеих (нем.) — сразу

голик — веник без листьев, прут, связанный из голых ветвей

голицы — кожаные рукавицы

гульфик — часть панталон, пристегиваемая спереди к поясу

гуньба — тмин

Дербас — искаж. де Рибас, франц. адмирал на русской службе, зд. вообще француз

Ендова — широкий, обычно медный сосуд с носиком

ерыга (ярига) — пьяница, мошенник

Живот — жизнь

жмуля — горсть, ком

Заграбить — добраться, дотянуться

заекать — оголить, обнажить, засучить

заход — зд. отхожее место

Игота — ручная ступа, ступка

Калвин — кальвинист, приверженец одного из направлений в протестантизме, зд. иноверец

кила — грыжа, опухоль, шишка, по народному поверию ее появление может быть следствием знахарства

коклюшка — мелкий брусок, подвешиваемый к ниткам при плетении кружев

корчага — глиняный горшок

кофишенк — придворный чин смотрителя за кофе, чаем, шоколадом

кочень — кочан, кочерыжка, иногда голова

красоуля — большая кружка, ковш

крин — лилия, райское растение

кружало — зд. питейный дом, кабак

крючок — придирка, зацепка, бюрократия, деталь, позволяющая затянуть

рассмотрение дела, иногда подьячий, использующий бюрократия.

ухищрения *кулага* — гуща, сырое соложеное тесто

куфья (кутья) — каша с сытою, используемая при поминках

Лабет — штрафной взнос в игре в ломбер, уплачиваемый за ошибку в игре

лощиха — модница, наводящая на себя лоск

любитель — влюбленный

лютер — приверженец лютеранства, одного из направлений в протестантизме, зд. иноверец

лядвея — ляжка, бедро

Маймисты (финск.) — протестанты в Петербурге

маторак — зд. убыток, от искаж. моторить — расточать

мотовило — катушка, деревяшка с намотанною пряжею

навалка — свалка, беспорядочно лежащие предметы

немтовать — калякать, болтать, лепетать

недоточный — не умеющий, плохо знающий какое-либо ремесло

Онуча — портянка, подвертка

оршат — прохладительный напиток, приготовленный из солода или миндаля

Перлиц — нитка жемчужных бусин

перукер — парикмахер

петиметр — щеголь

пифин — павлин

побит — образ или род действий, последовательность событий

повитье — доля, пай, надел, участок земли на душу

подубрусник — женский головной убор

полольщица — работница для прополки

понт — туз козырной масти

попизон (попежник) — последователь официальной никонианской церкви

порудить — разрушить, отменить, уничтожить

посконка — простая рубашка из грубого сукна

потылица — зашеина, загривок

похимистить — поворожить, поколдовать

правеж — взыскание долга с истязанием

профос — военный полицейский, полковой палач, уст. парашник, уборщик нечистот

Риля — простейший струнный музыкальный инструмент

Сермяжный — из грубого некрашеного сукна

сильвация — лечебница

скороход — рассыльный, лакей, бегущий перед каретой

скуреха (скурешница) — шлюха, развратная женщина *сыта* — вода с разварным медом

Тазань — бранить

тешка — рыбье брюшко

тотус — полный набор карт одного достоинства всех мастей

Фармазон — искаж. фр. — масон, ругательство, означающее — вольнодумец, иноверец, заговорщик

Целовальник — торговец в государств, кабаке

Чашник — придворный виночерпий

черкас — зд. малоросс, украинец

чиница— чрезмерно церемонная женщина, гордячка

Шпетный — модный, щегольской

шурмовать — бушевать, буйствовать

Щепетной — щегольской

Экстракт-выписка., термин канцелярск. жаргона

Ярила — древний славянский бог плодородия, карнавальный персонаж народного гуляния

Список синонимов к основным обсценным словам и понятиям

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ:

а) битка, булава, гуж, елда, елдак, жердина, кишка, колбаса, кутак, мотовило, потка, рог, рычаг, салтык, свая, скало, ствол, струна, уд, шест, шишка, шмат, юрка.

б) дыра, зарубка, клуша, ладья, литонья, махоня, мошна, плотина, поставец, рана, фарья, шелупина, шентя.

ГЛАГОЛ:

драть, еть, махаться, мулить, пендрючить, пендрячить, пороть, пырять, сарафанить, сурначить, чванить, чкаться, чкварить, шмарить.

Словарь мифологических и исторических имен и названий

Аввакум Петрович (1620 или 1621–1682) — протопоп, основатель русского старообрядчества (раскола), ставший его символом.

Агамемнон (греч.) — предводитель греч. войска во время Троянской войны.

Александр Македонский (Великий; 356–323 гг. до н. э.) — древнегреческий полководец и государственный деятель.

Алекто (греч.) — одна из богинь мести Эриний, сестра Мегеры и Тизи-фоны.

Алкивиад (ок. 450–404 гг. до н. э.) — древнегреч. полководец и гос. деятель, ученик Сократа.

Алкмена (греч.) — жена царя Амфитриона, мать Геракла, которого она родила от Зевса, явившегося к ней в образе мужа.

Альмина (искаж.) — Алкмена (см.).

Амфала (Омфала, греч.) — царица Лидии, заставлявшая отданного ей в рабство Геракла носить женское платье и выполнять домашнюю работу.

Амфитрион (греч.) — полководец, муж Алкмены.

Андимион (Эндимион, греч.) — прекрасный юноша, в которого влюбилась богиня-девственница Диана.

Антоний Марк (ок. 83–30 гг. до н. э.) — римский гос. деятель и полководец. В битве при Лации в 31 г. до н. э. бежал с поля боя из-за любви к египетской царице Клеопатре.

Аполлон (греч.) — бог, покровитель искусств, его символом было солнце.

Ариадна (греч.) — дочь царя Миноса, помогла герою Тесею победить Минотавра.

Атлант (греч.) — титан, поддерживавший небесный свод. Был обманут Гераклом, на время взявшим на себя его ношу.

Ахиллес (Ахилл, греч.) — герой Троянской войны, победитель Гектора.

Бахус (лат., греч. Вакх) — бог виноделия. *Борей* (греч.) — бог северного ветра.

Бризеида (греч.) — рабыня, отнятая у Ахилла Агамемноном. Протестуя, Ахилл временно отказался участвовать в осаде Трои.

Венера (лат.) — богиня любви, была женой бога Вулкана.

Вергилий Публий Марон (70–19 гг. до н. э.) — римский поэт, автор эпопеи «Энеида».

Вулкан (лат.) — хромой бог огня и кузнечного дела, муж богини Венеры.

Ганимед (греч.) — прекрасный юноша, похищенный Зевсом на небо. Виночерпий на Олимпе.

Гектор (греч.) — троянский богатырь, убит Ахиллом.

Геркулес (лат., греч. Геракл) — герой, богатырь, совершивший двенадцать великих подвигов.

Гиганты (греч.) — чудовищные древние существа, побежденные богами, предводимыми Зевсом (Юпитером).

Гомер — легендарный древнегреческий поэт, отец поэзии.

Дарданские берега (греч.) — места у подножия горы Иды, где стоял город Дардана, сына Зевса и Атлантиды. Возможно, также имеется в виду пролив Дарданеллы.

Дафна (греч.) — нимфа, в которую влюбился бог Аполлон.

Демосфен (ок. 384–322 гг. до н. э.) — древнегреч. оратор. Образец красноречия.

Диана (лат.) — богиня непорочности, чистоты и охоты. Символ Луны. Была влюблена в пастуха Эндимиона.

Дидона (лат.) — карфагенская царица, которая спасла троянца Энея, но была им оставлена.

Диоген (ок. 400-ок. 325 до н. э.) — философ-киник, проживший жизнь в бочке.

Екатерина II Великая (1729–1796) — русская императрица с 1762 г., была замужем за Петром III.

Елена (греч.) — жена спартанского царя Менелая. Из-за ее похищения Парисом началась Троянская война.

Елизавета Петровна (1709–1761/1762) — русская императрица с 1741 г.

Еней (Эней, лат.) — троянский принц, возлюбленный Дидоны. Легендарный предок древних римлян.

Епикур (Эпикур, 341–270 гг. до н. э.) — древнегреч. философ. Имел репутацию проповедника философии наслаждений.

Ефрем Сирин (IV в.) — великий учитель церкви.

Зевес (Зевс, греч.) — бог-громовержец, верховное божество Олимпа. Неоднократно вступал в связь с земными женщинами.

Иксион (греч.) — царь лапифов, привязанный к огненному колесу за посягательство на богиню Геру, жену Зевса.

Илья-пророк — в славянской православной традиции громовержец, распоряжающийся громом и молнией.

Калипсо (греч.) — нимфа, державшая у себя в плену Одиссея (Улисса).

Кастильский источник — искаж. Кастальский (греч.) — источник поэтического вдохновения.

Кинир (греч.) — кипрский царь, учредивший культ богини любви Афродиты.

Клеопатра (69–30 гг. до н. э.) — египетская царица. Была любовницей Юлия Цезаря, затем Марка Антония.

Марс (лат.) — бог войны.

Мегера (греч.) — одна из богинь мести Эриний, сестра Алекто и Тизи-фоны.

Медея (греч.) — колхидская царевна, погубившая из-за любви к Язону отца, а потом из ревности к нему детей.

Менелай (греч.) — спартанский царь, муж Елены.

Ментор (греч.) — учитель сына Одиссея Телемака, увезший его в путешествие. Нарицательное обозначение наставника.

Нарцисс (греч.) — прекрасный юноша, погибший из-за любви к своему отражению.

Неоптолем (греч.) — сын Ахилла, участвовавший в Троянской войне.

Нептун (греч. лат.) — морской бог.

Нерон (37–68 гг.) — римский император с 54 г.

Никон (1605–1681) — русский патриарх с 1657 г. Провел церковную реформу, отвергнутую старообрядцами.

Ниоба (Ниобея, греч.) — жена царя Фив Амфиона, поссорившаяся с богиней Лето, матерью Аполлона и Артемиды.

Октавий (Октавиан Август, 63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) — римский император с 27 г. до н. э. Нанес поражение Антонию.

Орлов Григорий Григорьевич (1734–1783) — граф, фаворит Екатерины II.

Орфей (греч.) — легендарный певец и музыкант, наделенный магической силой искусства.

Навел /Петрович (1754–1801) — русский император с 1796 г., сын Петра III и Екатерины II.

Парис (греч.) — троянский принц, похититель Елены.

Парки (лат.) — богини судьбы.

Парнас (греч.) — гора, на которой обитают музы.

Парнасида (греч.) — муза.

Пасифая (греч.) — жена критского царя Миноса, влюбившаяся в быка.

Патрокл (греч.) — герой Троянской войны, друг Ахилла, убит Гектором, после чего Ахилл вновь вернулся на поле брани.

Перун — верховный бог славянского язычества. Громовержец.

Петр I Великий (1672–1725) — русский царь с 1689 г., император с 1721 г.

Петр III Федорович (1728–1762) — российский император с 1761 г.

Пиндар (ок. 518–442 или 438 до н. э.) — греческий поэт-лирик, создатель оды.

Плутон (лат.) — бог, владыка царства мертвых.

Понт (Эвксинский) — Черное море, расширит, море или океан.

Приап (греч.) — бог плодородия и сексуальной мощи.

Прозерпина (лат.) — то же, что греч. Персефона — жена владыки царства мертвых Плутона.

Самсон (евр.) — богатырь, победитель филистимлян. Обманут и погублен своей возлюбленной Далилой.

Семела (греч.) — фиванская царевна, возлюбленная Зевса, мать Диониса.

Сиднейский — возможно, искаж. сидонский от древнефиникийского города Сидона.

Силены (греч.) — демоны плодородия.

Скамандр (греч.) — река на Троянской равнине, которую Ахилл завалил трупами убитых.

Содом (евр.) — город, погрязший в распутстве, нариц. обозначение собрания грешников. *Сократ* (ок. 470–399 гг. до н. э.) — древнегреческий философ.

Стикс (греч.) — река в царстве мертвых.

Тартар (греч.) — самая нижняя часть подземного царства мертвых.

Телемак (греч.) — сын Одиссея.

Тенар (Тенарон, греч.) — мыс в Лаконии, близ которого по мифу находился вход в подземное царство.

Тизифона (греч.) — Эриния, богиня мести, сестра Алекто и Мегеры.

Туров понедельник — то же, что Фомин понедельник.

Феб (лат.) — то же, что греч. Аполлон.

Феодорит блаженный (386(393?)—457) — епископ кирский, церковный

публицист и аскет.

Фетида (греч.) — нереида, морская нимфа, мать Ахилла.

Фомин понедельник — первый день после Великого поста и Пасхи.

Харон (греч.) — перевозчик мертвых в Аиде. Изображался мрачным старцем в рубище.

Цербер (Кербер, греч.) — трехглавый пес, охранявший царство мертвых.

Церера (лат.) — богиня земли и урожая.

Цицерон (106-43 гг. до н. э.) — древнеримский оратор.

Энцелад (греч.) — один из сильнейших гигантов. Поражен Афиной.

Этна — вулкан в Сицилии.

Юпитер (лат.) — то же, что греч. Зевс.

Выходные данные

Научное издание
ДЕВИЧЬЯ ИГРУШКА, ИЛИ СОЧИНЕНИЯ ГОСПОДИНА БАРКОВА
Издание подготовили А. ЗОРИН и Н. САПОВ
Художник Д. ШИМИЛИС

Редактор Ю. А. МИХАЙЛОВ
Технический редактор С. И. СУРОВЦЕВА
Корректор О. Г. НАРЕНКОВА

Сдано в набор 20.09.92. Подписано к печати 23.10.92.
Формат 84 x 108 1/32. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная, п. л. 13.
Тираж 30000 экз. Зак. № 1921.
Цена договорная.

Научно-издательский центр «Ладомир».
103617, г. Москва, Зеленоград, кор. 1435.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru
Оставить отзыв о книге
Все книги автора

---

notes

Примечания

1

Тарановский К. Ритмическая структура скандально известной поэмы «Лука». — Литературное обозрение, 1991, № 11, с. 35.

2

Московские ведомости, 1991, ноябрь, № 21(3).

3

См., в частности, ст. А. Илюшина «Ярость праведных» и А. Зорина «Барков и барковиана» в «Литературном обозрении», 1991, № 11.

4

Цит. по ГПБ-1. Ср.: Степанов В. П. Барков Иван Семенович. — В кн.: Словарь русских писателей XVIII века, т. 1. Л., 1988, с. 60.

5

Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.-Л., 1951, с. 283–284.

6

Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867, с. 163.

7

Ефремов П. А. Материалы по истории русской литературы. СПб., 1867, с. 162. Цит. по: Степанов. Указ. соч.

8

Карамзин Н. М. Сочинения в двух томах, т. I. Л., 1983, с. 109.

9

Бобров Е. А. Из истории русской литературы XVIII–XIX вв. Изв. Отд. русского языка и словесности Академии наук, т. II, 1906, кн. 4, с. 117.

10

Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей, т. П. СПб., 1891, с. 151–152.

11

Тоддес Е. А. Энтропии вопреки. — Родник, 1990, № 4, с. 67.

12

Литературное наследство, т. IX–X. М.-Л., 1933.

13

Макогоненко Г. П. Избранные работы. Л., 1987, с. 158–159.

14

Там же. Указ. соч., с. 157.

15

Макогоненко Г. П. Указ. соч., с. 159.

16

«Ножками по потолку». Интервью с А. Вознесенским. «Московский комсомолец», 22 февраля 1992 г.

17

«Ножками по потолку».

18

Московские ведомости, 1991, ноябрь, № 13(22).

19

Илюшин А. Указ. соч., с. 20.

20

Илюшин А. Указ. соч.,

21

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. П. М., 1985, с. 193.

22

«Вакханалический певец Иван Семенович Барков». — ЦГАЛИ, ф. 74, оп., ед. хр. 1, л. 6; об этом источнике см. в статье «Рукописная и печатная история Баркова и барковианы» в наст. изд.

23

Соч. и переводы И. С. Баркова. 1762–1764 гг. СПб., 1872, с. V.

24

Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция (Книжная лавка А.-Ф. Смирдина). М., Федерация [1929], с. 121.

25

ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 2, ед. хр. 278, л. 1-1об.

26

Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. 2. СПб., 1891, с. 148–150.

27

Кулябко Е. С. и Соколова Н. В. Барков — ученик Ломоносова. — Ломоносов: Сборник статей и материалов, т. VI. М.-Л., 1965;

Кулябко Е. С. Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977.

28

Венгеров С. А. Указ. соч., с. 148.

29

ОР ГБЛ, ф. 241, п. 15. ед. хр. 38, л. 1; здесь указано, что заметка была помещена в части 2, на стр. 648–649 этого «Словаря».

30

См.: ЧистовичИ. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857, с. 58. Об образовании академического университета см.: Кулябко Е. С. Указ. соч.

31

Билярский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, с. 104 (документ № 57).

32

Пекарский П. П. История имп. Академии Наук в Петербурге, т. 2. СПб., 1873, с. 385.

33

Пекарский П. Редактор, сотрудник и цензура в русском журнале 1755–1764 годов. — Записки имп. Академии Наук, т. XII, приложение № 5; СПб., 1867, с. 32.

34

Кулябко Е. С. Указ. соч., с. 12.

35

См.: Кулябко Е. С. и Соколова Н. В. Указ. соч.; Степанов В. П. Барков. — Словарь русских писателей XVIII века, вып. I (А-И). Л., 1988.

36

Пекарский П. Редактор, сотрудник и цензура… с. 33–34.

37

Там же, с. 32–33.

38

ЦГАЛИ, ф. 74, оп. 1, ед. хр. 1, л. 5-5об.

39

Степанов В. П. Указ. соч., с. 58.

40

БилярскийП. С. Указ. соч., с. 104–105; см.: ААН, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 158, л. 424 и сл.

41

Степанов В. П. Указ. соч., с. 58; Билярский П. С. Указ. соч., с. 105.

42

ААН, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 175 (Материалы Канцелярии АН; текущие дела за март 1753 г.), л. 526-526об.

43

Там же, л. 527-527об.

44

Билярский П. С. Указ. соч., с. 105.

45

ААН, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 175, л. 528.

46

Пекарский П. Редактор, сотрудник и цензура…, с. 64, 65.

47

ААН, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 187 (текущие дела за апрель 1754 г.), л. 42-42об.

48

ААН, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 187, л. 43об.

49

О переписанных Барковым ломоносовских бумагах см.: Модзалевский Л. Б. Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Научное описание. М.-Л., 1937; Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М,-Л., 1961; Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971; КулябкоЕ. С. иСоколоваН. В. Указ. соч.

50

Билярский П. С. Указ. соч., с. 305–306.

51

Моисеева Г. Н. Указ. соч., с. 160; см. там же в Приложении снимок автографа Баркова этого документа.

52

ЦГАЛИ, ф. 74, оп. 1, ед. хр. 1, л. 9.

53

В доношении от 22 апреля 1759 г. с жалобой на Н. И. Попова; Ломоносов прозрачно подразумевается в числе «других» пьяниц, «о которых Академия не меньше меня известна» (Пекарский П. История имп. Академии Наук в Петербурге, с. 657).

54

Принадлежность этого сочинения Баркову впервые установил В. П. Семенников (см. его «Материалы для истории рус. литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II». СПб., 1914, с. 10–11); позднее была обнаружена и рукопись Баркова (Кулябко Е. С. и Соколова Н. В. Указ. соч., с. 200–205; Кулябко Е. С. Указ. соч., с. 30–31). (Подробнее см.: Моисеева Г. Н. Сочинение Ивана Баркова по русской истории. — Страницы истории рус. литературы. М., 1971.)

55

Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная. Пер. В. Кеневича. — Сборник ОРЯС имп. АН, СПб., 1875, т. 13, с. 59–60.

56

«…Барков был весьма плохой знаток истории: он совершенно испортил порученное ему Академиею первое издание Нестора» (с. 189–190); ср. Старческий А. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845, с. 143.

57

См., например, в указанных работах Г. Н. Моисеевой и Е. С. Кулябко.

58

Билярский П. С. Указ. соч., с. 308.

59

Степанов В. П. Указ. соч., с. 58.

60

См. в наст. изд.

61

Степанов В. П. Там же.

62

ЦГИА, ф. 468, оп. 43, ед. хр. 79, л. 158.

63

Макаров М. Жизнь и приключения всех российских периодических изданий от самого начала их появления на земле русской и до нашего времени. Статья П. Год 1763. — Московский наблюдатель, 1837, октябрь, кн. 1, с. 331. Любопытно соотношение этого предания с более поздним, приписывавшим Баркову известную порнографическую поэмку «Утехи императрицы» (или «Григорий Орлов, любовник Екатерины») и представлявшим Баркова счастливым конкурентом Орлова у императрицы (см. Московские ведомости, 1991, № 21 (33).

64

«Не пользу сатир я хвалами возношу…»; см. в наст. изд.

65

См. в наст. изд.

66

Из экспромта Е. А. Баратынского (1825); пристрастие братьев Орловых к кулачным боям стало хрестоматийной культурологемой екатерининской эпохи; А. С. Пушкин видел в нем «черты народности».

67

Геннади Г. Об «Аввакумовском Скитнике», приписанном Фонвизину. — Библиографические записки, 1859, № 11, стб. 340.

68

Новиков Н. И. Избранные произведения. М.-Л., 1951, с. 333.

69

См.: Русский архив, 1883, № 3, с. 68; ср. образцы «чухонского произношения» в этом стихотворении и аналогичную «иностранно-русскую» речь в поэме «Осквернённый Ванюша Яблошник».

70

Русский архив, 1863, № 2, с. 83.

71

О вхождении этого цикла в сборники барковианы см.: Степанов В. П. Указ. соч., с. 60; вряд ли справедливо автором всей стихотворной подборки тут назван сам Олсуфьев; ряд текстов цикла прямо обращен к нему. Об этих произведениях см. также замечания в статье: Зорин Андрей. Барков и барковиана. — Лит. обозрение, 1991, № 11, с. 19.

72

См. замечания по этому поводу А. А. Илюшина (Лит. обозрение, 1991, № 11, с. 10).

73

А. С. Пушкин в 1826 г. заметил в письме к П. А. Вяземскому: «Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова». С 1830-х гг. Барков начинает делить эту «похабную славу» с Пушкиным, Языковым, Полежаевым: на основании действительного авторства нескольких фривольных текстов всем им приписывается огромное количество поэтической похабщины. Если случай с Пушкиным допускает мифологизированное истолкование (кто сочинил? — Пушкин), то имена Языкова и Полежаева подобным культурологическим потенциалом не обладали, и псевдоавторство рождалось по метонимическому принципу: от реального текста к смежным.

74

Материалы для истории русской литературы. Издание П. А. Ефремова. СПб., 1867, с. 163–164.

75

Характеристику этих полемик см.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М.-Л., 1936; материалы см. в кн.: Поэты XVIII века, т. 2. Л., 1972; о стихотворениях, приписывавшихся Баркову, см. в статье «Рукописная и печатная история Баркова и барковианы» в наст. изд.

76

Берков П. Н. Указ. соч., с. 299; публикатор (по нашему мнению, справедливо) полагает, что под трагедией «Дураков» надо понимать «Дурносова и Фарноса».

77

По поводу интерпретации этих слов см.: Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция. (Книжная лавка А. Ф. Смирдина). М., [1929], с. 127–130.

78

Сочинения и переводы И. С. Баркова. 1762–1764. СПб., 1872, с. II–III. Автор очерка полагал годом смерти Баркова 1778-й.

79

Вышли в октябре 1762 г.; об издании см.: Моисеева Г. Н. Иван Барков и издание сатир Антиоха Кантемира 1762 г. — Русская литература, 1967, № 2; Барков позволил себе «осовременить» стилистику стихотворений Кантемира, и в таком виде в течение века они читались и печатались в России; этот редакторский «грех» Баркова отражал практику книгоиздания того времени.

80

Квинта Горация Флакка Сатиры, или Беседы, с примечаниями… СПб., 1763; Баркову принадлежит и приложенное «Житие Квинта Горация Флакка»; Федра, Августова отпущенника, Нравоучительные басни с Езопова образца сочиненные… СПб., 1764 (2-е изд., 1787); в книгу включены также переведенные Барковым «Дионисия Катона Двустрочные стихи о благонравии к сыну» и написанное им «Житие Федрово». Об этих переводах см.: Черняев П. Н. Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины II. — Филологические записки, вып. III–IV, 1904; Берков П. Н. Ранние русские переводчики Горация. — Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1935, № 10.

81

Материалы для истории русской литературы, с. 164.

82

Кулябко Е. С. Указ. соч., с. 31.

83

Там же, с. 38.

84

ЦГАЛИ, ф. 74, оп. 1, ед. хр. 1, л. 10.

85

Когда Ахиллес за Бризеиду, дочь жреца Аполлонова, взятую им в плен и похищенную Агамемноном, на онаго рассердился, то не ходил и на брань, тогда-то много царей побито.

86

Смерть Патрокла побудила Ахиллеса иттить на брань отмстить оную. Гомер в Илиаде.

87

Ариадна, похищенная Бакхом, потом от него оставлена, а стихотворцы превратили ее в Созвездие.

88

Она, будучи прекрасна, вышла замуж за безобразного и кривого Вулкана.

89

Стихотворец представляет в сей сатире Приапа, который поставлен был в Эсквилинских садах, жалующегося, что не столько обеспокоивают его воры и птицы, как ворожеи, в том месте для колдовства собирающиеся.

90

Эсквилами называлась гора и село в Риме, где был замок римского царя Тулла Гостилия; после на том месте погребались рабы и подлые люди, где напоследок Меценат для здравого воздуха развел сады.

91

Сии оба, расточив имение свое, погребены в Эсквилах, которые можно по-нашему назвать *убогим домом.*

92

На плите означалось все пространство погребального места, которое имело в ширину тысячу, а в длину триста саженей; при том и завещание умершего.

93

Канидия и Сагана, о которой ниже в сей сатире упоминает, суть имена волшебниц.

94

Гекатою называлась Прозерпина; а Тизифоною одна из трех адских фурий.

95

То есть, если я говорю неправду, то пусть всякий бездельный и негодный человек мне насмехается.

96

В деревнях привешивали над дверьми волчью морду, будто тем от порчи избавлялись, так, как у нас в хлевинах лапоть вешают.

97

ОР ГБЛ, ф. 344 (собрание Шибанова), № 412.

98

При том, что сам напечатанный текст ничем не выходил за рамки благопристойности. М. Н. Макаров, не будучи осведомленным по поводу «второго плана» этой оды, воспринимал ее абсолютно нейтрально, хотя нашел «безнравственность» в помещенном рядом с ней переводе с французского «Истории путешествий Скармантадовых», выполненном А. Г. Спиридовым, и даже воскликнул по этому поводу: «Мне непостижимо, как нравственный Рубан решился поместить его в своей „Старине и Новизне“…» (Московский наблюдатель, 1837, сентябрь, кн. 2, ч. 14, с. 215).

99

ОР ГБЛ, ф. Полторацкого, п. 15, № 38, л. 16.

100

Библиографические записки, т. 1, 1858, № 16, стб. 485.

101

Пекарский П. История императорской Академии Наук в Петербурге, т. 2. СПб., 1873, с. 206, 605–606. Последнее стихотворение в настоящее время атрибутируется Ломоносову. Местонахождение рукописного сборника Пекарского сейчас неизвестно.

102

Библиографические записки, т. 2, 1859, № 15, стб. 449–476; в казанском сборнике под этими стихами стоит имя Сумарокова.

103

Бобров Е. А. Из истории русской литературы XVIII и XIX столетий. СПб., 1907, с. 1–3 (оттиск из Известий ОРЯС имп. АН, т. XI, кн. 4, 1906).

104

Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М.-Л., 1936.

105

Моисеева Н. Г. 1) Из истории русского литературного языка XVIII в. («Сатира на употребляющих французские слова в русских разговорах» И. Баркова. — Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971; 2) К истории литературно-общественной полемики XVII века. — Искусство слова. М., 1973. Тексты извлечены из «портфелей» Миллера: ЦГАДА, ф. 199, п. 150, ч. 1, д. 20; смотри их в «Приложении» к настоящему изданию.

106

Ранее всего в малотиражном журнале в качестве «книжной редкости» был перепечатан перевод Баркова пьесы Л. Ладзарони «Мир героев» (1762): Яковлев С. «Мир героев», драма в переводе И. Баркова. — Библиографические записки, т. 2, 1859, № 11.

107

ЦГАЛИ, ф. 74, оп. 1, ед. хр. Рукопись в 79 л.

108

На тексте «Оды» — цензурная скрепа, правда, фамилия цензора неразборчива: «печатать позволяется, цензор Веллам<ов>?».

109

Этот рассказ помещен как комментарий к анекдоту «Барков был хорошо знаком с Ломоносовым…», процитированному нами в биографическом очерке по тексту ЦГАЛИ.

110

Цитируется «Трагическая безделка» «Лестное желание, или Красна смерть, на хую умереть», примерно датируемая первой четвертью XIX в.; ее текст есть в сборнике ГПБ № XIV. 109.

111

ГБЛ, Погодин, разр. II: 8:21-5, л. 6.

112

Отдельные замечания см.: Печерская Т. Русский демократ на rendez-vous. — Литературное обозрение, 1991, № 11.

113

Ничего общего с творчеством Баркова не имеют и все перечисленные произведения: последнее — это известное фривольное стихотворение Д. П. Горчакова «Соловей», первые же два относятся к массовой продукции второй четверти XIX в. (текст «В задорной юности моей» под

114

Тут Васильев повторяет ошибку «биографического очерка», открывающего рецензируемую им книгу.

115

Текст рецензии сохранился в бумагах издателя «Русского архива» П. И. Бартенева (ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 2, ед. хр. 278); рецензия датирована: «Казань, 22 ноября 1873 г.» и подписана «П. Библиограф».

116

Том 1, вып. 4. СПб., 1894; одна сатира Горация, две басни Федра и 11 двустиший Дионисия Катона; здесь же с небольшими сокращениями перепечатана статья Венгерова из «Словаря».

117

Например, СПб., типография М. Михайловой, 1906 (с портретом на обложке); М., типография П. В. Бельцова, 1907.

118

Так, декларации П. Е. Щеголева были подхвачены в 1960-е гг. Г. П. Макогоненко (ср.: Щеголев П. Е. Поэма «Монах» <1928>. — В его кн.: Первенцы русской свободы. М., 1987; Макогоненко Г. П. «Враг парнасских уз». — Русская литература, 1964, № 4).

119

Важное указание на намерение Цявловского опубликовать подборку произведений барковианы содержится в цитируемом ниже письме Г. А. Гуковского; об этих планах нам больше ничего не известно.

120

См. пассаж о литературном значении, барковианы в его учебнике: Русская литература XVIII века. М., 1939, с. 178.

121

Переписка хранится в ЦГАЛИ, ф. 603, оп. 1, ед. хр. 67, цитируется с указанием листов в тексте.

122

Литературное наследство. М., 1933, N2 9-10, с. 10, примеч. Языков Н. М. Полное собрание стихотворений. М.-Л., 1934, с. 729.

123

Т. 1. Л., 1972. В других томах серии «Библиотека поэта» перепечатывался ряд переводов Баркова. Особо следует отметить подготовленный А. А. Морозовым сборник «Русская стихотворная пародия. (XVIII — начало XX в.)». Л., 1960, где во вступительной статье (еще до появления работ Г. П. Макогоненко) был дан анализ барковианы с ее характеристикой и рядом цитат, а драма «Ебихуд» (конечно, без указания ее заглавия) довольно увлекательно пересказана (см. с. 17–24 указанного издания).

Пользуемся случаем выразить глубокую признательность А. Б. Устинову за ценную помощь в наших изысканиях.

125

ЦГАЛИ, ф. 74, оп. 1, ед. хр. 1, л. 3.

126

О версии этого произведения, напечатанной в «Московских ведомостях», 1991, № 21 (33), см. в статье А. Зорина в наст. изд.

127

№ 1, с. 7. В № 3 помещен «Поп Вавила» (этот текст, впрочем, можно отнести ко второй половине XIX в.; нам известны его списки той поры), и тут же сообщается о готовящемся «более полном сборнике» Баркова «отдельной брошюрой»; его состав очевиден уже априори.

128

Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. 2. СПб., 1891, с. 151–152, примеч. Обе рукописи известны и сейчас.

129

См.: Берков П. Н. Указ. соч.; Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 8. М.-Л., 1959, по указателю имен; ГуковскийГ. А. Примечание — Литературное наследство. М., 1933, № 9-10, с. 95; и др. Несколько иные источники у М. А. Цявловского.

130

Макогоненко Г. П. Избранные работы. Л., 1987, с. 156–157.

131

См., например: Мартынов И. Ф. У истоков русской фривольной поэзии. «Декамерон» Дж. Боккаччо в России XVIII века. — Ricerche Slavistiche, vol. XXIX–XXXI. 1982–1983, p. 158–159.

132

Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988, вып. 1 (А-И), с. 61.

133

Список основных источников нашей работы был приведен в статье Андрея Зорина «Барков и барковиана». — Литературное обозрение. 1991, № 11, с. 19. См. указание на источники публикаций А. А. Илюшина: «Комментарии». [М.] «Интерком», 1992, № 1, с. 129–130.

134

Вписано сверху.